

МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ОБЛАСТНОЙ
УНИВЕРСИТЕТ

ФАКУЛЬТЕТ ИСТОРИИ, ПОЛИТОЛОГИИ И ПРАВА

КАФЕДРА ПОЛИТОЛОГИИ И ПРАВА

На правах рукописи

Маммадов Муслум Мурсал оглы

**Особенности модернизации постсоветских
политических режимов**

Специальность: 23.00.02 –

«Политические институты, процессы и технологии»

Диссертация на соискание ученой степени кандидата политических
наук

Научный руководитель

Доктор исторических наук, профессор

ЕГОРОВ ВЛАДИМИР ГЕОРГИЕВИЧ

МОСКВА 2017

Содержание

Введение.....	3
<u>Глава 1. Историко-культурные основания модернизации постсоветских политических режимов и эволюция демократической перспективы.....</u>	<u>20</u>
1.1. Демократия: от социальной идеи к общественной практике.....	20
1.2. Эволюция российской государственности в контексте современной политической модернизации.....	54
<u>Глава 2. Либеральная демократия и модернизация постсоветских политических режимов.....</u>	<u>76</u>
2.1. Основания идентичности постсоветских политических режимов	76
2.2. Адекватность либеральной демократии постсоветской политической модернизации.....	99
2.3. Особенности модернизация постсоветских политических режимов.....	124
Заключение.....	159
Список использованной литературы и источников	162

Введение

Актуальность исследования. Демократический транзит в ряду важнейших цивилизационных трансформаций формирует содержание нового облика современного миропорядка. Глобализация процесса демократизации, отмеченная С. Хантингтоном, определяет социальную перспективу развития человечества.

Вместе с тем демократизация, воплощаемая институтами и механизмами, заимствованными из западного культурного опыта, далеко не всегда приводит к ожидаемому результату. Особенно очевидна нерелевантность внедрения западных институтов в социокультурный организм постсоветских стран, за исключением государств, инкорпорированных в единое европейское политико-правовое поле.

В политической науке стран СНГ сложился консенсус относительно того, что отсутствие явных признаков консолидации демократии в новых независимых государствах не является свидетельством «конца транзитологии», но лишь инициирует когнитивный и практический поиск направлений перехода от авторитаризма к демократии.

В представлении одних ученых, перед современными транзитологами стоит задача на основе преодоления линейного видения процесса демократизации «разработать новую концептуальную рамку режимных изменений и новую детализированную и дифференцированную типологию современных политических режимов». При этом проблема теоретического осмысления, по мнению сторонников этого подхода, должна смещаться с «атрибутивных характеристик и свойств» («управляемая», «делегативная», «электоральная», «авторитарная») на сам предикат демократии и, собственно, постсоветские политические режимы, концептуализироваться в «недемократической понятийной рамке» «неоавторитаризма»¹.

---

¹ Мельвиль А.Ю. Демократические транзиты // А.Ю. Мельвиль. Политология: Лексикон / под ред. А.И.Соловьева. М. : Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2007. С. 123-134.

Другие исследователи, имея в виду динамичность идеи и общественной демократической практики, развивающейся в процессе социальной эволюции, предлагают вместо транзитологии новый когнитивный формат общественной перспективы на основе «постмодерна»².

Третьи полагают, что «демократический транзит» как целеполагание социально-политической трансформации, ориентированной на достижение высокого уровня политического участия, является адекватной парадигмой эволюции постсоветских политических режимов, не ограниченной качеством «неоавторитаризма». При этом процесс демократизации видится опосредованным не только целеполаганием, но и культурно-историческим контекстом.

Очевидно, что дальнейший поиск пути политической модернизации постсоветских политических режимов в формате абсолютных универсалий не принесет конструктивных результатов, а лишь обострит «цивилизационный разлом», обозначившийся в современном мировом ландшафте. Кроме того, постсоветская политическая реальность, искусственно конструируемая под лекало, диктуемые демократическим опытом Запада, продуцирует симулякры, не интегрирующие общество и власть и, вследствие этого, сохраняющие высокий потенциал нестабильности.

Сказанное убеждает в актуальности и практической значимости определения адекватных моделей трансформации постсоветских политических режимов.

Методологической и теоретической основой исследования стали теоретические представления политической науки о политических режимах, наиболее глубоко и всесторонне изложенные в работе А.П. Цыганкова. Под политическим режимом (вслед за А.П. Цыганковым обобщившим политологический опыт идентификации этого феномена) понимается:

---

² Капустин Б.Г. Конец «транзитологии» (О теоретическом осмыслении первого посткоммунистического десятилетия) // Полис. 2001. № 4. С. 6-11.

«совокупность определенных структур власти, которые функционируют в общих (структурных и временных) рамках политической системы общества и преследуют цели ее стабилизации, опираясь в этом на сложившиеся (или же складывающиеся) социальные интересы и используя специфические методы. Режим, таким образом, это своего рода жизнь, "дыхание" политической системы, ее упорядоченная динамика»³.

Для удобства использования определения в качестве описательного инструмента считаем возможным применение его резюмированного, сокращенного содержания: политический режим – это способ организации власти с целью достижения определенных политических целей.

Модернизация режимов как трансформационный процесс, в ходе реализации которого достигается новое качество, концептуализируется в рамках общей теории и специальных идей модернизации в политологическом дискурсе⁴. При этом следует иметь в виду, что термин «модернизация» нами используется не в узком смысле актуализации современности, а в широком – достижения нового качества политических режимов. Намеренное преодоление узкой трактовки модернизации позволило избежать аксиоматической заданности работы в формате бесспорного положения о том, что «в глобальном масштабе так и не появилось» «альтернатив равновеликих Модерну – Современности, Демократии и Капитализму»⁵. При этом в полемическом теоретическом дискурсе традиция рассматривается в нелинейном движении к новому качеству как необходимый конструкт современного, не олицетворяемый с его рудиментарными характеристиками, но несущий созидательный, позитивный потенциал.

Исходя из методологической установки на конструктивную роль традиции, настоящее исследование основывается на необходимости

---

³ Цыганков А.П. Современные политические режимы: структура, типология, динамика. М., 1995. С.18.

⁴ См., например: Идеи модернизации в политической науке и политической практике // Политическая наука. 2012. № 2.

⁵ Мартыанов В.С. Политический проект модерна. От мироэкономики к мирополитике: стратегия России в глобализирующемся мире. М., 2010. Аннотация.

инкорпорирования в содержание модернизационного процесса политических режимов консервативной составляющей как императива, отражающего его историко-культурный контекст.

При этом концептуальные позиции работы основываются: во-первых, на учете отличий традиционализма и консерватизма, являющегося, в отличие от первого, «продуктом нового времени»⁶; во-вторых, на солидарности с той частью научного сообщества, которая не считает консерватизм альтернативой развитию. «Консерватизм, – пишет один из представителей этой научной точки зрения А.В. Репников, – означает признание возможности развития на почве сохранения традиционных ценностей. Безапелляционное противопоставление традиции и модернизации возникает в том случае, если с понятием модернизации связывается исключительно заимствование зарубежного опыта, а под традицией понимается приверженность ко всему старому и отжившему в социально-политической и общественной жизни»⁷. Такая артикуляция аксиологических ориентиров консерватизма позволяет, в-третьих, избежать подхода, связанного с его оценкой в качестве «функциональной» идеологии, нацеленной на сохранение «существующей структуры общества и его институтов»⁸. В-четвертых, введение в концептуальное основание работы паттерна консерватизма предполагает его темпоральное измерение, обуславливающее «вариантность объектов консервативной фиксации», «характеристик и признаков консервативного идейно-духовного комплекса»⁹.

В оценке содержания теоретического концепта консерватизма предпочтение отдано определению, данному А.А. Ширинянцем: «Рефлексивный же, или "теоретический", консерватизм – это некий сплав очень разных тем, мотивов, настроений, хотя и имеющих общий стержень. В первом приближении стержень этот включает аргументацию, во-первых,

---

⁶ *Консерватизм в России и мире: в 3 ч. / под ред. А.Ю. Минакова. Воронеж, 2004. Ч. 1. С. 58-59.*

⁷ *Репников А.В. Консервативные концепции переустройства России. М., 2007. С. 9.*

⁸ *Сокольская И.Б. Консерватизм: идея или метод? // Полис. 1998. № 4. С. 54.*

⁹ *Ширинянец А.А. Нигилизм или консерватизм? (Русская интеллигенция в истории политики и мысли). М., 2011. С. 211.*

защиты традиционных ценностей, соблюдения их иерархии, уважения авторитетов, дисциплины, морали, норм и обязанностей индивида, основных общественных институтов – семьи, религии, общины; во-вторых, культурного кризиса, который трактуется как кризис основ, на которых покоится общество, сюда же относится страх эгалитаризма, угрожающий цивилизации; в-третьих, идеи необходимости социальной стабильности»¹⁰.

Приведенные теоретические положения позволяют определить содержание процесса трансформации постсоветских политических режимов как особенное, в значительной степени обусловленное традицией. Утверждая релевантность такого определения характеру политических преобразований, вряд ли справедливо претендовать на первенство его введения в научный оборот.

Еще российские мыслители XIX века, противопоставляя эволюционный путь политического реформирования революционному порыву радикалов изменить существующий порядок, утверждали о необходимости изменений, основанных на культурных традициях. Труды К.Д. Кавелина, Б.Н. Чичерина, П.Б. Струве заложили основы «охранительного», или консервативного, либерализма, инициировавшего широкое интеллектуально-политическое движение земской «почвенной» интеллигенции. При безусловном признании ценности личности, ее прав и свобод консервативный либерализм утверждал реформистский, эволюционный путь социальных преобразований при сохранении порядка и сильной государственной власти, преемственности культурных традиций. Таким образом, либерализм в «консервативном прочтении» преодолевал радикализм «прогрессистов» и застой «официальной реакционности». Либеральный консерватизм, по словам П.Б. Струве, противостоял противогосударственному «отщепенству».

Актуальный и сегодня, анализ видов либерализма предложил Б.Н. Чичерин. В статье «Различные виды либерализма», опубликованной в

---

¹⁰ *Шириняц А.А.* Нигилизм или консерватизм? С. 210-211.

1861 году, Б.Н. Чичерин выделил три вида либерализма. Первый – «уличный», или «либерализм толпы». «Это скорее извращение, нежели проявление свободы», – писал он. Второй – «оппозиционный», понимающий свободу исключительно «с чисто отрицательной стороны». «Он отрешился от данного порядка и остался при этом отрешении». «Отрицая современность, он поэтому самому отрицает и то прошедшее, которое ее произвело. Он в истории видит только игру произвола, случайности, а пожалуй, и человеческого безумия». И наконец, по мнению Б.Н. Чичерина, «сущность охранительного либерализма состоит в примирении начала свободы с началом власти и закона. В политической жизни лозунг его – либеральные меры и сильная власть; либеральные меры, предоставляющие обществу самостоятельную деятельность, обеспечивающие права и личность граждан, охраняющие свободу мысли и свободу совести, дающие возможность высказываться всем законным желанием; сильная власть – блюстительница государственного единства, связующая и сдерживающая общество, охраняющая порядок, строго надзирающая за исполнением закона, пресекающая всякое его нарушение, внушающая гражданам уверенность, что во главе государства есть твердая рука, на которую можно надеяться, и разумная сила, которая сумеет отстоять общественные интересы против напора анархических стихий и против воплей реакционных партий»¹¹.

Степень научной разработки темы. Особенности постсоветской политической трансформации режимов стали предметом современных исследований¹². Однако представители одной точки зрения отрицают конструктивный потенциал консервативной модернизации¹³, другие сторонники либерально-консервативной политической модели рассматривают централизованную власть незыблемым, статичным и поэтому

---

¹¹ Чичерин Б.Н. Различные виды либерализма // Опыт русского либерализма. Антология. М., 2007. С. 49-50.

¹² Консервативная модернизация: сценарий на ближайшее будущее / Россия: третье тысячелетие // Вестник актуальных прогнозов. 2001. № 2.

¹³ См.: Ионин Л.Г. Апгрейд консерватизма. М., 2010; Медушевский А.Н. К критике консервативной политической романтики в постсоветской России // Российская история. 2012. № 1. С. 3-16.

способным «обеспечить стабильность в краткосрочной перспективе» элементом¹⁴.

В попытке отстоять либеральные ценности Т.И. Зайцева посчитала необходимым обосновать концепцию «русского либерализма», «принципиально отличающегося от западных аналогов»¹⁵. Однако, говоря об особенностях этого феномена: гармонизации свободы и порядка, личности и государства, общественной природы индивида, соборности и нравственных истоках права, Т.И. Зайцева фактически отвела их к ценностям консервативным, что в конечном счете определило вывод о том, что «истинный либерализм неотделим от консерватизма»¹⁶.

Важным с точки зрения определения концептуальной стратегии исследования стало положение, согласно которому «обеим идеологиям (либерализму и консерватизму. – *Авт.*) присущи как универсалистские, так и релятивистские установки; более того, сами ценности (права человека, равноправие, справедливость, свобода и др. – *Авт.*), защищаемые консерваторами и либералами, имеют тождественную природу»¹⁷. Исходя из этого посыла особенность модернизации в данной работе не рассматривается как альтернатива либерализации постсоветского политического порядка.

Политологическая, экспертная и аналитическая литература изобилует определениями, раскрывающими существо постсоветских политических режимов: «псевдodemократические», «авторитарные», «переходные», «транзитные», «неопатримониальные», хотя в классической политической теории принято выделять демократический и недемократический (авторитарный или тоталитарный) режимы¹⁸.

Трактовку понятия политического режима, позволяющую выйти за пределы их традиционных характеристик, предложил Г.В. Голосов. В своем

---

¹⁴ Баранов Н.А. Влияние консервативных тенденций на формирование политической системы России // Обозреватель-Observer. 2016. № 3. С. 16.

¹⁵ Зайцева Т.И. В защиту русского либерализма // Полис. 2006. № 1. С. 175.

¹⁶ Там же. С. 176.

¹⁷ Честнейшин Н.В. Консерватизм и либерализм: тождество и различие // Полис. 2006. № 4. С. 170.

¹⁸ Цыганков А.П. Современные политические режимы: структура, типология, динамика. М., 1995.

труде по сравнительной политологии он заметил, что релевантное определение политических режимов должно максимально интегрировать концептуальные теоретические и эмпирические характеристики его качества¹⁹.

Несмотря на широкий ряд категориальных определений постсоветских политических режимов относительно оценки их сущностных качеств, в политической науке сложился консенсус²⁰. Практически все исследователи, обратившиеся к этой теме, выделяют в качестве режимных признаков: персоналистский; электорально-популистский авторитаризм; отсутствие верховенства закона и конкурентной сменяемости власти, открытых выборов; слабость и разобщенность политической оппозиции; конформизм буржуазии; клиентно-патрональные отношения власти с элитой и внутриклановых сообществ.

В отличие от отечественных политологов, научный поиск которых зачастую выходит за формат либерально-демократической модели развития, западное научное сообщество в основном отстаивает точку зрения, согласно которой трансформация постсоветских политических режимов воспроизводит демократическую парадигму Запада.

Большинство критиков (из числа западных политологов) постсоветских режимов характеризует их «псевдодемократиями» с наличием «многих конституционных характеристик электоральной демократии», в том числе «легально действующими оппозиционными партиями». В качестве черт,

---

¹⁹ *Голосов Г.В.* Сравнительная политология. Новосибирск. 1995. С. 172.

²⁰ *Розов Н.С.* Теория трансформации политических режимов и природа неопатримониализма // Полис. 2015. № 6. С. 157-172.

Фисун А.А. К переосмыслению постсоветской политики: неопатримониальная интерпретация // Политическая концептология. 2010. № 4. С. 158-187.

Фурман Д.Е. Дивергенция политических систем на постсоветском пространстве // Свободная мысль. Т. XXI. 2004. № 10. С. 14-25.

Харитонова О.Г. Недемократические политические режимы // Политическая наука. 2012. № 3. С. 9-30.

Тельман В.Я. Модернизация, институты и «порочный круг» постсоветского неопатримониализма: препринт М-41/15.СПб. : Изд-во Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2015. 44 с. Доступ: http://eu.spb.ru/images/M_center/M_41_15.pdf (проверено 04.10.2015).

Гудков Л.Д. Негативная идентичность. Статьи 1997-2002. М. : Новое литературное обозрение. 2004.

Коротаев А.В., Исаев Л.М., Васильев А.М. Количественный анализ революционной волны 2013-2014 гг. // Социологические исследования. 2015. № 8. С. 119-127.

отличающих политический порядок бывших союзных республик от развитых демократий, называются: 1) отсутствие «поля для относительно честного (электорального) соперничества»; 2) персонификация и низкий уровень институализированности политических режимов; 3) дивергенция электоральной и либеральной демократии, измеряемой «объемом политических прав и гражданских свобод»²¹.

Оценивая процесс демократизации «с эволюционных позиций», т.е. рассматривая его «как систему, которая возникает не сразу, а по частям (отдельными фрагментами)», возникающими не последовательно, сторонники западной модели общественного развития полагают, что, несмотря на некоторое несовершенство, постсоветские режимы движутся в направлении либеральной демократии, создавая «важные основы для будущего демократического развития»²².

Стратегия постсоветских стран на воспроизводство западных либеральных моделей обусловлена «идеологической гегемонией демократии в сложившемся после окончания холодной войны мире»²³.

В западной политологии преобладает точка зрения относительно трансформации постсоветских политических режимов, в соответствии с которой новые независимые государства «дрейфуют в сумеречную зону», располагающуюся между авторитаризмом и демократией, с течением времени все больше отклоняясь к первому полюсу²⁴.

Технологию режимных трансформаций вслед за В. Меркель предложила Г. Михалева. Системный теоретический подход концептуализации «в традициях Парсонса» «рассматривает экономические, социальные и политические факторы, связывая изменения политических и социальных структур с развитием экономики. К этому типу относятся и

---

²¹ Даймонд Л. Прошла ли «третья волна» демократизации? // Полис. 1999. № 1. С. 15, 18.

²² Там же. С. 15.

²³ Там же. С. 20.

²⁴ См., например: Hale, Henry E. *Patronal Politics: Eurasian Regime Dynamics in Comparative Perspective*. Cambridge University Press. 2014. P. 2.

популярный среди российских политиков модернизационный подход»²⁵. Структурные теории «анализируют трансформации как следствие классовых конфликтов»²⁶. К представителям этой школы Г. Михалева относит Б. Мира, Д. Рушмайера и Э. Стефенса.

Сторонниками социокультурного подхода в концептуализации переходных режимов автор считает С. Хантингтона, Р. Патнэма, «ставящих успех демократизации в зависимость от глубоко укорененных религиозно-культурных традиций и характеристик взаимодействия между гражданами и их группами»²⁷.

Справедливости ради следует отметить, что обоснование либерально-демократического целеполагания общественного развития постсоветских стран характерно остающейся достаточно представительной части отечественного политологического сообщества²⁸.

Последовательное воспроизведение либерально-демократического институционального дизайна считает достаточным условием режимной трансформации посткоммунистических стран Г.В. Голосов. «Демократия, – пишет он, – не эквивалентна присутствию элементарных гражданских свобод и избирательных процедур. Главное в демократии не то, что регулярно проводятся выборы, а то, что у выборов может быть определенный исход: проигрыш тех, кто до выборов стоял у власти. Понятно, что они могут выиграть. Но реальная возможность их проигрыша это и есть то, что отличает демократию от не демократии, авторитаризма. При демократии, иными словами, происходит чередование у власти»²⁹.

Однако и такой подсказанный уважаемым политологом сценарий демократических процедур не обеспечивает широкое участие граждан в принятии политических решений, а в лучшем случае обеспечивает

---

²⁵ Михалева Г. Режимные переходы: основные концепции // Отечественные записки. 2013. № 6. С. 4.

²⁶ Михалева Г. Режимные переходы: основные концепции. С. 5.

²⁷ Там же. С. 6.

²⁸ См., например: Лебедева Т.П. Либеральная демократия как ориентир для посттоталитарных преобразований // Полис. 2004. № 2. С. 76-84.

²⁹ Голосов Г.В. Демократия в России: инструкция по сборке. СПб, 2012. С. 14.

комплементарную передачу власти от одного элитного сообщества другому. Обладающие аутентичными сущностными качествами и природой происхождения постсоветские элитные сообщества не продуцируют даже критикуемый сегодня советский уровень рекрутирования во власть носителей общественных интересов, поэтому рассуждения Г.В. Голосова о том, что несовершенный институт выборов нарушает «механизм воспроизводства правящего клана», не имеют под собой реальной почвы³⁰.

Вкладывая в понятие демократии не традиционный смысл «системы универсального недоверия» людей «несовершенных по определению: невежественных, своекорыстных, трусливых», преследующих «собственную выгоду» и всегда готовых «ради получения этой выгоды наступить ближнему на горло», В.Г. Голосов тем не менее считает граждан способными (видимо, благодаря институтам либеральной демократии) «коллективно вырабатывать взаимно приемлемые решения»³¹.

Разбор противоречий, которыми изобилует авторская «инструкция по сборке» Г.В. Голосова, не входит в круг поставленных настоящей работой задач. Укажем только, что ее логика не проясняет важные с точки зрения режимной трансформации вопросы: «Каков механизм консолидации эгоистичной и малоподготовленной к принятию решений массы?»; «Каким образом институты либеральной демократии обеспечивают участие масс в принятии решений?» На эти и многие другие вопросы инструкция В.Г. Голосова, абсолютизирующая «процедурную демократию», ответов не дает.

В целом разделяя позиции институционализма, В.Я. Гельман считает важнейшим элементом политической модернизации (переход «различных стран к современным моделям устройства общества») заимствование или создание базовых институтов по западному образцу³². Модернизация политического режима (демократизация) рассматривается В.Я. Гельманом

---

³⁰ Голосов Г.В. Демократия в России: инструкция по сборке. С. 18.

³¹ Там же. С. 25, 29.

³² Гельман В.Я. Из огня да в полымя: российская политика после СССР. СПб., 2013. С. 16-17.

как следствие конкуренции на «политическом рынке» и, напротив, «его монополизация» (характерная для авторитарных режимов) влечет за собой застой. Устойчивость авторитарных (электоральных авторитарий, по В.Я. Гельману) постсоветских режимов объясняется длительным отсутствием «политического спроса» на перемены, что, в свою очередь, породило «свободу рук» «политических акторов», «позволявшую им не слишком опасаться проявлений общественного недовольства»³³.

Помимо того, что схема, предложенная В.Я. Гельманом, требует специального разъяснения, что имеется в виду под термином «политический спрос» – политическая рефлексия населения, осознанная позиция гражданского общества, потребность политических реформ, обусловленная эволюцией социума, и т.д. – само ее содержание выглядит значительным упрощением реальности. Вряд ли потребность политического участия (например, в России до 2010 года) была менее актуальна, чем после известных «болотных» событий или в Казахстане до и после событий 2016 года в Актубе.

Режимные трансформации в контексте транзитологии стали предметом изучения коллектива авторов. Исследователи Высшей школы экономики А.Ю. Мельвиль, Д.К. Стукал и М.Г. Миронюк в рамках двух проектов, осуществленных в 2010-2011 годах лабораторией качественных и количественных методов анализа политических режимов, задались вопросом: «Нужны ли для демократии какие-то специфические предварительные условия какого бы то ни было характера – ценностные и пр., или определяющими являются решения и действия политических акторов, стремящихся к демократии или противящихся ей?»³⁴. На основе анализа демократической глобализации «третьей волны» авторы справедливо утверждают, что «нет единого вектора развития для всех стран и народов, нет

---

³³ Гельман В.Я. Из огня да в полымя: российская политика после СССР. С. 22-23.

³⁴ Мельвиль А.Ю., Стукал Д.К., Миронюк М.Г. Факторы режимных трансформаций и типы государственной состоятельности в посткоммунистических странах: препринт WP14/2011/04. Высшая школа экономики. М., 2011. С. 3.

единого будущего человечества – коммунистического, либерального, рыночного и любого иного, – есть разнонаправленность, множественность миров в нашем современном "глобальном мире"»³⁵.

Таким образом, краткий экскурс в проблематику, связанную с режимной трансформацией, и поиск вариантов перехода от авторитаризма к демократии в приемлемых, в том числе постсоветских, странах убеждает в актуальности и практической значимости целей, поставленных настоящим исследованием.

Объектом исследования явились постсоветские политические режимы.

Предметом исследования стал процесс демократического транзита в странах ближнего зарубежья.

Цель работы состоит в определении и презентации модели трансформации постсоветских политических режимов.

Для реализации цели в работе решались следующие задачи:

- выявить основные тенденции когнитивного освоения и практического воплощения феномена демократии;
- определить структурные предпосылки модернизации постсоветских политических режимов;
- проанализировать основные сущностные качества политических режимов новых независимых государств;
- показать нерелевантность либерально-демократической модели трансформации постсоветских политических режимов;
- презентовать модель их модернизации.

Научная новизна работы заключается:

- в выявлении адекватности современной представительной модели демократии тенденциям связанным с эволюцией социумов в направлении нарастания их «сложности»;
- в обосновании историко-культурным контекстом особенности постсоветского демократического транзита;

---

³⁵ Там же. С. 4.

- в определении основных сущностных характеристик постсоветских политических режимов;
- в анализе релевантности либерально-демократической модели постсоветской режимной трансформации;
- в предоставлении основных характеристик модели модернизации постсоветских политических режимов.

Методы исследования. В ходе написания работы были использованы как общенаучные методы: анализа, синтеза, системного и исторического подходов, что позволило представить объект исследования в многогранной палитре качеств, свойств и факторов, определяющих направление его эволюции, и в историко-культурном контексте, обуславливающем современный облик и перспективу развития, так и специальные: контент-анализ нормативных политических документов, экстраполирование на политические феномены данных социологических исследований, компаративный анализ, позволяющий увидеть общее и особенное в постсоветских режимных трансформациях, метод математической статистики и графических презентаций, позволяющий наглядно представить динамику отражаемых явлений.

Работа написана на широкой эмпирической основе. Важнейшей группой источников явились документы государственных институтов, извлеченные из официальных электронных ресурсов и опубликованных сборников документов.

Картину, связанную с описанием официальных структур, существенно дополнили сведения, содержащиеся в выступлениях, интервью и статьях государственных деятелей и публичных политиков.

Существенным источником для написания работы стали периодические, в том числе электронные, средства массовой информации.

Описание тенденций режимной эволюции новых независимых государств стало возможным благодаря привлечению данных мониторинговых структур, в том числе социологических, таких как

Евразийский мониторинг, ВЦИОМ, Левада Центр, статистических сборников и аналитических докладов подготовленных по заказу международных общественных институтов.

На защиту выносятся следующие положения:

1. Демократия как идея и общественная практика продуцируется естественной эволюцией социально-политического процесса и его академической рефлексией. Встроенный в систему общественных отношений феномен демократии, как и весь социальный организм, не может быть статичным и обусловлен объективными и субъективными факторами, инициирующими его развитие. Попытка локализовать демократическую перспективу в рамках партикулярного культурного опыта не отражает потребность демократического развития, соответствующего возрастающей сложности социума и необходимости адекватной трансформации политических институтов.

Научное осмысление глобального демократического транзита не может быть тривиальным воспроизводством представлений, релевантных определенной политической традиции или конкретно-историческому этапу, их продуцировавшему.

Тем более контрпродуктивным представляется подход, ангажированный политическими или идеологическими предпочтениями. Адекватным направлением развития демократических дискурса и практики является формирование их перспективы на основе учета актуальных трендов социально-политической эволюции социумов, приобретающих новое качество «сложности».

2. Конструктивное решение проблемы успеха/неуспеха продвижения демократии лежит в плоскости консенсуса двух равновеликих составляющих ее опосредования: структурных и процедурных предпосылок. Однако структурные основания в большей степени определяют отправные «точки» формирования механизма и вариативность направлений продвижения демократии.

Контекст, обусловленный историко-культурными особенностями развития государственности стран постсоветского пространства, определяет направления модернизации политических режимов.

3. Содержание и направления трансформации постсоветских политических режимов обусловлены, помимо институциональных, структурными предпосылками, в силу исторических обстоятельств имеющих общие черты. Стратегия развития, ориентированная на достижение «западной демократической модели», формируемая на консенсусе власти с элитой (и узким кругом статократии), лояльной западному выбору, исчерпала свой ресурс, обеспечивающий за счет политико-идеологических технологий (критики советского прошлого, национальной мобилизации) относительную стабильность на первом этапе становления суверенитета.

Наращение противоречий, увеличивающийся социальный разлом, генерирование тенденции делегитимизации власти и политического класса, которая в сочетании с системным кризисом западной модели развития актуализировала потребность определения адекватных вариантов модернизации политических режимов, лежащих в направлении их социализации.

4. Трансформация политических режимов, ориентированная на западную либерально-демократическую модель, оказывается не релевантной, а попытки объяснения «демократического отката» национальной спецификой, требующей длительного периода имплементации демократии, препятствуют актуализации адекватных стратегий развития общества.

5. Особая модель модернизация постсоветских политических режимов не результат умозрительных заключений, но выверенная стратегия отражающая практическую потребность общественного развития новых независимых государств.

Актуальными тенденциями демократического мейнстрима являются, во-первых, поиск механизмов устойчивого консенсуса «сложного» общества и власти на основе расширения политического участия и, во-вторых,

трансформация демократической практики, связанная с коммуникационной революцией.

Структура диссертации обусловлена решением исследовательских задач и включает: введение, две главы, заключение и список использованных источников и литературы.

Практическая апробация работы. Содержание диссертации представлено в докладах на международных и региональных конференциях:

1. Актуальные проблемы политического процесса на постсоветском пространстве. Международная конференция. МГОУ, апрель 2014 г.

2. Политический процесс на постсоветском пространстве. Международная конференция. МГОУ, апрель 2016 г.

3. Актуальные проблемы расширения Шанхайской организации сотрудничества. Международная конференция. Сочи, 19.20 апреля 2016 г. и апробировано в 7 статьях, размещенных в изданиях рекомендованных ВАК Минобра РФ.

Глава 1. Историко-культурные основания модернизации постсоветских политических режимов и эволюция демократической перспективы

1.1. Демократия: от социальной идеи к общественной практике

Демократия, как феномен научной рефлексии и социальной практики, занимающий лучшие умы человечества с глубокой древности по-прежнему остается в центре внимания обществоведов. Предметом дискуссий остается не только содержание самого понятия демократии, но и возможные направления ее эволюции как общественной практики, призванной реализовать извечное стремление живущих на планете к свободе и справедливости.

Отсутствие единого взгляда на проблемы демократии связано не только с субъективностью осмысления, обусловленной идеологической и политической ангажированностью, но и динамичностью и интерактивностью самого объекта рассмотрения. Представления о демократии помимо темпоральной характеристики и конкретно-исторического контекста (например, в греческих полисах из демократического процесса исключались рабы, а в недавнем прошлом за его пределами находилась чернокожая часть населения США), обусловлены «подвижностью» соотнесения их содержания и направлений эволюции с возрастающей социальной «сложностью». Так, потенциал реализации народовластия посредством представительной демократии, безусловно, выше в гомогенных социумах (например, в обществах, не подверженных значительной социальной и имущественной дифференциации или консолидированных одной господствующей идеологией) и, напротив, ниже в развитых «сложных» социумах, в которых адекватно отразить интересы и предпочтения всех общественных групп представляется неразрешимой задачей. Расширяющийся «зазор» в представительстве интересов общества, обусловленный консервацией

нерелевантных институтов парламентской демократии ведет к социальным аномалиям, выражающимся в доминировании элит, абсентеизме, утрате легитимности власти.

В связи с тем, что абсолютное народовластие, как «первородное» содержание демократии в силу объективных условий может служить лишь целеполаганием общественной перспективы, интеллектуалы, направляющие свои усилия на его осмысление, вынуждены редуцировать контент этого феномена до субъективно определяемых, в каждой конкретной ситуации, «основных» процедур или институтов.

Другим препятствием концептуализации паттерна демократии является стремление утвердить в качестве универсальной модель, продуцированную в конкретных исторических условиях и культурной традиции.

На наш взгляд, демократия может быть представлена как устоявшееся в обществе осознание необходимости политического участия народа, формализованное в соответствующих политических и общественных институтах, обусловленных структурными предпосылками и нарастающей «сложностью социума».

Вне всякого сомнения, феномен демократии явление современное. Несмотря на то, что отдельные его признаки и черты были характерны общественной организации разных эпох и народов (греческим городам полисам, общинному самоуправлению аграрных социумов, революционным движениям и т.д.), демократия как целостная система политического устройства общества стала порождением эпохи промышленного переворота, сопровождавшейся становлением правового государства и утверждением «прямого управления»³⁶.

Классическая теория демократии впитала в себя идеи либерализма, утверждающие политическое равенство и свободу самоопределения личности, определяющие граждан как субъектов власти. Однако, с момента имплементации демократии в качестве основания для общественной

---

³⁶ Тилли Ч. Демократия. М. : ИНОП, 2007. С. 36.

организации стала очевидной невозможность обеспечения, посредством представительства «правления народа, посредством народа и для народа» (А. Линкольн). Изъяны парламентской демократии отмечал уже Ж.-Ж. Руссо, предлагая взамен народовластие малых сообществ. Позднее и сам великий француз, осознав неадекватность альтернативы демократии и общинного самоуправления, сомневался в правомерности построения общественной перспективы на основе дифференциации социума на автономные ячейки. Однако, и в современном академическом сообществе находятся последователи «подлинной демократии», формализованной «как в производственных коллективах (кооперативах), так и на территориях, в том числе в альтернативных общинах, сознательно развивающихся на принципах, альтернативных как капитализму, так и обычной деревне»³⁷.

Модель демократии Ж.-Ж. Руссо, как и отцов-основателей США, строилась на основе относительно однородного «одноклассового общества работающих собственников». В представлении Томаса Джефферсона идеальное общество – это общество, «в котором каждый экономически независим»³⁸.

Осознавая недостижимость социального равенства, обусловленную разделением собственности, Иеремия Бентам полагал, что богатство является источником власти и средством управления массами. «Между богатством и властью связь наиболее тесная и глубокая, – писал он, – столь глубокая, что отделение одного от другого, даже в воображении, весьма трудное дело. Они оба являются друг по отношению к другу инструментом производства». И далее: «Человеческие существа являются наиболее мощными инструментами производства, и потому каждый озабочен тем, чтобы использовать служение своих собратьев ради увеличения своего собственного удобства. Отсюда

---

³⁷ Шубин А.В. Демократия реальная и мнимая // Демократия и суверенитет. Многообразие исторического опыта. М. : Идея-Пресс, 2010. С. 124.

³⁸ Макферсон К.Б. Жизнь и времена либеральной демократии. М. : ВШЭ ГУ, 2011. С. 33.

жгучая и всеобщая жажда власти и равно распространенная ненависть к подчинению»³⁹.

Таким образом, неравенство и богатства, по утверждению И. Бентама, исключают материальный и политический эгалитаризм, и являющееся необходимым условием утверждения основополагающих «столпов» индустриального порядка: конкуренции и мотивации производственной деятельности, фактически ставило под сомнение демократическую перспективу. «Патерналистская модель демократии» И. Бентама редуцировала ее социальную функцию до достижения через «обеспечение частичной сменяемости правителей», цели «защиты своих членов (общества – авт.) от притеснения и поборов со стороны чиновников, которых она нанимает для своей защиты». В таком прочтении демократия реализовывалась «единственным способом, посредством подачи голосов большинством населения»⁴⁰. Оценивая бентамовское видение демократии, К.Б.Макферсон заметил: «Здесь отсутствует идея, что она может быть морально преобразующей силой; она есть не что иное, как логическое требование, касающееся управления по природе своей эгоистичными и конфликтующими индивидами»⁴¹.

Напротив, другой представитель классической школы экономики Джон Стюарт Милль связывал с парламентской демократией возможность морального развития и эффективной организации социума и предложил инструмент ее совершенствования «систему множественного голосования». Демократия по Дж. Миллю, призвана максимально использовать «уже существующие нравственные, умственные и активные силы, с тем, чтобы придать им наибольшее влияние в общественной деятельности»⁴².

Заявление Дж.С.Милля о мессианской роли демократии явилось основанием для обозначения его концепции «моральной».

---

³⁹ Макферсон К.Б. Жизнь и времена либеральной демократии. С. 44.

⁴⁰ Там же. С. 47.

⁴¹ Там же. С. 68.

⁴² Милль Дж. С. Рассуждения о представительном правлении. Челябинск : Социум, 2006. С. 37.

Вместе с тем, акцент на нравственном аспекте демократического процесса не препятствовал Дж.Миллю увидеть последствия неравенства в распределении богатства и социальной дифференциации, которые он предложил минимизировать за счет оригинального механизма, купирующего доминирование численно преобладающих классов. В работе «Основы политической экономии» Дж.С.Милль писал: «Сознаюсь, я вовсе не очарован жизненным идеалом тех, кто считает нормальным состоянием человеческих существ борьбу за преуспевание, и не уверен, что необходимость раздавить, уничтожить, растолкать локтями, обогнать всех остальных – составляющая основную черту современной общественной жизни – представляет собой лучшую судьбу, которую человечество может себе пожелать, а не всего лишь неприятные проявления одного из этапов прогресса производства. Возможно, что это необходимая стадия развития цивилизации... Однако это вовсе не тот вид общественного совершенства, которое вызовет у филантропов будущего горячее желание оказать содействие в его реализации... Тем временем люди, не считающие современной раннюю стадию человеческого совершенствования последним этапом этого процесса, могут быть оправданы в их относительном безразличии к тому типу экономического прогресса, который вызывает восторги традиционных политиков, а именно к простому расширению производства и увеличению накопления»⁴³.

Чтобы предотвратить возможность навязывания «классового законодательства» широкими массами неимущего населения Дж.С.Милль предложил допустить процедуру наделения малочисленных (имущих) групп граждан «многократным» или «повторным голосованием». Предложенный механизм, по мнению Дж.С.Милля, должен был предоставить больше голосов «тем, чье мнение имеет право на большее внимание»⁴⁴.

Мильевская «моральная модель» демократии, рассматривающая представительство в качестве перспективы общественного развития и

---

⁴³ Милль Дж. С. Основы политической экономии. М. : Эксмо, 2007. С. 765, 766.

⁴⁴ Милль Дж. С. Рассуждения о представительном правлении. Челябинск : Социум, 2006. С. 123, 126.

утверждающая приоритет политического участия элит преобладает в современной западной политологии и общественной практике. Как и во времена ее архитекторов, либеральная демократия остается «универсальным» и абсолютным целеполаганием, а консенсус элит считается единственным достаточным основанием для демократического транзита. Распространение избирательного права на большинство населения ничего не меняет в плане устранения несовершенств в реальном воплощении народовластия.

Уникальный демократический опыт США, о котором с восторгом говорил Алексис де Токвиль, в наибольшей степени воплотил равенство граждан, основанное на наделении каждого собственностью, обеспечивающей независимость. Однако, во-первых, этот опыт был действительно уникальным как «явление ни в одной стране мира и никогда на протяжении веков, память о которых хранит история человечества, не существовало»⁴⁵, а, во-вторых, как и любая другая идиллическая утопия, равенства в эпоху модерна, относительное равенство американских колонистов, конструируемое благодаря наделению захваченными у аборигенов земельными участками за короткий исторический период, породило свою противоположность – общество с высоким уровнем имущественного и социального неравенства. Выражаясь словами классика элитологической мысли Вильфредо Парето: «стремительный рост богатства, накоплений, капитала, вложенного в производство», «способ распределения богатства, который предполагает сохранение неравенства» бесповоротно дифференцируют социумы на управляющие элиты и управляемых, а «современные парламенты становятся эффективным инструментом демагогической плутократии»⁴⁶.

Дифференциация общества на управляемых и управляющих Хосе Ортега-и-Гассет объяснял стремлением элит добровольно принять на себя

---

⁴⁵ Токвиль А. де. Демократия в Америке. М. : Прогресс, 1992. С.61

⁴⁶ Парето В. Трансформация демократии. М. : Территория будущего. 2011. С. 59-60.

ответственность за поддержание демократического порядка. «В хорошо организованном обществе масса не действует сама по себе, – писал он. – Такова ее роль. Она существует для того, чтобы ее вели, наставляли и представляли за нее, пока она не перестанет быть массой или, по крайней мере, не начнет к этому стремиться. Но сама по себе она осуществлять это не способна. Ей необходимо следовать чему-то высшему, исходящему от избранных меньшинств»⁴⁷.

Массовая культура, функциональный предел которой проявился уже в середине XX века, заменив нравственные и религиозные ценности традиционной эпохи, преодолела индивидуальную автономность личности, интегрировала ее в универсальный гедонистский мейнстрим, что, в свою очередь, позволило канализировать политическое участие в управляемое русло. Предвидя такое развитие событий, А.Токвиль предсказывал: «Я вижу неисчислимы толпы равных и похожих друг на друга людей, которые тратят свою жизнь в неустанных поисках маленьких и пошлых радостей, заполняющих их души. Каждый из них, взятый в отдельности, безразличен к судьбе всех прочих: его дети и наиболее близкие из друзей и составляют для него весь род людской. Что же касается других сограждан, то он находится рядом с ними, но не видит их; он задевает их, но не ощущает; он существует лишь сам по себе и только для себя... Над всеми этими толпами возвышается гигантская охранительная власть, обеспечивающая всех удовольствиями и следящая за судьбой каждого в толпе. Власть эта абсолютна, дотошна, справедлива, предусмотрительна и ласкова. Ее можно было бы сравнить с родительским влиянием, если бы ее задачей, подобно родительской была подготовка человека к взрослой жизни. Между тем власть эта, напротив, стремится к тому, чтобы сохранить людей в их младенческом состоянии...»⁴⁸

Однако, главная новелла модернизации социумов заключалась в возрастании их динамизма, окончательно ниспровергавшего их

---

⁴⁷ Ортега-и-Гассет Х. Восстание масс. М. : АСТ, 2002. С. 12.

⁴⁸ Токвиль А. де. Демократия в Америке. М.: прогресс, 1992. с.497.

патриархальную структуру и гомогенность. «Новая сложность» общества обнажила и ранее заметную неадекватность концепта и практики представительной демократии первородной сущности народовластия.

Исторический процесс XX столетия (особенно его первой половины) наполнен прецедентами регенерации социальной однородности политическими, а порой насильственными методами. Причем, как правило, эти политические акты обосновывались демократическим целеполаганием. Красноречивый и «незаезженный» пример продвижения либерально-демократических ценностей представляет политика Кемаля Ататюрка в Турции, направленная на сепарирование социального организма с целью изъятия элементов, не вписывающихся в вестернистский контекст. Поддерживаемый Западом в своем стремлении демократизировать традиционно исламское государство, К. Ататюрк преодолевал этническую неоднородность через геноцид армян, инаковость «народного» ислама посредством тюремного заключения дервишей и т.д. При этом здание турецкого парламента венчала декларация: «Всякая государственная власть исходит от народа»⁴⁹.

Показателен в этой связи опыт достижения «демократической» консолидации советского народа коммунистической идеологией, сопровождавшегося фактами массовых репрессий и принудительным переселением народов. Попытки преодолеть препятствия, обусловленные увеличивающейся «сложностью» социумов и нарастающим в этой связи противоречием с действующей системой представительства путем замещения выборов по территориальным округам делегированием депутатов профессиональными союзами или презентацией политических интересов через процедуру выборов по партийным спискам имели ограниченный характер. Первый «проект» провалился, в силу сложности исполнения⁵⁰. Система «партийных списков», на которую также возлагались определенные

---

⁴⁹ Мюллер Я.-В. Споры о демократии: Политические идеи в Европе XX века. М. : Изд-во Института Гайдара, 2014. С. 44-46.

⁵⁰ Ортега-и-Гассет Х. Восстание масс. М. : АСТ, 2002. С. 90.

надежды в продвижении демократической перспективы, падала, начиная со второй половины XX столетия. Встречающиеся в современной теории и практике положение о многопартийности как «неотъемлемом компоненте демократии» утрачивает свою актуальность по мере депривации самой партийной системы.

Однако было бы неправильным недооценивать ее роль в обретении современной демократией стабильности, по крайней мере на определенном историческом этапе, обусловившей утверждение приведенного мнения об имманентности партийного многообразия демократизации выборов. На самом деле партии, встроенные в механизм выборов, утрачивали присущие им «первозданные» черты массовых организаций, воспроизводящих классовые и групповые интересы, и приобретали иные социальные функции и качества. Став механизмом, выстроенным под электоральную конкуренцию, партии утрачивали классовые и идеологические ориентиры и нацеливались на сбор голосов всех слоев населения. Таким образом, «устраняя» социальную и политическую «инаковость», партии «преодолевали общественную сложность» за счет привлечения в свои ряды партийцев, не имевших определенной классовой или идеологической идентичности.

Вместе с тем, благодаря партийной системе образовалась амортизирующая платформа между властью и «сложным» обществом, «преодолевающая» социальные противоречия, обусловленные классовыми интересами, обеспечивающая «особого вида равновесие». Говоря о новой социальной роли партий, К.Б. Макферсон писал, что «главная функция, которую исполняет партийная система в западных демократиях со времен введения демократического права голоса, состоит в том, чтобы ослаблять ожидаемый или возможный классовый конфликт или, если угодно, смягчать и сглаживать конфликт классовых интересов с целью сохранения

существующих институтов собственности и рыночной системы от эффективных нападений»⁵¹.

Вторая функция, которую приобрели партии, стала функция размывания ответственности политической элиты перед избирателями, которые отдают голоса не за кандидатов с ясными политическими взглядами, а за партийный список. Указанное обстоятельство также точно характеризует канадский политолог. «С каждым расширением избирательных прав, – пишет К.Б. Макферсон, – партийная система по необходимости становилась менее ответственной перед избирателями»⁵².

В конечном счете партии пополнили набор средств политических технологий для манипулирования общественным настроением, которыми обладает правящая элита для реализации властных амбиций.

В противоположность Х. Ортеги-и-Гассета, считавшего оправданной передачу управления в руки меньшинства, обладающего ответственностью перед социумом, К. Лэш полагает, что появление «двух классов» результирует несовершенство распределения, а новая генерация элиты, ставшая интернациональной и концентрирующей социальную и политическую власть, является «предателем демократии». «Аристократия таланта, – пишет он, – внешне привлекательный идеал, который должен был бы отличать демократии от обществ, основанных на наследственных привилегиях, – оборачивается противоречием в терминах. Даровитые сохраняют многие пороки аристократии, не обладая ее добродетелями. В своем снобизме они не признают обоюдных обязанностей между немногими избранными и массой»⁵³.

Утверждая, что «народные массы сами по себе не способны выработать четкие и определенные взгляды», тем более «не способны связно их сформулировать и превратить в последовательные установки и действия», Й. Шумпетер выдвинул концепцию «усеченной» процедурной демократии, в

---

⁵¹ Макферсон К.Б. Жизнь и времена либеральной демократии. М. : ВШЭ ГУ, 2011. С. 101.

⁵² Там же. С. 104.

⁵³ Лэш К. Восстание элит и предательство демократии. М. : Логос. Прогресс, 2002. С. 31.

которой участие граждан ограничено актом «оказать или не оказать поддержку группе, претендующей на лидерство»⁵⁴. В такой артикуляции контент демократии редуцируется до «метода», «определенного типа институционального устройства для достижения законодательных и административных политических решений»⁵⁵.

К слову заметить, что положение о редуцировании народовластия до вовлечения в выборы большинства раньше Й. Шумпетера обозначил М. Вебер. В письме к Роберту Михельсу от 4 апреля 1908 года М. Вебер писал; что «концепции вроде " воли народа", "истинной воли народа" и т.п. давным-давно перестали для меня существовать. Это фикции»⁵⁶.

«Урезание» народовластия до процедуры выборов у Й. Шумпетера обусловлено не только попыткой достижения совершенства самой процедуры делегирования общественных интересов ограниченному кругу избранных, зависимых от электората, только в период выборов, но и основной проблемой недостижимости определения общего блага, «наибольшего счастья» иницирующего волеизъявление. Заслуга концепций Й. Шумпетера - исключения утилитаризма из демократического дискурса, становится тем более очевидной в современных условиях трансформации социумов, обусловленной интеллектуализацией и индивидуализацией субъектов общественного процесса, при которых достижение консенсуса в оценке всеобщего блага становится еще более сложной задачей. Так как в представлении Й. Шумпетера, воля народа «не тождественна достижению какого-либо блага, то для того, чтобы результат был достойным, с этической точки зрения необходимо опираться на безусловную веру в демократические формы правления как таковые – веру, которая в принципе не должна зависеть от желаемости результатов»⁵⁷.

---

⁵⁴ Шумпетер Й.А. Капитализм, социализм и демократия. М. : Экономика, 1995. С. 192.

⁵⁵ Там же. С. 308.

⁵⁶ Мюллер Я.-В. Споры о демократии: Политические идеи в Европе XX века. М. : Изд-во Института Гайдара, 2014. С. 4.

⁵⁷ Шумпетер Й.А. Капитализм, социализм и демократия. М. : Экономика, 1995. С. 317.

Причиной процедурного редуцирования народовластия, по Й. Шумпетеру, является также отсутствие у значительного населения необходимых компетентности и желания разобраться «крупные политические вопросы», которые «в сознании рядового, типичного гражданина занимают место наряду со способами проведения свободного времени» и даже «не достигли ранга хобби»⁵⁸.

При этом, если воля народа все же «выражена вполне определенно, принятие решений простым большинством есть воля большинства, а не воля "народа"»⁵⁹.

Демократия в концепции Й. Шумпетера интерпретируется как определенный метод, при котором «бразды правления должны быть переданы тем, кто имеет поддержку большую, чем другие конкурирующие индивиды или группы»⁶⁰.

Доводы, приведенные Й. Шумпетером, в «оправдание», адекватно отражают реальные проблемы воплощения демократической перспективы. Обозримое будущее не дает повода считать возможной приведение к одному значению предпочтений граждан или преодоление несовершенства представительства. Сомнение вызывает стремление интеллектуала заместить собственно народное волеизъявление процедурой участия граждан в избрании «конкурирующих индивидов или групп», имеющих отдаленное отношение к их воле.

Качественная аберрация демократического дискурса в концепции Й. Шумпетера была отмечена академическим сообществом. Характеризуя взгляды выдающегося австрийца в статье «Модели демократии: конкуренция элит», Д. Хелд писал: «Если демократия представляет собой институциональную структуру для формирования легитимации лидерства, то

---

⁵⁸ Там же. С. 320.

⁵⁹ Там же. С. 322.

⁶⁰ Там же.

она имеет лишь отдаленное отношение к классическому пониманию демократии как "правления народа"»⁶¹.

Нерелевантность взглядов Й. Шумпетера на демократический процесс, очевидно, проявляется, в том числе, в оценках международной общественной организации Freedom House. При составлении рейтинга политических прав граждан 7 из 10 показателей, принятых Freedom House, характеризуют транспарентность выборов. По данным 2016 года, из стран мира, в которых Freedom House организует исследования, 85 (40% населения планеты) признаны свободными и демократичными, 57 (24% населения планеты) – частично демократичными и 53 (36% населения планеты) – недемократичными. Уровень развития демократических институтов признан самым высоким в Западной Европе и Северной Америке⁶².

При этом соответствие «воле народа» результатам выборов в европейские парламенты хорошо иллюстрирует тот факт, что по итогам 2001-2006 годов победили кандидаты, набравшие в среднем 35,8% голосов граждан. Отражением реальной связи воли народа с избранием представителей стало нежелание включать в законодательство Великобритании, Канады, США минимального порога явки избирателей⁶³.

Преодоление надвигающегося абсентеизма вынуждает парламентариев «демократических» государств законодательно устанавливать юридические нормы, принуждающие к участию граждан в выборах. В ряду таких мер преодоления электоральной пассивности достаточно разнообразный набор акций, начиная с общественного порицания, штрафов и заканчивая тюремным заключением. Даже непредвзятый взгляд на волеизъявление под «гнетом» государственных мер выглядит сомнительно.

Не менее отчетливо проявляется сущностное отличие народовластия и транспарентной процедуры выбора в постсоветской практике

---

⁶¹ Хелд Д. Модели демократии: конкуренция элит // Социология политики: классические и современные теории. М. : Новый учебник, 2004. С. 81.

⁶²<https://freedomhouse.org/report/freedom-world/freedom-world-2016>

⁶³ Морозова О.С. Порог явки на выборах как элемент избирательной системы // Фундаментальные исследования. 2014. № 1. С. 186.

«демократического транзита». Падение избирательной активности в Грузии, Молдове, Украине происходит на фоне нарастающей позитивной оценки западными публичными институтами продвижения свободы и открытости выборов в этих государствах. Так, например, в Грузии участие граждан в парламентских выборах с 1992 по 2013 год сократилось вдвое, с 93% до 45%. В нижеследующей таблице 1 приведены данные электоральной активности украинцев в ходе парламентских выборов, демонстрирующие аналогичный тренд⁶⁴.

Таблица 1

Годы	1998	2002	2007	2012	2014
Общая явка на парламентских выборах к общему числу избирателей, %	75	65	62	58	52,4

Собственное представление демократического процесса предложил Роберт Даль. Продуктивный потенциал его видения заключается в трансформации описательных механизмов демократии с процедурного аспекта на функциональный, предполагающий изучение политического участия граждан. Считая, что «ни одна крупная политическая система в реальности не является полностью демократической», Р. Даль склонен характеризовать их как «полиархии», «относительные» демократии или «режимы, в значительной мере затронутые процессами расширения народного участия и либерализации, т.е. обеспечивающие высокую степень включенности публичного оспаривания»⁶⁵.

Далевская «Полиархия» как особое качество социального организма развивается на протяжении длительного периода. Западный мир, до того как достиг такого состояния, претерпел «три трансформации». Первую, на протяжении XIX века, вела к переходу «от гегемоний к конкурентной

⁶⁴ *Абсентеизм избирателей – позор для «демократических победителей выборов»* / Zona P – Зона политики. Официальный сайт. Доступ: <http://p-zona.com/novosti-rossii/item/30630-absenteizm-izbiratelej-pozor-dlya-demokraticeskikh-pobeditelej-vyborov> (проверено 11.08.2015)

⁶⁵ *Даль Р.А.* Полиархия: участие и оппозиция. М. : ВШЭ ГУ, 2010. С. 13-14.

олигархии». Трансформация, продолжавшаяся с конца XIX века до окончания Первой мировой войны, продуцировала полную «полиархию», приобретшую определенную степень зрелости после Великой депрессии. Итогом «этих трансформаций» стало возрастание объема «полномочий граждан для эффективного участия и оспаривания политики, а вместе с тем и количество индивидов, групп, интересов, чьи предпочтения должны затрагивать процесс формирования политики»⁶⁶.

По Р.Далю, для возникновения «полиархии» необходимо присутствие шести институтов: выборности должностных лиц; свободные и открытые выборы; отсутствие ограничений в выражении мнения; наличие альтернативных источников информации; независимость общественных институтов; вовлечение масс в политический процесс.

Таким образом, в «полиархии», по Р. Далю, сложившаяся система общественных институтов предоставляет гражданам возможность участия в принятии политических решений, конкурируя с властными структурами и функционирования оппозиции, присутствие которой составляет важный фактор политического процесса.

Концепция Р. Даля, вошедшая в антологию политической мысли как теория «плюралистической демократии», преодолела процедурный подход Й. Шумпетера, но так и не презентовала объективной модели народовластия. Свобода отражения политических предпочтений и организованная оппозиция действительно не гарантируют реализацию общественных интересов при принятии управленческих решений. Кроме того, практика свидетельствует, что вместе с нарастанием абсентеизма и социальной пассивности в странах развитой «демократии» граждане предпочитают иерархизированной организации неформальные направления интеграции, в большей степени подверженные политическим технологиям.

В книге Колина Крауча о современных «развитых демократиях» скептически оцениваются перспективы и потенциал институтов

---

⁶⁶ Там же. С. 21.

гражданского представительства, а публичное политическое соперничество определяется «срежиссированной имитацией», способствующей агрегированию реальной власти в руках «элит, представленных преимущественно деловыми кругами». «Согласие со скромными ожиданиями от либеральной демократии, – пишет он, – приводит к удовлетворенности тем, что я называю постдемократией. При этой модели, несмотря на проведение выборов и возможность смены правительств, публичные предвыборные дебаты представляют собой тщательно срежиссированный спектакль, управляемый соперничающими командами профессионалов, которые владеют техниками убеждения, и ограниченный небольшим кругом проблем, отобранных этими командами. Масса граждан играет пассивную, молчаливую, даже апатичную роль, откликаясь лишь на посылаемые им сигналы. За этим спектаклем электоральной игры разворачивается непубличная реальная политика, которая опирается на взаимодействие между избранными правительствами и элитами, представленными преимущественно деловыми кругами»⁶⁷.

Подразделяя суждения о демократии на процедурные, конституционные, «ориентированные на процесс» и сущностные, Чарльз Тилли отнес концепцию «плюралистической демократии» Р. Даля к процессным, имея в виду, во-первых, динамичность его модели и, во-вторых, подвижность ее институциональных устоев.

Собственную концепцию Ч. Тилли определил в формате «сущностного» ориентира, что позволило ему выработать оригинальную методику количественных критериев процессов демократизации.

«Сущностный подход» Ч. Тилли, во-многом преемственный предшествующим: процедурному (Й. Шумпетер) и ориентированному на процесс (Р. Даль) определениям феномена демократии предполагает продвижение исследовательского ракурса и практического подхода в плоскость воспроизводства режима эффективного диалога власти и граждан

---

⁶⁷ Крауч К. Постдемократия. М. : ВШЭ ГУ, 2010. С. 19.

относительно принятия политических решений. По мнению Ч. Тилли, «режим можно признать демократическим, если политические отношения между гражданами и государством выражены широкими, равноправными, защищенными и взаимообязывающими процедурами обсуждения. Демократизация означает общие подвижки в сторону более широкого по охвату, более равноправного по сути, более защищенного и более обязательного к исполнению согласования по поводу назначений на политические посты и принятия государственных решений»⁶⁸.

Основополагающими процессами, инициирующими развитие общества в направлении демократии, по мнению Ч. Тилли являются «все большая интеграция сетей доверия в публичную политику, все большая изоляция категориального неравенства от публичной политики и уменьшение независимости крупных центров власти от публичной политики»⁶⁹.

Актуализируя аспект демократической повестки, связанный с участием граждан в принятии политических решений, Ч. Тилли сделал еще один шаг в преодолении увеличивающегося «зазора» между представительством и народовластием. Вместе с тем, наряду с ограниченностью представительства в наполнении демократического процесса «первозданными» смыслами народовластия его современному воспроизводству препятствуют объективные последствия нарастающей социальной «сложности».

Представители так называемой «сообщественной демократии» полагали, что «сложность» социального организма, препятствующая совершенствованию демократических практик и институтов, преодолевается за счет интеграции предпочтений индивидов в сообщества (или, по Джону Дьюи, в ассоциациях). В соответствии с мнением Д. Дьюи, социальной сложности присуща не атомизация индивидуальных множеств, а структурирование общества в объединениях. В этой связи он писал: «Но в индустриальную эпоху побочные последствия стали настолько

---

⁶⁸ Тилли Ч. Демократия. М. : ИНОП, 2007. С. 29.

⁶⁹ Там же. С. 41.

всеобъемлющими, множественными, глубокими и сложными, обусловив появление столь огромных и консолидированных действующих объединений, функционирующих не в качестве сообществ, а в качестве неких обезличенных единиц, что составленному из подобных объединений обществу не удастся достичь самоидентификации. А таковая определенно является неотъемлемым условием эффективности его организации. В этом и состоит наше представление о сути кризиса, охватившего общественные интересы и саму идею общества. Общество слишком многолико, интересы его слишком многообразны для того, чтобы мы могли осмыслить его при помощи имеющихся в нашем распоряжении возможностей. Проблема демократически организованного общества – это по сути своей интеллектуальная проблема, и с этой точки зрения в политической жизни прошлых веков мы не находим ничего подобного»⁷⁰.

В представлении Д. Дьюи, актуализация простых объединений в сообщества, представляющих собой субъекты демократического процесса, инициируется «методом кооперативно организованного разума»⁷¹, смысл которого состоит в решении задачи «раскрепощения и усовершенствования исследовательских процессов и распространения выводов, полученных в результате данных исследований (среди представителей объединений. – *Авт.*), усовершенствования методов и условий проведения дебатов, обсуждения вопросов и убеждения граждан»⁷², что в свою очередь способствует формированию внутри групповых объединений устойчивых «алгоритмов» поведения и определенного «рода унификации» личностных предпочтений.

Социальный потенциал продуцирования сложносоставных сообществ Арндт Лейпхарт посчитал возможным использовать в усовершенствовании демократии через создание коалиции их лидеров, обладающих правом вето и

---

⁷⁰ Дьюи Д. Общество и его проблемы. М. : Идея-Пресс, 2002. С. 93.

⁷¹ Там же. С. 377.

⁷² Дьюи Д. Общество и его проблемы. М. : Идея-Пресс, 2002. С. 151-152.

обязательного соблюдения принципа пропорционального представительства автономных в своей политике сообществ⁷³.

Проблему поиска демократической перспективы в условиях нарастающей социальной «сложности» обрисовал Данило Дзоло. Утверждение того факта, что «демократия в современных постиндустриальных обществах подвергается беспрецедентным эволюционным стрессам, привела его к выводу о закономерности «построения постпредставительной теории политической системы»⁷⁴.

На основе исследования общественных трансформаций, продуцирующих социальные страты, идентичности, институты и взаимосвязанные с ними подсистемы, которые «ускоряют процессы функциональной специализации», Д.Дзоло констатирует «дальнейшее нарастание социальной сложности». В свою очередь новое качество сложности общества, по утверждению Д. Дзоло, «ставит под вопрос фундаментальные предпосылки демократической теории как в ее классических, так и в ее ревизионистских изводах. По-видимому, вся демократическая энциклопедия обречена на устаревание, а вместе с нею той же участи обречены и самые основные ее парадигмы – участие, представительство, конкурентный плюрализм»⁷⁵.

Учет воли групповых множеств и корпоративных интересов «сложного» социума в формате традиционного представительства становится очевидно невозможным и, как волна, возникающая в результате непредвиденного паводка, преодолевает «дамбу водохранилища» (в нашем случае границы политических институтов), и уходит в «стихию» неформального пространства, наполненного неиерархизированными коммуникациями. А в условиях коммуникационной революции возникает опасность полной утраты политической свободы вследствие деструкции «когнитивной автономности», а «в ее отсутствие не может быть

---

⁷³ *Лейтхарт Ф.* Демократия в многосоставных обществах. М., 1997.

⁷⁴ *Дзоло Д.* Демократия и сложность: реалистический подход. М. : ВШЭ ГУ, 2010. С. 21, 24.

⁷⁵ Там же. С.109.

сформировано независимое общественное мнение, противостоящее процессам самоузаконения политических элит, стоящих у власти»⁷⁶.

Формирование информационного общества в условиях, когда институты представительской демократии не обеспечивают консолидацию интересов общества и власти, не купирует, а, наоборот, выпукло очерчивает несоответствие политических систем потребностям цивилизационного развития. Рост сетевого информационного пространства, сопровождаемый революцией коммуникаций, несет в себе потенциал преодоления большинством формата публичного политического пространства, в том числе обеспечивающий жизнеспособность нелегитимных элитных структур.

Обретение человеческой цивилизацией нового качества, таким образом, деактуализирует практическую и академическую полемику об общем и особенном, абсолютности и специфичности, сформировавшейся в течение длительного исторического периода на Западе модели демократии. Современные политические практики и познавательный процесс вызывают необходимость поиска новых механизмов развития демократии. Осознавая эти вызовы, выдающийся теоретик политики Карл Шмитт в своих теоретических посылах совершенствования государства предложил механизм, способный в реальности помочь обрести конструкт обновленной архитектуры демократии.

Во взглядах Карла Шмитта «демократия есть государственная форма, соответствующая принципу тождества (а именно тождества конкретного наличествующего народа с самим собой как политическим единством). Народ является носителем законодательной власти и сам себе дает свою конституцию». Вместе с тем, демократия, по Шмитту, – это «метод», при котором правительство организуется в соответствии с «демократическими принципами при максимально возможном участии граждан государства»⁷⁷.

---

⁷⁶ Дзоло Д. Демократия и сложность: реалистический подход. М. : ВШЭ ГУ, 2010. С. 18.

⁷⁷ Шмитт К. Государство и политическая форма. М. : ВШЭ ГУ, 2010. С. 66.

В артикуляции К.Шмитта тождество существующего в реальности означало целостность народовластия и отсутствие разницы между конституционно провозглашаемой демократией и достигаемой посредством участия граждан в принятии, обеспечивающих стабильность общества управленческих решений.

Демократические смыслы равенства и свободы оригинально трактовались К. Шмиттом. Если равенство, в его интерпретации, являлось принципом, сущностным для демократии, то «свобода в смысле индивидуальной, по природе полагающейся каждому отдельному человеку свободы есть либеральный принцип, соответствующий лишь представительной демократии либерализма как подвиду демократии вообще»⁷⁸. Свобода в теории Шмитта есть одинаковая возможность гражданского участия, но не свобода представительства бесконечно разнообразных личных или групповых предпочтений. «Равенство всего того, "что имеет человеческий облик", – пишет он, – не в состоянии обосновать ни государства, ни государственные формы, ни формы правления. Из него невозможно получить никаких специфических различий и разграничений, только одни упразднения различий и границ; на его основании невозможно конституировать никаких особого рода институтов... Напротив, если общее для всех равенство людей должно быть единственно определяющим и решающим, то уже будет невозможно проводить какие-либо специфические различия. Идея человеческого равенства не содержит ни юридического, ни политического, ни экономического критерия»⁷⁹.

Во взгляде К.Шмитта конструктивным выглядит указание на контрпродуктивность либерального абсолюта «индивидуальной свободы» в качестве конструкта, развивающегося модуса демократии. Не нуждается в доказательстве неадекватность отождествления демократии с последовательно подвигаемыми на Западе интересами всякого рода, включая

---

⁷⁸ Там же. С. 68-69.

⁷⁹ Шмитт К. Государство и политическая форма. М. : ВШЭ ГУ, 2010. С. 73.

нетрадиционных сексуальных меньшинств. И суть дела состоит далеко не только в том, что предпочтения меньшинств зачастую вступают в противоречия с религиозными, этическими, нравственными ценностями, господствующими в социуме, а в том, что их эксклюзивные интересы не гомогенизируются в «народное единство», воля которого обуславливает демократический процесс. Демократия, по К. Шмитту, – это «демократическое равенство, в сущности однородность народа», не означающая неприятия многоликости и непреодолимости «апории» «сложности» социумов, но признание субъектом демократического развития «единого народа». В противном случае, признав субъектом демократического творчества выдающиеся личности, коллективы, корпорации, следует признать правомерным фактическое неравенство «чернокожего» и «белого» населения Северной Америки, неграждан и латышей в Прибалтике, русских и украинцев на Украине и т.д.

В логике рассуждения о единстве народа К. Шмитт высказался по поводу другой важной проблемы соотношения централизации власти и демократии. В современной науке и общественно-политическом дискурсе режимы, в основе которых лежит вертикаль власти политического лидера, относятся исключительно к альтернативам демократии. В связи с этим постсоветские политические режимы с доминантой президентской власти, несмотря на достаточный рейтинг доверия со стороны народа, оцениваются исключительно антидемократическими. Так, например, политический порядок Казахстана, где уровень доверия главе государства составляет в последние годы 90% , оценивается Freedom House как «не свободный» и не демократичный. Россия по той же оценке не составляет исключения и также относится к несвободным государствам. Показатель демократичности России вслед за казахстанским всего на ступень превосходит нижний предел,

несмотря на то, что действующего президента поддерживает подавляющее количество россиян⁸⁰.

Взгляды К. Шмитта, объективно отражающие проблему, не совпадают с методологией оценки демократичности, используемой современным западным истеблишментом. «По сравнению с другими государственными формами, – писал он, – различность править и подчиняться даже может, по сути, чудовищно усилиться и увеличиться, если только те лица, кто правит и приказывает, остаются в субстанциальной однородности народа. Если они получают одобрение и доверие народа, к которому относятся, то их господство может быть более строгим и жестким, их правление более решительным, нежели правление какого-нибудь патриархального монарха или осторожной олигархии»⁸¹.

В сочинениях, относящихся к периоду творчества Веймарской республики (подчеркиваем, чтобы избежать замечания по поводу неисторичности обращения к наследию интеллектуала), К. Шмитт однозначно указал на механизм совершенствования демократического процесса через расширение функционального пространства прямой демократии. Отсутствие в его бытность коммуникационного потенциала, несопоставимого с современным, обусловило некоторое несоответствие сегодняшней реальности предложенных автором конкретных форм ее реализации. Однако общее направление демократической эволюции, основанное на широком вовлечении народа в решение **основополагающих** (выделено авт.) политических проблем, определено К. Шмиттом вполне убедительно. Актуальность высказанных выдающимся немецким мыслителем предложений относительно демократического развития подтверждается активным внедрением непосредственной демократии в политическую практику США, Дании, стран Бенилюкса, Швеции,

---

⁸⁰ Исследование «Ромир»: Рейтинг доверия социальным институтам в России в 2015 году. – Информационно-аналитический портал «Центр гуманитарных технологий». Доступ: <http://gtmarket.ru/news/2015/05/20/7162> (Проверено 12.08.2015)

⁸¹ Шмитт К. Государство и политическая форма. М. : ВШЭ ГУ, 2010. С. 86.

Швейцарии, Финляндии и т.д. В Соединенных Штатах ежегодно на уровне штатов организуется 12-15 тысяч референдумов. В государствах Западной Европы (без Швейцарии) за время законодательного закрепления этой процедуры было проведено 240 референдумов, в Швейцарии – более ста⁸².

Если в общественном процессе эпохи модерна акты непосредственной демократии являлись паллиативными (народные инициативы, императивные мандаты, референдумы и т.д.), исключениями из правил как и плебисцитарная демократия в пятой республике Франции, то в условиях постмодерна прямая демократия становится имманентной составляющей трансформирующихся общественных систем.

Имплементация непосредственной демократии не может быть единовременным актом, но эволюционным, обусловленным общественно-политической практикой процессом. Отдельные исследователи обязательно связывают прямую демократию с революционным творчеством народа. Однако «насаждение» демократии революционными методами противоречит сущности этой социально-политической практики. Помимо этого, революционное внедрение «идеальной модели», являющейся абстракцией, всегда упрощающей реальность, неизбежно составляет деструкцию, наносящую ущерб демократии и отвлекает направление осуществления демократических преобразований в тупик.

Утопичны сами по себе и надежды на немедленное введение норм прямой демократии. «Идея, что уже имеющиеся и будущие достижения в области компьютерных технологий и телекоммуникаций, – пишет Макферсон, – позволяют установить прямую демократию на уровне миллионов участников, привлекательная не только для технологов, но и для социальных теоретиков и политических философов», только «не может обеспечить нам прямой демократии»⁸³ без определенных структурных предпосылок.

---

⁸² *Lipsitz L., Butler L. and Ranney A. Referendums: A Comparative Study of Practice and Theory. Wash., 1978. P. 14-46.*

⁸³ *Макферсон К.Б. Жизнь и времена либеральной демократии. М. : ВШЭ ГУ, 2011. С. 144.*

Канадский исследователь верно отметил, что «функционирование демократии потребует более сильного чувства общности, чем мы имеем сегодня»⁸⁴.

Утверждая невозможность немедленного осуществления процедуры прямой демократии с достижением технически достаточного уровня коммуникаций, К.Б. Макферсон сомневается не в его адекватности материальному обеспечению политического участия граждан, а имеет в виду несовершенство современного общества: «отсутствие изменений в сознании», предполагающем переход «от того, чтобы рассматривать себя и действовать в качестве прежде потребителей, чтобы понимать себя как тех, кто реализует и развивает свои способности, действовать в соответствии с таким пониманием и испытывать от этого положительные переживания»⁸⁵.

По указанию К.Б. Макферсона, «главная проблема демократии участия не в том, как ее реализовать, а в том, **как ее достичь** (выделено авт.) в социально неоднородном обществе»⁸⁶.

Вместе с тем преодоление социального «разлома» происходит, по мнению К.Б. Макферсона, без постороннего вмешательства, в потенциал сущностных качеств капитализма, жизнеспособность которого обусловлена емкостью потребительского рынка. Исходя из этого, бизнес вынужден предпринимать меры (повышения заработной платы, снижения цен) для обеспечения стабильного уровня покупательной способности народа.

Не требует специальной аргументации положение о том, что на стадии финансиализации капитала источником социального разлома становится монетарная сфера, далеко отстоящая от реальных запросов населения.

Другим изъяном взглядов К.Б. Макферсона является отсутствие рефлексии на нарастающую социальную сложность и ее влияние на повестку политического участия. «Но в данном случае упускается из поля зрения

---

⁸⁴ Там же. С. 150.

⁸⁵ Там же.

⁸⁶ Там же. С. 148.

неотменяемое требование, касающееся процесса принятия решений: кто-то должен формулировать вопросы», – пишет политолог⁸⁷.

Формирование повестки, предлагаемой для общественного рассмотрения, Д. Дьюи предложил передать «классу экспертов»⁸⁸. Однако, и в случае, когда компетентные эксперты выдвинут круг вопросов для публичного решения, таковые будут «столь широки и замысловаты, сопряженные с ними технические вопросы требуют столь специальных знаний, детали проектов столь многочисленны и переменчивы, что общество, будучи поставлено перед ними, никак не может определиться, достичь самоидентификации. И дело не в том, будто общества как такового не существует, будто не существует большого числа людей, одинаково заинтересованных в определенном исходе данной совокупности социальных взаимоотношений. Дело в том, что общество слишком многочисленно, слишком рассеяно и разобщено, слишком запутано. Кроме того, в обществе существует слишком много группировок, вследствие чего всякая совместная деятельность, характеризующаяся серьезными и долговременными побочными последствиями, оказывается непомерно разнообразной; виды деятельности пересекаются между собой, порождая новые группы со своими узкими интересами; и мало ли что может связать все части такого общества в единое целое»⁸⁹.

Представляя нетривиальность проблемы, связанной со сложной структурированностью современного общества, наделяемого в модели прямой демократии ролью субъекта принятия решений, Д. Дьюи указал на выход из «порочного круга» (по К.Б. Макферсону) неразрешимой проблемы через обозначение компетенций в политическом участии. В представлении Д.Дьюи народовластие сводится к привлечению граждан к определению политической стратегии, а экспертам (по Д. Дьюи) отводится роль публично «демонстрировать свои особые

---

⁸⁷ Макферсон К.Б. Жизнь и времена либеральной демократии. М. : ВШЭ ГУ, 2011. С. 155.

⁸⁸ Дьюи Д. Общество и его проблемы. М. : Идея-Пресс, 2002. С. 150-151.

⁸⁹ Там же. С. 101.

знания и умения не на ниве формирования и осуществления политических стратегий, а в области обнаружения и популяризации тех фактов, от знания которых зависит любая политика. Эти люди являются техническими экспертами, специалистами в том смысле, в каком используют этот термин, говоря об особой подготовленности представителей науки и искусства. Нет никакой необходимости в том, чтобы знаниями и умениями, требующимися для осуществления соответствующих исследований, обладали многие из них; достаточно, чтобы эти многие были в состоянии судить о том, какое значение имеет добытое другими знание для общества в целом»⁹⁰.

Реализация предложенной теоретической концепции Д. Дьюи, не противоречит общественно-политической практике, все больше требующей вовлечения большинства граждан в решение основополагающих вопросов. Примером, свидетельствующим о справедливости высказанного положения, может служить референдум (июль 2015 года в Греции) относительно кредитной политики ЕС. Несмотря на видимое расхождение его результатов с событиями, последующими после проведения, фактически благодаря плебисциту удалось консолидировать общество по основному вопросу (не обозначенному в бюллетенях голосования) принадлежности к Европейскому сообществу. Во-вторых, воплощение «проекта» Д. Дьюи позволила бы купировать противоречия, связанные с некомпетентностью населения в решении конкретных вопросов, о которой писал К.Б. Макферсон: «от обычного гражданина нельзя ждать, что он будет давать ответы на такие вопросы, которые связаны с прямыми директивами» и требуют «технических» знаний⁹¹. В-третьих, следование положениям Д. Дьюи в выработке механизмов совершенствования демократии вооружает стратегией для преодоления многообразия предпочтений, которые «почти обязательно появятся» «в ситуации, подобной нашему нынешнему обществу»⁹². Обращение к проблеме, затрагивающей воплощение интересов

---

⁹⁰ Дьюи Д. Общество и его проблемы. С. 152.

⁹¹ Макферсон К.Б. Жизнь и времена либеральной демократии. М. : ВШЭ ГУ, 2011. С. 144-145.

⁹² Там же. С. 145.

всего общества, а не отдельных групп, классов, корпораций, неизбежно актуализирует дискурс, связанный с становлением и развитием гражданского общества, составляющего базис демократического порядка. В случае с Россией, как и другими постсоветскими странами, основой, генерирующей гражданское единство, может стать национальная идея, отсутствие которой усугубляет и без того критический социальный разлом.

Исходя из осознания длительности формирования нового облика демократии, обусловленного нарастающей сложностью социума и интегрирующего инструменты прямого участия граждан в принятии основополагающих решений, многие интеллектуалы предлагают «гибридные проекты», включающие элементы плебисцитарной и представительной систем. Например, К.Б. Макферсон считает «самой простой моделью, заслуживающей того, чтобы назвать ее демократией участия» «парламентскую или парламентско-президентскую систему управления советского типа», пирамидальную систему «с прямой демократией в основании и делегированной демократией на каждом более высоком уровне. Таким образом, все начинается с прямой демократии на уровне определенной территории или фабрики – действительная дискуссия лицом к лицу и принятие решений консенсусом или большинством, а затем идет избрание делегатов, которые будут составлять совет на следующем, более емком уровне – скажем, на уровне городского района, небольшого городка или иного населенного пункта. Делегаты будут в достаточной степени проинструктированы избирателями и им подотчетны, чтобы принимать вполне демократические решения на уровне совета. И так все должно быть вплоть до верхнего уровня, которым будет национальный совет для рассмотрения вопросов, соответствующих их компетенции. На любом уровне принятия окончательных решений, который выше самого нижнего, проблемы, без сомнения, должны формулироваться комитетом соответствующего совета. Таким образом, на каком бы уровне ни

происходило решение вопроса, оно будет производиться небольшим комитетом совета этого уровня»⁹³.

Современной политологией предпринимаются попытки не только теоретического, но и практического проектирования демократического процесса. В своих изысканиях некоторые из исследователей пытаются использовать «архитектурные конструкты», извлеченные из политической реальности. Один из таких опытов, названный его создателем, руководителем Центра изучения демократии Лондона Джоном Кином «мониторинговой демократией» описал С.П.Перегудов⁹⁴. Объясняя общество модели «мониторинговой демократии», ее автор ссылается на уже вошедшие в обиход политические практики: «гражданские жюри», независимые участия граждан в формировании бюджетов, публичные расследования, консультативные комиссии, «гражданские ассамблеи», «консультативные и согласительные комиссии» и др., всего более ста видов, составляющие новое качество демократического процесса.

Даже неисчерпывающий анализ пути осмысления содержания и направлений развития демократии убеждает в контрпродуктивности поиска универсальных путей, его институционализации и тем более придания ему реверсивных качеств, препятствующих актуализации нового содержания, соответствующего тенденциям социальной эволюции. Вместе с тем, динамичность феномена демократии все же предполагает постоянство общей стратегии или целеполагания совершенствования, а именно движения в направлении максимально полного участия общества в принятии политических решений. В этой связи Д.Дьюи говорил: «У нас есть все основания полагать, что какие бы изменения ни происходили внутри существующих демократических механизмов, все они будут направлены на усиление роли общественных интересов как главных ориентиров и критериев деятельности правительства, на то, чтобы позволить обществу более

---

⁹³ Макферсон К.Б. Жизнь и времена либеральной демократии. С. 163, 170.

⁹⁴ Перегудов С.П. Концепция мониторинговой демократии: к новым отношениям власти и общества // Полис. 2012. № 6. С. 55-62.

авторитетно заявлять о своих целях. Основная трудность на этом пути заключается, как мы уже видели, в отыскании тех средств, с помощью которых разобщенное, мобильное и многоликое общество сможет узнать самое себя и благодаря этому определить и выразить собственные интересы. Это открытие себя есть необходимая предпосылка любого фундаментального преобразования механизмов демократического правления»⁹⁵.

Согласуясь с конструктивными мыслями Д.Дьюи, представляется возможным предположить, что вектор демократического транзита постсоветских политических режимов должен быть направлен в сторону достижения «тотальной общей воли». При этом следует заметить, что воля большинства граждан постсоветских стран позиционирует стратегию общественного развития вне западного «демократического мейнстрима».

Об этом достаточно красноречиво свидетельствуют данные динамического исследования Евразийского Банка Развития за 2005-2012 гг. Практически половина россиян склонна полагать, что России необходима демократия с «национальным лицом».

Таблица 2

Какая демократия нужна России? ⁹⁶	Ответы респондентов по годам/месяцам, %									
	2005	2006	2007	2008	2009	2009	2010	2011	2011	2012
	VI	XII	XII	VI	VI	XII	VI	VII	X	VII
Совершенно особая, соответствующая национальным традициям и специфике России	45	48	47	45	39	43	44	45	49	38
Такая, как была в Советском Союзе	16	13	10	13	18	14	17	16	14	20
Такая, как в развитых странах Европы, Америки	24	18	22	20	20	23	23	23	19	27
России не нужна демократия	6	10	7	8	10	7	7	7	7	3
Затруднились ответить	9	11	14	15	14	13	10	10	11	12

⁹⁵ Дьюи Д. Общество и его проблемы. М. : Идея-Пресс, 2002. С. 107.

⁹⁶ Интеграционный барометр ЕАБР. 2012. – Евразийский Банк Развития. Официальный сайт. Доступ: http://www.eabr.org/r/research/centre/projectsCII/projects_cii/index.php?id_4=43533&linked_block_id=0 (Проверено 12.08.2015)

Таким образом, модернизация постсоветских политических режимов, сохраняя общую для любого демократического транзита стратегию, должна основываться на собственной культурной традиции и в этом смысле иметь консервативный характер, при этом, безусловно, исключая застой и статичность авторитарного содержания власти. Такого рода модернизация может осуществляться только с сохранением социализирующей вертикали исполнительной власти в силу необходимости поддержания легитимности, обретающей субъектность в демократическом процессе.

Конструктивный потенциал персонифицированной власти глав государств в новых независимых республиках очевиден. После «анархии» 1990-х годов, например, президенту Казахстана удалось собрать в собственности государства ведущие активы страны, восстановить управляемость государственных структур, заслугой первого президента Узбекистана стала успешная борьба с сепаратизмом и клановыми сообществами. При этом именно сильная вертикаль власти новых независимых государств, составляющая основной стержень традиционно ориентированной модернизации, является объектом особой критики западного истеблишмента.

Вопреки позиции оппонентов значительная масса населения постсоветских стран положительно оценивает деятельность избранных прямыми выборами глав государств, поэтому вряд ли справедливо характеризовать этот институт антидемократическим.

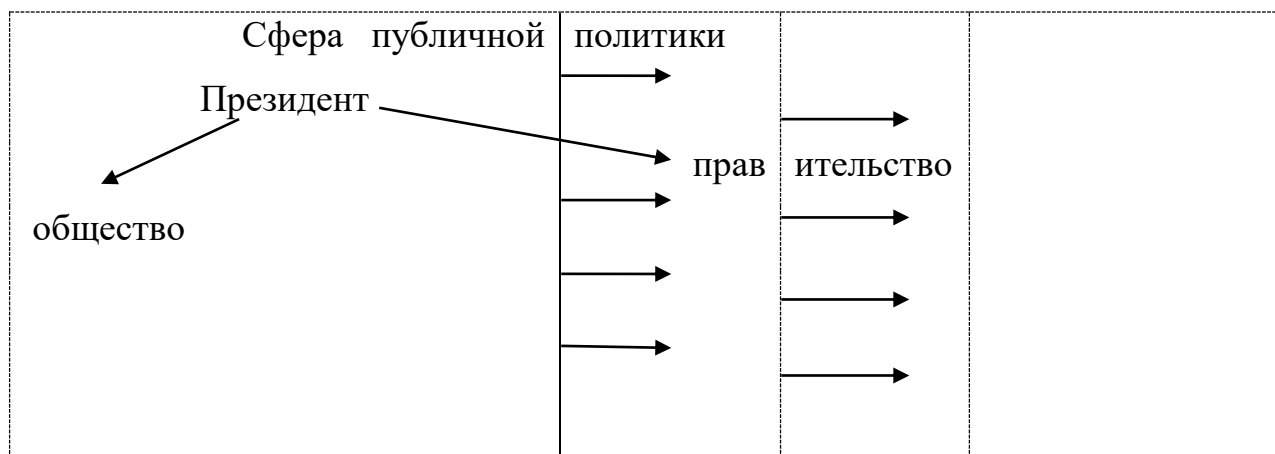
Вектор модернизации режимов должен ориентироваться не на цель догнать политически ангажированный западный демократический модус, и не на сохранение отживших авторитарных устоев, а на релевантный выбор, адекватный актуальным цивилизационным трендам.

Однако, безусловно, модернизация на основе сохранения консервативного элемента режима – сильной вертикали власти, чревато, по крайней мере, временной продолжительностью и возможностью,

основанной на доверии народа к главе государства, отклоняться и даже стагнировать.

Задумываясь об этом, отдельные политологи полагают необходимым в среднесрочной перспективе усилить значение непосредственного диалога общества и главы исполнительной власти в постсоветских странах, за счет преодоления доминирования элит в процедуре принятия политических решений. В связи с этим механизм кадрового рекрутирования во властные структуры нуждается в серьезной коррекции. Вопреки устоявшимся в 1990-е годы принципам личной преданности, представительства интересов бизнессообществ и партикулярных политических предпочтений продвижением во власть должно явиться единственное основание – профессионализм. В связи с приобретением правительством технического характера, диффузионная зона наложения государственного управления и публичной политики должна обретать устойчивую тенденцию к сужению (См. схему рис.1).

Схема транзитной модели постсоветских режимов

Рис.1

Решение задачи модуляции политической составляющей режима, в рамках восстановленной вертикали власти постсоветских республик вполне реально. Примером может служить ситуация с изменением кадрового состава правительства Казахстана, характеризующая рост его эффективности.

Таблица 3

Состав правительства Казахстана⁹⁷

Годы Уд.вес группы	2012	2013	2015
Все правительство	100%	100%	100%
Занимающих должности в соответствии с профессиональным образованием	40,7%	48,1%	61,3%
Занимающих должность не в соответствии с профессиональным образованием	25,2%	23,4%	19,2%
Пришедших из бизнеса	34,1%	28,5%	19,5%

В научном сообществе уже имеются конкретные проекты реформирования институционального дизайна постсоветских политических устройств. Так, С.Курица и В.Воробьев полагают возможным создание «управленческо-правовой системы, в которой доминируют профессиональные специалисты, а не политики»⁹⁸. При этом функция государства заключается в создании препятствий «проникновению во власть коллективистских идеологий», раскалывающих «общество на враждующие коллективы, внушая превосходство неких религиозных, национальных, политических (партийных), материальных и других сообществ». Центральное место в авторском видении регионального переустройства принадлежит Учредительному собранию, «где граждане всеобщим голосованием признают себя суверенным народом и проводят процедуру постулирования и принятия цели государства». В предложенной модели

⁹⁷ Составлено на основании официального сайта правительства Республики Казахстан // www.government.kz

⁹⁸ Курица С., Воробьев В. Каркас конституции государства // Международная жизнь. 2013. № 4. С. 96-110.

политического устройства исключительным носителем функции властвования становятся граждане (участвующие напрямую в формировании стратегии общественного развития), что исключает «приватизацию» власти элитой и ее разделение с управлением. Функцией надзора за исполнением «воли народа» предполагается наделить хранителей из числа политически неангажированных граждан, заменив, таким образом, «традиционные обязанности главы государства». Конституция страны, согласно предложенного проекта, «обеспечивающая цели государства», одобряется Конституционным советом избираемых из специалистов соответствующих отраслей знания. Исполнительная власть, по мнению авторов проекта, должна выполнять функцию коллективного менеджера «для продвижения конституционной цели на очередной этапе» и действует «на основе договора подряда с главой государства».

Таким образом, представление о динамично развивающихся идеях и общественной практике демократии имеет прямое отношение к стратегии трансформации политических режимов. Взгляд на демократию, как застывшую «в своем совершенстве» форму общественной организации, а тем более абсолютизация действующих демократических институтов и практик препятствуют определению адекватных вариантов режимной трансформации. Не релевантна и попытка утверждения универсальной демократической модели, не основанной на культурной традиции.

Направление демократического транзита постсоветских политических режимов не может быть ориентировано на тривиальную цель воспроизводства заимствованного демократического опыта, но корреспондироваться с актуальными цивилизационными трендами, лежащими в пространстве общественных интересов.

1.2. Эволюция российской государственности в контексте современной политической модернизации

Политологический дискурс в части проблематики, освещающей режимные переходы от авторитаризма к демократии, характеризуется наличием двух основных подходов. Первый – «структурный» – подход акцентирует научный поиск исследований на выявлении объективных социально-экономических и историко-культурных и вытекающих из таковых предпосылок демократизации. Второй – «процедурный» – предполагает поиск основ «транзита» в деятельности акторов и институтов демократизации.

Думается, что конструктивное решение проблемы успеха/неуспеха продвижения демократии лежит в плоскости консенсуса двух равновеликих составляющих ее опосредования. Однако, учитывая, что структурные основания в большей степени определяют отправные «точки» формирования механизма и вариативность направлений продвижения демократии, обращение к историко-культурному контексту нашего исследования выглядит особенно актуально.

Важность учета особенностей национального исторического процесса для выработки адекватной стратегии демократизации осознается после неудач «транзита» 1990-х годов практически во всех странах постсоветского пространства. Например, Н. Назарбаев прямо заявляет о неприемлемости «глобального модернизационного проекта» для Казахстана и предлагает концепцию «адаптированной модернизации», учитывающей национально-культурные особенности⁹⁹. Не «сверенный» с историческими традициями путь демократизации в представлении казахстанского президента является или «большим обманом», или «популизмом».

---

⁹⁹ Назарбаев Н.А. Выступление на VIII сессии Верховного Совета Республики Казахстан двенадцатого созыва «О проекте Конституции Республики Казахстан» (г. Алма-Ата, 1 июня 1992 года)//Назарбаев Н.А. Избранные речи. Т. 2. 1992-1995 гг. Астана : Сарыарка, 2009. С.123-124.

Актуальные подходы осмысления генезиса и развития российской государственности опосредованы необходимостью выявления структурных предпосылок, определяющих современное направление модернизации постсоветских политических режимов.

Объективный анализ процесса формирования российского политического строя, исходя из укоренившихся в советском общественном сознании постулатов, представляется затруднительным или вовсе невозможным.

Например, противоречащая исторической действительности Древней Руси установка на детерминированность надстройки базисом, требующая от советских историков определять истоки Киевской государственности развитием феодальных отношений и классовым антагонизмом общества восточных славян.

Укоренившиеся в советской науке об обществе императивы препятствуют пониманию сущностных качеств современной государственности постсоветских стран унаследовавшей черты, заложенные в историческом прошлом: автономности от общественных интересов и организации на основе централизованной персонифицированной власти

В контексте общественной потребности осмысления структурных предпосылок модернизации постсоветских политических режимов представляется важным обращение к историческим обстоятельствам генезиса и развития государственности, интегрирующей народы современного постсоветского пространства.

Генезис и развитие ранней государственности проходили в обстоятельствах, обусловивших их специфику и особые сущностные черты. Рождение Киевского государства не являлось потребностью социально-экономического развития балто-финского и пришлого славянского населения Русской равнины. На момент образования Древнерусского государства расселявшиеся здесь племена переживали стадию кровно-родственных отношений. Об этом говорит большой объем накопленного в советский

период археологического материала¹⁰⁰. Его анализ убеждает в невысоком уровне материальной культуры этой территории, не позволявший продуцировать сколько-нибудь достаточную группу лиц, профессионально исполняющую функцию управления и обеспечения безопасности. Первые городища являлись центрами родоплеменной организации.

Таким образом, социально-экономические и политические предпосылки генезиса древнерусской государственности были связаны не с культурными потребностями населения, а с включением Волжско-Окского и Днепровского речных коммуникаций в трансъевропейский торговый трафик, на основе которого сформировалась уникальная протогосударственная общность¹⁰¹. Появление военно-торговых пунктов (городов эмпорий) на системообразующих узлах товарного транзита, связывавшего Европу с Восточным халифатом, привлекало в число их насельников наиболее пассионарных представителей народов, и создавало недостающую общинникам материальную основу формирования древнерусской государственности. Благодаря изысканиям современных археологов наука располагает достаточно емким представлением об эмпориях верхней Волги и Днепровско-Волховского торгового направления¹⁰².

Торгово-военная деятельность древних насельников городов-эмпорий предполагала функциональную организацию: наличие предводителя князя, объединявшего равных в социальном статусе дружинников-купцов, свободно менявших торговый инвентарь на оружие.

По словам В.О. Ключевского, «такие города становились центрами областей, возникали среди населения, жившего по главным речным торговым линиям Днепра, Волхова и Западной Двины»¹⁰³.

Еще в период, предшествующий образованию Киевской Руси, на северных территориях, соединявших Европу с Волжско-Окским речным

---

¹⁰⁰ Булкин В.А., Дубов И.В., Лебедев Г.С. Археологические памятники Древней Руси IX-XI веков. Л., 1978.

¹⁰¹ Лебедев Г.С. Эпоха викингов в Северной Европе и на Руси. СПб., 2005.

¹⁰² Древняя Русь: новые исследования. СПб., 1995.

¹⁰³ Ключевский В.О. Сочинение в 9 томах. М., 1956. Т. 1. С. 137.

путем, и на протяжении сухопутного направления товарного транзита из Хазарского каганата в греческие колонии Северного Причерноморья и Византию, благодаря функционированию торговых коммуникаций появились первые зачатки государственности, предшествующей Киевской Руси¹⁰⁴.

Стараниями современных исследователей удалось преодолеть неверное представление о политическом строе Киевской Руси как о раннефеодальном, являвшемся продуктом феодализма и классового образования¹⁰⁵.

Большинство исследователей, занимающихся проблемами Древней Руси, полагает, что единственной интегрирующей силой раннегосударственного киевского образования являлась потребность в организации трансевропейской торговли и широкомасштабных военных кампаний, обеспечивающих ее.

По сути Киевская Русь являла собой федерацию княжеств с преобладающей норманской и славянской элитой кровно-родственных общностей, сохранявших свою «автономию» и имевших собственных старейшин и племенных вождей.

«Отношения между Киевом и другими землями регулировались договорами (русское – «ряд»), – пишет А.П. Новосельцев. – Этими же договорами определялось право великого князя на полудье – основной источник благосостояния ранних киевских князей и их дружины (руси)»¹⁰⁶.

Несмотря на добровольную передачу общинниками управленческих и правосудных функций военно-торговой знати эмпорий население родовых городищ существовало в параллельном направлении цивилизационного развития.

Таким образом, возникновение государства на территории Русской равнины не являлось потребностью внутреннего социально-экономического развития населения, переживающего стадию кровно-родственных

---

¹⁰⁴ Лесной С. Откуда ты, Русь? Крах норманнской теории. М. : Алгоритм : ЭКСМО, 2005; Седов В.В. Русский каганат IX века // Отечественная история. 1998. № 4. С. 3-15.

¹⁰⁵ Греков Б.Д. Киевская Русь. М., 1953.

¹⁰⁶ Новосельцев А.П. Образование Древнерусского государства и первый его правитель // Вопросы истории. 1991. № 2-3. С. 15.

отношений, но стало результатом параллельно возникшей организации, не интегрированной во внутренний строй славян и фино-угров.

С этой точки зрения уже с первого этапа формирования проявилась особенность рождения государственности, ставшая исходной точкой процесса, обусловившего в дальнейшем позиционирование государства в качестве института, доминирующего в социуме и отстоящего от его интересов.

Историческая возможность устранения «зазора» между обществом и государством возникла в XI веке, когда земельным славянским обществом в силу происшедших материальных сдвигов были генерированы собственные политические институты. В результате «аграрной революции» восточные славяне пережили распад родовых отношений, а основным источником их благосостояния стало земледелие. Центрами формирующегося земледельческого социума и «новой государственности» стали соседские общины с вечевым строем.

Княжеско-дружинная «элита», не обладавшая собственным развитым земледельческим хозяйством, но имевшая значительные материальные ресурсы и большое количество рабов-холопов¹⁰⁷, была «обречена» приспособиться к новой действительности. Князь и дружинники могли обеспечить свое особое положение только при условии инкорпорирования в политическое устройство городов-центров земледельческих общин. Первенство интересов территориальных земледельческих общин в отношениях с Киевом, утратившим прежнее политическое значение, стало основной причиной раздробленности на Руси и мотивом разноликих позиций князей и «вечевых республик» (по И.Я.Фроянову).

«Так в каждой области, – писал В.О. Ключевский, – стали друг против друга две соперничавшие власти – вече и князь, и по мере того как городское вече, представлявшее силу центробежную, брало верх над князем, который,

---

¹⁰⁷ Фроянов И.Я. Киевская Русь: главные черты социально-экономического строя. СПб., 1999. С. 136-178, 197-215, 288-292.

как член рода, владевшего совместно всей землей, поддерживал связь управляемой области с другими, городские области все более обособлялись политически»¹⁰⁸.

Однако не следует представлять вечевого характер нового политического порядка, как утвердившийся строй народной демократии, (как это пытаются представить некоторые современные исследователи)¹⁰⁹. В действительности институтами надстройки эпохи раздробленности могли быть как вече, так и князь с дружиной, а соотношение вечевого и княжеско-дружинного составляющих определялось объективными условиями. Особая материальная и обусловленная ею социально-политическая состоятельность земско-вечевого начала в Новгороде низводила княжеско-дружинную организацию до подчиненного, обусловленного волей общины положения и второстепенной роли исполнителя определенных функций (например, воеводских). И напротив, материальная слабость вечевого организации на северо-востоке, проявившаяся в притязаниях князя, оторвавшегося от киевской «воли» (Андрея Боголюбского), на самостоятельность от «указа» ростово-суздальских общин¹¹⁰.

Однако наметившаяся интеграция государства и общества была прервана трагическими событиями, связанными с татаро-монгольским нашествием.

В связи с изменением исходных методологических установок сегодня наметились новые подходы в оценке, казалось бы, достаточно изученного сюжета, связанного с этим периодом истории. Анализируя его последствия, советские историки делали упор на материальном уроне и национальной консолидации для борьбы с внешней экспансией. Кроме того, утвердилось мнение о том, что монголы были главной причиной отставания Руси от Запада. Труды современных российских историков позволяют глубже

---

¹⁰⁸ Ключевский В.О. Сочинение в 9 томах. М., 1956. Т. 1. С. 194.

¹⁰⁹ Фроянов И.Я., Дворниченко А.Ю. Города-государства Древней Руси. М., 1988.

¹¹⁰ Кобрин В.Б., Юрганов А.Л. Становление деспотического самодержавия в средневековой Руси (К постановке проблемы) // История СССР. 1991. № 4.

посмотреть на процессы, происходившие под влиянием монголо-татарского нашествия¹¹¹.

В контексте рассматриваемой проблемы из множества исторических последствий этого явления, следует выделить три основных обстоятельства политической реальности Древней Руси.

Во-первых, произошло качественное смещение доминанты в соотношении вечевого и княжеско-дружинного начал в сторону последнего.

«Монгольское владычество отняло у этих "парламентов" (вече. – *Авт.*), – пишет Э. Каррер д'Анкокс, – всякий смысл для их существования, и они исчезли» (исчезали – *авт.*)¹¹².

Во-вторых, монголо-татарская экспансия инициировала социальное расслоение до тех пор гомогенного общества. Пользуясь в своих интересах кнутом и саблей намадов, князья занимали, как правило, протатарскую а, по существу, антинародную позицию. Княжеско-дружинная верхушка перекладывала основную тяжесть «выхода в орду» на плечи «черного люда», чем вызывала к себе отношение неприятия. В результате отдаленность княжеской, олицетворявшей центральную, власть от общества значительно увеличилась.

В-третьих, экономические мотивы регенерации централизованного государства были заменены административными, силовыми.

В дополнение к указанным последствиям иноземного ига собирание «новой» государственности на территории Северо-Восточной Руси с суровыми естественными условиями обусловило ее деспотический характер. Производимый активно мигрировавшими сюда земледельцами прибавочный продукт был настолько мизерным, что его изъятие в пользу государства обусловило его деспотизм и тоталитарность.

---

¹¹¹ Каргалов В. Русь и кочевники. М. : Вече, 2004. С. 173-203.

¹¹² Каррер д'Анкокс Э. Незавершенная Россия. М., 2005. С. 37.вт

«Нигде в Европе сельское хозяйство не было на протяжении столетий столь малопродуктивным, недостаточным, как в России, несмотря на огромные пространства, чтобы прокормить население»¹¹³.

После великих предшественников – С.М. Соловьева и В.О. Ключевского роль естественного фактора в развитии российского исторического процесса раскрыл академик Л.В. Милов. В его представлении, безусловно природный фактор явился определяющим в формировании жесткого политического режима и системы крепостничества в России¹¹⁴.

Основополагающими чертами политического порядка Московской Руси, формирующегося, начиная со второй половины XV столетия, стали:

Во-первых, укрепление, (вплоть до абсолютизма) единоличной власти государя с необходимыми при этом атрибутами: регулярной армией, чиновниче-бюрократическим управленческим аппаратом, карательными органами. О логической незавершенности этого процесса* к концу XVI века говорит факт наличия в политической системе того времени земских учреждений: на местах (например, института губных старост), и земских соборов в центре, участия в государственных делах не профессиональных военных и чиновников, а служилых людей.

Во-вторых, центральным атрибутом нового политического порядка стала крепостная зависимость от государства, интегрирующая все слои общества.

По этому поводу высказался корифей российской исторической науки С.Ф. Платонов: «Грозный родился именно в это время торжества нового государственного строя, когда исчезла самостоятельность уделов, когда Новгород и Псков утратили последнюю тень своей политической особенности, когда московский великий князь на деле стал "всея Русские

---

¹¹³ Там же. С. 32.

¹¹⁴ *Милов Л.В.* Великорусский пахарь и особенности российского исторического процесса. М., 2006.

* Установление абсолютизма в России приходится на эпоху Петра Великого.

земли государь", когда, наконец, все население объединенной страны стало сознавать себя "крепким" государством»¹¹⁵.

Сегодня эту точку зрения Платонова о всеобъемлющем характере крепостной зависимости, охватывающей все категории населения, поддерживает большинство историков¹¹⁶. Уложение 1649 года включало регламент отношений всех категорий населения с государством и, таким образом, формализовало иерархию крепостных отношений¹¹⁷.

В свете сказанного о характере централизованного государства, формирующегося вокруг Москвы, современные историки не однозначно оценивают включения в его сферу влияния других земель и территорий, сохранение самостоятельности и суверенного социально-политического строя которых позволяли им обрести более позитивную историческую перспективу.

В трудах исследователей, и в том числе П. Смирнова, посвятившего значительные усилия изысканиям в области изучения российских городов, содержится фактический материал, свидетельствующий о бедствиях мест, включенных в централизаторскую деятельность Москвы.

Так, он писал: «Во второй половине столетия, к которой относится и рассказ Курбского о разгроме "великого места" Грозным, Новгород Великий стремительно падает под влиянием целого ряда причин, как упадок балтийской торговли, разгром опричнины, эпидемия, война... Из четырех с лишним тысяч черных дворов, которые значились в нем в начале XVI столетия... к 1579 году на Софийской половине города оставалось жилых только 158 дворов, пустыми стояло 468...» и т.д.¹¹⁸

Вследствие централизаторской миссии Московских князей на северо-востоке Русской равнины сложилась держава вотчинного типа. Попытку описать такого рода государственное образование сделал М. Вебер в «Теории

---

¹¹⁵ Платонов С.Ф., Винтер Р.Ю. Иван Грозный. М., 1998. С. 31-32.

¹¹⁶ Миронов Б.Н. Социальная история России периода империи (XVIII – нач. XX вв.). СПб., 2003.

¹¹⁷ Маньков А.Г. Соборное уложение 1649 г. // Кодекс феодального права в России. Л. : Наука, 1980.

¹¹⁸ Смирнов П. Города Московского государства в первой половине XVII века. Т. 1. Вып. 2. Количество и движение населения. Киев, 1919. С. 18.

социальной и экономической организации». Появились и современные труды, раскрывающие существо политического строя Московского государства в контексте такого определения. Так, Р. Пайпс указывает: «Государство не выросло из общества, не было оно ему и навязано сверху. Оно, скорее, росло рядом с обществом и заглывало его по кусочку»¹¹⁹.

Не преследуя цель полной характеристики политического строя вотчинного типа, отметим, что его отличает избыточная централизация и отчужденность от общества, ориентация функционала на реализацию собственных интересов и потребностей. При этом следует заметить, что постановка вопроса о возможной альтернативе «по пути развития зарождавшихся предбуржуазных отношений»¹²⁰ в описываемом историческом контексте вряд ли правомерна.

В условиях, когда все сферы общественной жизни были безусловно подчинены целям функционирования государства, складывающиеся в экономическом, социальном и политическом пространстве реалии не воспроизводили закономерности, характерные западному культурному процессу.

Например, одной из реалий нового порядка эпохи Московского царства стали земские соборы XVI века, причисляемые многими советскими историками к сословно-представительным учреждениям, являющимися в их представлении зачатками демократии¹²¹. Однако на самом деле аргументировать это положение фактами российской истории не удалось ни одному исследователю. Единственным, но важным с точки зрения последователей этого положения является довод о всеобщности законов исторического развития, предполагавший повторение Россией всех этапов формирования европейских феодальных государств. Научную же основу утверждения историков составлял сам факт наличия в России XVI-XVII веков земских соборов как сословно-представительских институтов.

---

¹¹⁹ Пайпс Р. Россия при старом режиме. М., 2004. С. 38.

¹²⁰ Зимин А.А., Хорошкевич А.Л. Россия времен Ивана Грозного. М., 1982.

¹²¹ Зимин А.А., Хорошкевич А.Л. Россия времен Ивана Грозного. С. 8.

Однако еще В.О. Ключевский метко выразил социальный смысл таковых: «Земский собор XVI века был не народным представительством, а расширением центрального правительства»¹²².

Материалы, которыми располагает современная историческая наука, не дают ни малейшего повода видеть в земских соборах зачатки представительства народа во власти.

Один из историков, С.О. Шмидт, небезосновательно утверждал, что все участники соборов середины XVI века «принадлежали к различным прослойкам господствующего класса»¹²³.

Наиболее аргументированно выглядит мнение о том, что земские соборы стали попыткой усиливающегося самодержавного режима опереться на вечевые традиции, приспособив последние к потребностям обеспечения стабильности и дальнейшего укрепления.

«Термины эти («вече», «мир». – *Авт.*), – пишет С.О. Шмидт, – представляли собой достаточно устойчивые понятия на протяжении нескольких веков (в Москве, во всяком случае, с XIV по XVII век)»¹²⁴, поэтому вполне логично, что упоминание таковых исчезает только с уходом с исторической сцены земских соборов.

Указанной политической парадигме была подчинена и опричнина XVI столетия, целью которой «была борьба с пережитками политической децентрализации...»¹²⁵.

Сложность осмысления представляет другой феномен политической реальности XVI века – местничество. Большинство ученых советского периода были склонны видеть в этой системе исключительно пережиток аристократической «вольницы», черпавшей свои истоки в истории удельной Руси. На самом деле кажущаяся очевидность такого понимания явления

---

¹²² Ключевский В.О. Русская история. Полный курс лекций. М., 2005. С. 333.

¹²³ Шмидт С.О. У истоков российского абсолютизма: Исследование социально-политической истории времени Ивана Грозного. М., 1996.

¹²⁴ Шмидт С.О. У истоков российского абсолютизма: Исследование социально-политической истории времени Ивана Грозного. С. 98.

¹²⁵ Зимин А.А., Хорошкевич А.Л. Россия времен Ивана Грозного. М., 1982. С. 107.

резонно дополняется другой точкой зрения, согласующейся с указанным направлением политического развития страны в направлении формирования режима самодержавия: о стремлении центральной власти посредством местничества регламентировать место представителей верхушки в служении государству. Такая позиция, разделяемая значительным кругом современных исследователей¹²⁶, представляется более корректной. Естественно, что система местничества, как и другие социальные и политические явления, не была статичной. В других исторических обстоятельствах второй половины XVII столетия таковая стала препятствием дальнейшей эволюции надстройки к централизации, вследствие чего и была ликвидирована.

В Петровскую эпоху завершилось формирование политического строя, отражавшего характеристики, основы которых обозначились на ранних этапах истории Московского царства. Итогом доведения до полной завершенности всех черт вотчинного порядка стала имплементация абсолютизма. Если в Европе абсолютная власть монарха базировалась на противоречии интересов основных социальных групп населения: аристократии и протобуржуазии, то абсолютизм в России представлял собой порядок, опирающийся на чиновничье-бюрократическую машину, противостоящую в разной степени всем слоям общества. В отношении к государству положение всех без исключения, даже самых привилегированных персон, было бесправным. Государственная машина одинаково легко дробила «хребет» и «тяглеца», и аристократа, если этого требовали высшие державные интересы.

Ликвидировав Боярскую думу и расширив военно-бюрократический аппарат, Петр I совершенно устранил политическую традицию княжеско-дружинного строя Киевской Руси и удельной вольницы, где глава государственной иерархии был первым среди равных, сдерживавшую

---

¹²⁶ Шмидт С.О. У истоков российского абсолютизма: Исследование социально-политической истории времени Ивана Грозного. М., 1996.

развитие неограниченной самодержавной власти. С установлением нового порядка единственным показателем социальной значимости «верхушки» общества становилась служба государству. Признаки родовитости, являвшиеся в XVII веке непреодолимым препятствием социальной мобильности даже внутри самого элитного сообщества – служилых людей «по отечеству», – в эпоху Петра I утрачивают свое значение¹²⁷.

Ссылаясь на тотальное государственное присутствие, в том числе в экономической жизни страны, Р. Пайпс определил Российское государство «патерналистским». При этом он имел в виду не попечительство в отношении общественного хозяйства, а подчинение последнего исключительно государственным потребностям.

Хорошо иллюстрирует эту характеристику финансовой политики государства представленная одним из видных историков, С. Князьковым.

«Таким образом, – писал он, – финансовая политика Московского государства вся направлялась на одно: возможно усиленное добывание средств с населения путем оброков, податей, налогов и совсем мало заботилась о поднятии благосостояния торгово-промышленных людей путем покровительства промыслам, фабрикам, заводам, мастерским...»¹²⁸.

Нет смысла в избыточной иллюстрации этого положения, аргументами в пользу которого изобилуют сочинения по истории России XVI-XVIII столетий¹²⁹. Так, «в начале XVIII века один за другим появились новые налоги, сборы: корабельные, рекрутские, драгунские, с бань и бород, постоянных дворов и перевозов, мельниц и лавок и многие другие... По данным на 1706 год, только на уплату двухгодичного оброка (2 руб. 69 коп. со двора) нужно было продать или около 7 пудов свинины, или 11 баранов, или 85 кур».

---

¹²⁷ Князьков С. Очерки из истории Петра Великого и его времени. СПб., 1914. С. 305.

¹²⁸ Князьков С. Очерки из истории Петра Великого и его времени. СПб., 1914. С. 305.

¹²⁹ Буганов В.И. Петр Великий и его время. М., 1989. С. 100.

Власть регламентировала нарождавшееся промышленное производство: качество, ассортимент продукции, технологический процесс, отрасли мануфактурного производства – имея в виду исключительно собственные интересы, а стратегия относительно интересов промышленников исходила из положения, сформированного самим Петром I: «Добрым экономам быть надлежит принуждением»¹³⁰.

Ярким примером противоречий Петровской государственной экономической политики хозяйственным нуждам населения стал запрет на изготовление узких крестьянских холстов.

«В прежнее время у города (Архангельска) холстом большой торг был, много тысяч крестьян кормилось и немалая пошлина в казну собиралась, а когда указ состоялся, чтобы не ткать узких холстов, но ткать широкие, то крестьянству прибыла немалая тягость!.. Разорились от этого все крестьяне северные», – сетовали обыватели территорий традиционного льноводства¹³¹.

Надо ли специально раскрывать положение о том, что революционная ломка традиционных хозяйственных устоев общества в период реформ (Петра I, П.А. Столыпина и т.д.), осуществляемых, исходя из интересов государства, не могли не вызывать общественное отторжение, и вела «к дальнейшему отчуждению народных масс от власти, от государства, которое, приобретая сакральный характер, все больше воспринималось населением как враждебная и, в первую очередь, репрессивная подавляющая сила»¹³².

Не всегда и международные амбиции российского государства воспринимались населением как национальные интересы и, сопровождаемые материальными тяготами, также отстраняли его от власти.

Широкая дискуссия в рядах элиты по поводу царствование Елизаветы Петровны, занявшей престол вследствие недовольства гвардейцев, которые должна были выступить на шведскую войну, или общественные антивоенные настроения, которыми умело воспользовались большевики в 1917 году, – все

---

¹³⁰ Князьков С. Очерки из истории Петра Великого и его времени. С. 315.

¹³¹ Там же. С. 216.

¹³² Каменский А.Б. Россия в XVIII веке. М., 2006. С. 67.

эти эпизоды истории свидетельствуют о наличии зазора между интересами государства и общества.

Кроме того, вследствие своей отчужденности от социума, государство нередко ввязывалось в военные акции или действовало в конфликтных ситуациях вопреки национальным интересам.

Таким образом развивались события в войне с Пруссией, когда почти взявшие Берлин русские солдаты в 1761 году вынуждены были подчиниться приказу Петра III и диаметрально поменять «врагов на друзей, и наоборот», и в начале XIX столетия, когда дружба с Наполеоном сменялась анафемой узурпатору.

Полное подчинение государству всей общественной жизни привело к тому, что в России не сформировался институт частной собственности, и было не завершено классовое образование и, тем более, его формализация в законодательстве¹³³ в значительной степени зависела от воли монарха. Так, наряду с естественными факторами, численность служилого сословия – дворянства - менялась в зависимости от потребностей государства.

«Численность дворянства, – писал Н.А. Рубакин, – в определенной степени регулировалась государством. Самодержавию были необходимы квалифицированные кадры гражданских и военных чиновников, что привело к значительному росту численности дворянства... К Рюриковичам по происхождению, к богачам по состоянию, к потомкам столпов государства, думцев, великих князей и царей московских все присоединялись и присоединялись плебеи по крови, бедняки по состоянию, потомки советников губернских правлений, пехотных прапорщиков или кавалерийских корнетов и составляли с ними одну общественную группу с теми же правами и преимуществами»¹³⁴.

Социальная политика, имевшая прямое влияние на классовое образование, обуславливала сословную принадлежность всех категорий населения. Так, в

---

¹³³ *Свод законов Российской империи. Т. IX. Законы о состояниях. СПб., 1857.*

¹³⁴ *Барина Е.П. Российское дворянство в начале XX века: экономический статус и социокультурный облик. М., 2008. С. 43.*

результате градообразовательной и административной деятельности правительства в стране не сформировалось единое ремесленное сословие городов, являвшееся на Западе инициатором муниципальных революций и социальной основой появления буржуазии.

Политика государства также определяла процессы, происходившие и в сельском обществе.

Так, содержание своих аграрных реформ П.А. Столыпин видел «в создании на низах крепких людей земли, которые были бы связаны с государственной властью»¹³⁵.

Политическая опосредованность российского классового образования позволяет современным обществоведам утверждать, что «фрагментация и изолированность социальных групп» – характерная российская черта, отражающая нечто гораздо более фундаментальное, чем замедленное (по сравнению с Западом) историческое развитие общества: «В России сословиям недоставало существенно важных компонентов, необходимых для выработки корпоративного самосознания и защиты корпоративных свобод. В отличие от Западной Европы, в России не был заложен фундамент для строительства подлинно классового общества»¹³⁶.

Замедление процесса классовой консолидации предоставило возможность самодержавному режиму функционировать на протяжении значительного исторического периода. И тем не менее сопротивление всех слоев населения засилью тоталитарного государства являлось непрерывным и нарастающим процессом с ранних этапов истории. С известного великого пожара и бунта в Москве 1547 г. и заканчивая событиями революции начала XX века продолжалось противоборство общества и власти.

Исследования последнего десятилетия показали контрпродуктивность отождествления конкретных событий, связанных с общественно-

---

¹³⁵ *Россия в Первой мировой войне. 1914-1917 гг. Экономика и экономическая политика* : учеб. пособие / Т.М. Китанина. СПб., 2003. Ч. 1. С. 33.

¹³⁶ *Беккер С.* Миф о русском дворянстве: Дворянство и привилегии последнего периода императорской России / пер. с англ. Б. Пинкера. М., 2004. С. 9.

политическим движением в России с каким-либо отдельным социальным слоем или классом. По мере нарастания деспотизма государства нарастал общий протест населения. Конечно, это не значит, что отдельные общественные группы не имели своих особых интересов или предпочтений или осознавали уровень и качество свободы одинаково.

Персональный состав, масштабы и качественные характеристики групп, вступавших на сцену политического противоборства, были обусловлены социальной реальностью. В эпоху Ивана Грозного ущемление политических и социальных преимуществ вотчинной знати, замещение ближнего круга царя менее знатными служилыми дворянами, противоречие интересов аристократии и централизаторской политики государства актуализировало противостояние монархии с самой верхушкой общества. Именно этот факт послужил причиной акцентуализации в оценке направленности репрессивного курса Ивана Грозного на репрессиях против бояр. И сегодня во многих учебниках встречается мнение, что основным противоречием, преодолеваемым первым российским царем, был антагонизм сепаратистских устремлений «вотчинников» и объединительных усилий Ивана IV. На самом деле кажущаяся справедливость утверждения объясняется лишь тем, что усиление самодержавия и централизации государства, составлявших содержание общего процесса преобразования политического строя, в первую очередь затрагивали интересы привилегированных слоев «вотчинников».

Петровское отношение к аристократии, лапидарно выражалось формулой «знатность по годности считать» и привело к тому, что «служилый люд» «начинает бороться за освобождение от государственной зависимости, расширение своих привилегий и оформление своего сословного статуса, постепенно превращаясь в самостоятельную политическую силу»¹³⁷.

Несмотря на неравномерность пиков активности и отличия в политических притязаниях, обусловленных социальным положением, все

---

¹³⁷ *Каменский А.Б.* Россия в XVIII веке. М., 2006. С. 52.

группы и категории населения в известной степени интегрировались единым стремлением раскрепощения. Не случайно документы эпохи пугачевщины говорят о том, что крестьяне, участвовавшие в восстании, объясняли свой выбор неоправдавшимися надеждами на освобождение, якобы само собой следующее после освобождения дворян (1762 г.).

Непризнание всеобщего характера освободительного движения будет инициировать произвольную трактовку фактов в доказательстве крестьянского характера войн под руководством И. Болотникова (боевого холопа, сражавшегося кстати вместе со своим господином), С. Разина, Е. Пугачева (также жестоко расправлявшихся с крестьянами, отказавшимися поддерживать их бунт) или объяснении «революционного» выступления декабристов «осознанием» бедствий простого народа.

Сигналом системного кризиса режима в начале XX века явилась отчужденность от власти «первого сословия», обязанного своим появлением государевой службе. Не соответствует политической реальности утверждение большевистской пропаганды: «Дворянство – оплот самодержавия», не подвергаемое сомнению во многих исторических сочинениях. Доказательством некорректности такого утверждения может служить выдержка из сенатского донесения Анне Иоанновне: «Молодые дворяне тоже без охоты идут на смотры, пренебрегают своим долгом перед императрицей и Отечеством. Более того, некоторые ослушники даже записываются в тяглое (то есть неслужилое) сословие купцов, посадских и даже в дворовую службу к разным чинов людям и переходят из города в город, дабы звание свое утаивать и тем от службы отбыть»¹³⁸.

Как правило, государственную службу и вообще инициативы, исходящие от государства, дворяне воспринимали как повинность, и даже те, которые обычно принято считать сословными привилегиями (например, участие в государственном управлении или в дворянских собраниях).

---

¹³⁸ *Анисимов Е.В.* Анна Иоанновна. М., 2004. С. 197.

В связи с этим в 1818 году М.М. Сперанский писал: «От самих дворянских выборов дворяне бегают, и скоро надобно будет собирать их жандармами, чтобы принудить пользоваться правами»¹³⁹.

С целью поднять привлекательность дворянского участия в местных и общегосударственных службах была осуществлена реформа 1831 года: «Ранг всех выборных должностей был повышен на один класс, а выборным администраторам был гарантирован шестилетний срок пребывания в должности»¹⁴⁰. Однако и такие правительственные меры не имели желательного результата.

Несмотря на то, что само наличие служилого сословия полностью определялось волею государства, его социальное положение полностью опосредовалось интересами последнего. По мнению исследователя А. Романовича-Славатинского, «верховная власть наделяла одного правом, лишала другого, смотря по потребности государства»¹⁴¹.

Либеральные реформы середины XIX – начала XX столетий, осуществляемые государством прежде всего в собственных интересах и исходя из соображений самосохранения, лишившие дворянство сословных привилегий, совершенно оттолкнули его подавляющую массу от самодержавия.

Изучив психологию и ментальность дворян начала XX века, Е.П. Барина утврждает: «Революция 1905 года нанесла ощутимый удар по сакральности российского самодержавия, поколебала веру дворянства во всемогущество царизма. Власть, готовая пойти на уступки либеральному обществу за счет базовых интересов сословия, вызывала у большей его части отрицательную реакцию»¹⁴².

---

¹³⁹ *Русский Архив*. 1869. № 7.

¹⁴⁰ *Беккер С.* Миф о русском дворянстве: Дворянство и привилегии последнего периода императорской России / пер. с англ. Б. Пинкера. М., 2004. С. 33.

¹⁴¹ *Романович-Славатинский А.* Дворянство в России от начала XVIII века до отмены крепостного права. СПб., 1870. С. 214.

¹⁴² *Барина Е.П.* Российское дворянство в начале XX века: экономический статус и социокультурный облик. М., 2008. С. 5.

Лишившись социальной опоры в дворянстве, политический режим, основанный на самодержавии монарха, был обречен на гибель.

Предстоящий юбилей – трагедия 100-летия расстрела монаршей семьи российского императора и вновь обострившаяся в этой связи общественная полемика по поводу оценки личности и деятельности Николая II: «Николай II – "кровавый", разваливший империю, допустивший в силу малодуший революционную вакханалию» или «Николай II – истинно православный император, который предпочел отречение кровопролитию, умелый правитель, хороший семьянин», требуют одного безусловного пояснения.

Очевидно, что свобода помазанника Божьего была ограничена сложной системой факторов и противовесов, сформировавших непреодолимое препятствие для других качеств или характера деятельности монарха. Последний самодержец был вынужден пожинать все то, что было создано многими поколениями его предшественников, что ставило под сомнение существование самого института монархии. Николай II действовал так, как должен был действовать российский самодержец: и в событиях кровавого воскресенья 9 января 1905 года, и в событиях Ленского расстрела, и принимая на себя обязанность главнокомандующего, и отрекаясь от престола, с целью сохранить монархию.

Все изложенное позволяет сделать некоторые выводы, важные с точки зрения выяснения особенностей исторического процесса, обуславливающих направления современной модернизации постсоветских политических режимов.

Генезис государственности на территории, объединившей постсоветскую многокультурность, не определялся потребностями общественного развития социума. Исторические обстоятельства формирования посткиевской центральной власти не способствовали ее интегрированию с обществом и обусловили крайнюю централизацию и тоталитарный характер государства. Сложился политический порядок, в котором самодержавие абсолютно доминировало во всех сферах

общественной жизни: экономика, политика, социальные отношения были подчинены интересам государства.

Занимая доминирующее положение в социуме, власть выстраивала редистрибутивный порядок, при котором наделение благами (в том числе политическими правами) полностью находилось в сфере компетенции государства.

Советский режим не изменил выстроенный механизм взаимоотношения власти и общества. Мало нового сделано в этом отношении в постсоветский период. В этой связи политическая модернизация вне контекста сильной персонифицированной власти представляется нерелевантной.

Кроме того, избыточная централизация государственной власти, действующей прежде всего в интересах самоорганизации, в условиях дефицита средств на воспроизводство, препятствовала формированию частной собственности и правового порядка, являющегося неотъемлемой характеристикой либерального порядка и необходимой «средой» его функционирования. Таким образом, единственным институтом, обеспечивающим сохранение стабильности общества, в отсутствие правового порядка, продолжает оставаться персонифицированная власть, основанная, помимо принуждения, на сакрализации ее «нерукотворной» иерархии.

Кроме того, в ходе исторически особенного процесса генезиса и развития властных структур сложилась «модель» их диалога с обществом через институт общины, с минимизацией социального значения коммуникации государство–личность.

Интересы индивида в традиционной системе общественных отношений подчинены общине, которая в свою очередь руководствуясь паттернами справедливости легитимизирует «неограниченную» власть правителя. В свою очередь, на экзистенциальном уровне община (ответственная перед Богом и государством) являлась гарантом функционирования общества в соответствии с обычным правом, традицией и нравственными нормами.

Таким образом, модернизация постсоветских политических режимов должна учитывать несколько исторически обусловленных императивов:

- демократический транзит в бывших союзных республиках возможен только на основе сохранения сильной вертикали государственной власти, являющейся гарантом прав и свобод;

- сохранение сильной вертикали государственной власти не означает признание абсолюта авторитарной власти;

- демократическая трансформация постсоветских политических режимов релевантна стратегии расширения (на основе процедур непосредственной демократии) прямого диалога общества и персонифицированного института главы государства.

Глава 2. Либеральная демократия и модернизация постсоветских политических режимов

2.1. Основания идентичности политических режимов постсоветских республик

Особенности политического ландшафта новых независимых государств, обусловленные историко-культурными традициями, тем не менее, не исключают наличие ряда черт, определяющих общность характеристик их режимной трансформации. Одной из детерминант, фундирующих схожесть направлений общественного развития, остается сохраняющееся единое социокультурное пространство, сформировавшееся в период существования в рамках одной государственности¹⁴³.

Вряд ли возможно отрицать наличие общих культурных, ментальных, институциональных черт, сложившихся в едином государственном пространстве, объединявшем народы, получившие в настоящий момент возможность обретения национальной государственности.

Вместе с тем, вряд ли справедливо определять исключительно общим историческим прошлым признаки идентичности постсоветского пространства, позволяющие говорить о тождестве тенденций политического развития. В значительной степени схожесть направлений модернизации постсоветских режимов обусловлена их качествами, приобретенными в ходе независимости и посткоммунистической реальности.

Важнейшей характеристикой практически всех постсоветских республик, отмечаемой многими политологами, стала так называемая «недосуверенизация», направленно замещаемая идеологическими, религиозными, националистическими и др. нарративами¹⁴⁴.

---

¹⁴³ Егоров В.Г., Савина О.В. Общая культурно-цивилизационная основа – фактор регенерации постсоветского сообщества // Обозреватель-Observer. 2012. № 12. С. 42-52.

¹⁴⁴ Суздальцев А.И. Постсоветское пространство: уходящая реальность // Мир вокруг России: 2017 – контуры недалекого будущего // URL: www.polit.ru

Не вдаваясь в детальный анализ причин развала СССР, можно, очевидно, утверждать, что таковой не являлся результатом вызревшей экономической самодостаточности союзных республик, так же как несправедливо предполагать, что причиной, обусловившей сецессию, стала генерация зрелых признаков их государственного суверенитета.

Из нижеприведенной таблицы следует, что внешнеэкономические отношения на начало 1990-х годов были характерны только для России, а их доля для других союзных республик варьировалась во ввозе от 27% (Украина, Азербайджан) до 15,4% (Таджикистан, Эстония) и в вывозе от 16% (Украина, Узбекистан) до 1,9% (Киргизия).

Таблица 4

*Ввоз и вывоз продукции¹⁴⁵ по союзным республикам
(1989 г., фактически действовавшие внутрисоюзные цены)*

Республики	Ввоз всего, млрд руб.	В том числе, %		Вывоз всего, млрд руб.	В том числе, %	
		межреспубликанский обмен	импорт		межреспубликанский обмен	экспорт
Азербайджан	5,2	73,0	27,0	7,1	93,4	6,6
Армения	4,9	78,3	21,7	3,7	97,6	2,4
Белоруссия	19,4	76,7	23,3	20,3	90,2	9,9
Грузия	6,5	75,6	24,4	6,1	93,9	6,1
Казахстан	17,6	82,9	17,1	9,1	90,2	9,8
Киргизия	4,3	78,3	21,7	2,6	98,1	1,9
Латвия	6,0	75,0	25,0	5,4	93,2	6,8
Литва	7,4	78,8	21,2	6,3	92,4	7,6
Молдавия	6,6	78,5	21,5	5,5	95,1	4,9
РСФСР	144,3	49,0	51,0	109,6	68,5	31,5
Таджикистан	3,9	82,7	17,3	2,5	86,2	13,8
Туркмения	3,3	82,3	17,7	2,7	91,0	9,0
Узбекистан	14,2	85,1	14,9	10,2	84,0	16,0
Украина	54,5	73,3	26,7	48,1	84,2	15,8
Эстония	3,8	84,6	15,4	3,1	92,9	7,1
<i>Всего</i>	284,7	62,9	37,1	227,8	78,8	21,2

Отрицательное восприятие акта распада СССР характерно общественному сознанию большинства постсоветских государств по настоящее время.

¹⁴⁵ Народное хозяйство СССР в 1990 г. Госкомстат. М.: Финансы и статистика, 1991. С. 636

Согласно последним данным общенационального опроса в Армении армянской ассоциацией маркетинга в ноябре 2016 г., в Молдавии компанией Central for Sociological Investigations and Marketing «CBS-АХА», на Украине компанией R&B Group 10-20 декабря 2016 года более половины (на Украине менее половины) населения сожалеют о развале советского государства¹⁴⁶.

Замечательно, что распад Советского Союза оценивают как «крупнейшую геополитическую катастрофу XX века» молодые люди до 25 лет, те, кто не имеет советского опыта.

Исследователями настроений молодежи стран СНГ Евразийского мониторинга были предложены (весной 2009 года) следующие варианты ответов.

1. Распад СССР – «крупнейшая геополитическая катастрофа»
2. Распад СССР – естественный, закономерный финал.

Варианты ответов, согласно проведенного опроса, выглядят таким образом:

---

¹⁴⁶ ria.ru/society/20161223/1484383741.html

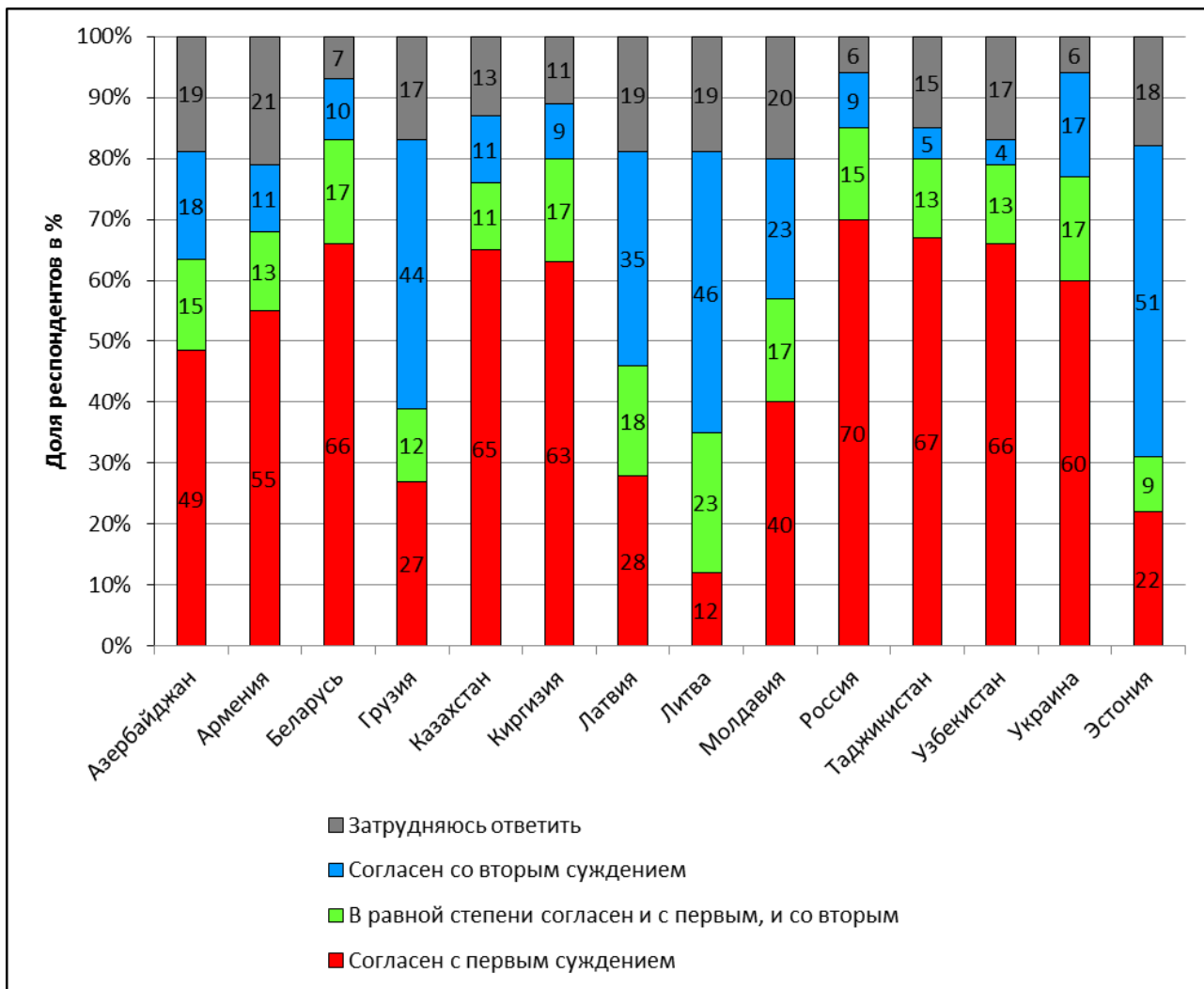

Рис. 2. Распределение ответов респондентов¹⁴⁷

За исключением молодых людей Прибалтики и Грузии их подавляющая часть ответили первым вариантом.

В России, начиная с 1992 года, не снижается число тех, кто сожалеет о советской стране.

Таблица 5

Сожалеете ли Вы о распаде СССР?¹⁴⁸

Год	Ответ респондентов, %			Год	Ответ респондентов, %		
	Да	Нет	Затруднились ответить		Да	Нет	Затруднились ответить

¹⁴⁷ Исследовательский проект «Восприятие молодежью новых независимых государств истории советского и постсоветского периодов». Апрель – май 2009 г. Краткий аналитический отчет. М., 2009. С. 43.

¹⁴⁸ Левада-Центр // URL: <http://www.levada.ru/old/14-01-2014/rossijane-o-raspade-SSSR>

1992	66	23	11	2007	55	36	10
1993	63	23	1	2008	60	30	10
2000	75	19	6	2009	60	28	12
2001	72	21	7	2010	55	30	16
2002	68	25	7	2011	58	27	15
2004	71	22	7	2011	53	32	16
2005	65	25	10	2012	49	36	15
2006	61	30	9	2013	57	30	13
				2016	63	34	3

И не менее половины россиян считают, что катастрофы, связанной с распадом страны, можно было бы избежать.

Таблица 6

*Как Вы считаете, распад Советского Союза был неизбежен
или его можно было избежать?*

Год	Ответ респондентов, %		
	Можно было избежать	Был неизбежен	Затруднились ответить
1998	58	24	18
2000	62	26	12
2001	58	29	13
2002	59	29	12
2003	65	25	10
2004	65	24	10
2005	61	29	10
2006	59	27	14
2007	56	30	14
2008	55	30	15
2009	57	28	15
2010	53	32	15

2011	53	33	14
2012	48	31	21
2013	53	29	18

Конечно, в положительной оценке советского прошлого населением стран СНГ присутствует большая доля неприятия современной реальности, обернувшейся благом для «исключительного» меньшинства.

Далеко не однозначное отношение населения новых независимых государств (ННГ) к посткоммунистической реальности связано, прежде всего, с повсеместным падением уровня жизни, ставшего следствием искусственного разрыва единого экономического организма, связанного системой кооперационных обязательств и формализованных в плановых директивах. Разрушение единого народнохозяйственного комплекса отрицательно сказалось на «поддержании функционального состояния новых государственных образований»¹⁴⁹.

В свою очередь, экономическая деструкция ННГ имела несколько негативных следствий:

Во-первых, постсоветское пространство, лишившись доминирующего (в смысле определяющего стратегию развития, в том числе реинтеграции) центра оказалось дезориентированным не только в актуализации целеполагания внутренней политики, но и геополитически. Во внешней политике большинства бывших союзных республик стал преобладать так называемый «многовекторный подход».

Не всегда согласуясь с национальными интересами, внешнеполитический вектор стал уводить предпочтения политического класса в сторону от центростремительного направления.

В Азербайджане, Казахстане появилась значительная часть истэблишмента, ориентированного на Турцию. О приоритете отношений с

---

¹⁴⁹ Дахин В.Н. Политические проблемы постсоветского пространства // Куда идет Россия?.. Социальная трансформация постсоветского пространства / под общ. ред. Т.И. Заславской. М. : Аспект-Пресс. 2006. С. 119.

Румынией заявила власть Молдовы. Европейский выбор глубоко расколол украинский социум.

«Недосуверенизация» сказала на внешнеполитических ориентирах центра, олицетворявшего прежнее единство - Российской Федерации. Следование «европейским путем» в начале нулевых не вызывало у политического класса России никаких сомнений. В официальной риторике прочно вошла традиция отсылки к социальному и политическому опыту Запада. Известна рекомендация В.В.Путина, высказанная в бундестаге Германии европейскому сообществу: «объединить собственные возможности с возможностями российскими, людскими, территориальными и природными ресурсами, с экономическим, культурным и оборонительным потенциалом России»¹⁵⁰.

Экономическая несостоятельность и депривация суверенитета постсоветских стран явились препятствием на пути когнитивного и практического поиска национально адаптивной стратегии общественного развития. Кроме того, вызванная этими обстоятельствами политическая дезориентация препятствовала формированию суверенной позиции в международных отношениях. Об этом красноречиво свидетельствует ответ В.В.Путина на вопрос издателя газеты Германии «Bild»: «Допустила ли Россия какие-то ошибки за 25 лет?» «Да, допустила, сказал Президент России. – Мы не заявили о своих национальных интересах, а нужно было делать это в самом начале. И тогда, может быть, мир был бы сбалансированным»¹⁵¹.

Поиск возможности выхода из сложной экономической ситуации и необходимость модернизации общественного хозяйства породили не всегда корреспондирующиеся с перспективой обретения суверенитета тенденцию интеграции с западным доминирующим мейнстримом, утверждающим

---

¹⁵⁰ Путин призвал страны Европы к «настоящему партнерству» // Newsru.com // В мире. 2001. 25 сентября.

¹⁵¹ <http://www.TV.ru/news/polit/299737>

универсальность собственного культурного опыта, «конец незападной истории», либеральную демократию в качестве «конечной формы человеческого правления»¹⁵². «Глобальная демократизация» по С. Хантингтону, стала ориентиром «демократического транзита» постсоветских политических режимов¹⁵³.

Критерием движения по пути политических реформ новые независимые государства добровольно приняли степень и глубину перенесения политических традиций, практик и институтов Запада на «неблагодатную» национальную почву. Например, лидер казахской нации Н.Назарбаев весной 2013 года на встрече с президентом Финляндии высказался вполне определенно: «сейчас констатируем, что Казахстан является в мире примером нормальных прав и свобод всех граждан, представляющих 130 этносов и народов, они имеют равные права, равные свободы, у нас 46 религиозных конфессий, и религиозные свободы обеспечены полностью в нашей стране. Конечная цель начатого демократического процесса – достижение «уровня демократии, который есть в Европе. Мы считаем, что демократия и свобода, которые есть на Западе, как в Финляндии, – для нас это конечная цель, а не начало пути. Мы идем по этому пути. Если образно выразиться словами философа, то наш стакан наполовину или три четверти полон, и мы должны его наполнить»¹⁵⁴.

Интеграция в «третью волну демократизации»¹⁵⁵ по западному стандарту стала основанием для проявлений внешнего управления, прикрываемого отсылкой на курирование за верностью демократическим идеалам. Так соглашение Азербайджана и России относительно предоставления последней «воздушного коридора» для ВКС,

---

¹⁵² Fukuyama F. The End of History // The National Interest. 16 (Summer 1989). P. 18.

¹⁵³ Huntington S. How Countries Democratize Political Science Quaterly. 1991-1992. Vol. 106. № 4; Schmitter Ph.C. Neo-Corporatism and the Consolidation of Neo-Democracy. Paper presented at "The Challenges of Theory Symposium" (Moscow, June 17-21, 1996); Schmitter Ph.C., Karl T.L. The Conceptual Travels of Transitologists and Consolidologists: How Far to the East Should They Attempt to Go? // Slavic Review. 1994. Vol. 53. № 1.

¹⁵⁴ Назарбаев о развитии демократии в Казахстане: Стакан наполовину полон // URL: <http://Kstnews.kz/news?node=5468>

¹⁵⁵ Хантингтон С. Третья волна. Демократизация в конце XX века. М. : РОССПЭН, 2003.

осуществлявших военные акции в Сирии, имело в качестве реакции США, чрезвычайные санкционные меры со стороны конгресса. По инициативе председателя Хельсинской комиссии Криса Смита на рассмотрение конгресса США был внесен законопроект «Акт по демократии в Азербайджане», в соответствии с которым предусматривается:

- запрет на въезд в США всех представителей политического руководства Азербайджана, включая всех членов семьи президента И.Алиева;

- замораживание всех межстрановых отношений и прекращение финансирования всех программ поддержки Азербайджана;

- приостановка азербайджанских проектов в международных организациях (ВОТ, МВФ, Всемирный банк, ЕБРР) и наднациональных институтах, подконтрольных США;

- замораживание всех материальных и финансовых активов Азербайджана, включая активы частных предпринимателей и финансовых институтов.

Учитывая, что санкции США неизбежно влекут за собой присоединение к ним Европейского Союза, последствия такой акции для Азербайджана нетрудно предсказать¹⁵⁶.

Негативная реакция на «демократический процесс» в Азербайджане имеет предисторию. Неприятие Вашингтона вызвал отказ президента Азербайджана поддержать антироссийские санкции Запада.

Во-вторых, экономическая «недосуверенизация» новых независимых государств, усиленная воплощением рекомендаций, контролируемых США международных институтов (прежде всего МВФ) усугублялась деиндустриализацией и в целом деградацией прежде сформированного хозяйственного базиса республик. Полное следование курсом, указанным западным диктатом, ориентировано на обращение бывших союзных республик в потребляющую периферию промышленности Запада.

---

¹⁵⁶ <https://maxpark.com/community/13/content/4963420>

В этом отношении показательны результаты следования экономическим курсом, начертанным западными «консультантами» прибалтийскими республиками. Если в советском народнохозяйственном комплексе Латвия занимала одно из ведущих мест (на долю сельского хозяйства и промышленности в 1990 году приходилось, соответственно, 21,9% и 34,6% валового продукта), то к 2008 году доля добавочной стоимости, создаваемой в аграрном секторе и промышленности республики сократилась в 4 раза и составила 3,1% и 10,9%, соответственно, а в 2012 году – 5,0% и 14,9%.

С 1994 года на протяжении 16 лет латвийский торговый баланс характеризовался пассивными значениями. Импорт к 2007 году достиг уровня, составлявшего 27,6% ВВП. В указанный период дефицит торгового баланса, негативно отражавшийся на финансовом положении республики, компенсировался западными инвестициями и кредитами, не оставившими даже надежды на суверенитет «независимой» Латвии¹⁵⁷. В результате в республике набирает обороты процесс банкротства и ликвидации национальных предприятий. Только в 2013 году ликвидировались 3949 предприятий, в 2014 году – 6171, а за 2015 год больше 7, 5 тысяч. Практически все собственники обанкротившихся предприятий – латвийские бизнесмены¹⁵⁸. Независимая родина стала непривлекательной для самих прибалтов. По данным ЕС удельный вес граждан, живущих за чертой бедности, в Латвии составляет 38%, в Литве 33%. За период существования в «европейской семье народов» Латвия потеряла 26% (696 тыс.чел.) населения, Литва – 18% (616 тыс.чел.)¹⁵⁹.

Негативные тенденции экономического развития, списанные на примере Прибалтики, характерны и другим новым независимым государствам. Так ВВП Молдовы в настоящее время составляет

---

¹⁵⁷<http://www.delfi.lv/reporter/news/witness/latvijaskaya-ekonomika-20-let-nezavisimosti.d?id=32264525>;
http://www.baltic-course.com/rus/_analytics/?doc=85558

¹⁵⁸<http://www.delfi.lv/biznes/bnews/v-2015-godu-antirekord-po-chislu-novyh-predpriyatij-v-latvii.d?id=4694614>

¹⁵⁹<http://stockinfofocus.ru/2015/03/13/korni-pribaltijskogo-prosvetaniya>

приблизительно 7 млрд. долл. США, а внешняя задолженность – 6 млрд. долл., что составляет 85,7% этого показателя. За годы независимого существования в Молдове произошла экономическая «модуляция» от качества индустриально-аграрного в аграрно-индустриальное» (см. табл. 6)

Таблица 7

Структура ВВП Молдовы¹⁶⁰

Отрасль	Доля отраслей в ВВП по годам, %	
	1989	2008
Сфера услуг	24,3	74,5
Сельское хозяйство	36,5	10,9
Промышленность	39,2	19

Выше отмеченная тенденция «суверенного» экономического развития Молдовы присуща не только неблагополучным республикам, но и посткоммунистическим странам, располагающим значительным ресурсным потенциалом. Так, указанный тренд вполне проявляется в экономике наиболее преуспевающей Республике Казахстан (см. табл. 7).

Таблица 8

Отраслевая структура ВВП Казахстана в 2006-2014 гг.¹⁶¹

Отрасль	Удельный вес отрасли по годам, %								
	2006	2007	2008	2009	2010	2011	2012	2013	2014
Обрабатывающая промышленность	11,7	11,5	11,8	10,9	11,3	11,4	11,3	10,8	10,3
Электроснабжение	1,8	1,7	1,7	1,8	1,8	2,0	2,0	2,0	1,6
Сельское хозяйство	5,5	5,7	5,3	6,2	4,5	5,0	4,1	4,5	4,2

¹⁶⁰ Цырдя Б. Молдова: Провинция Румынии и «щит» Европы от России // Убийство демократии: операции ЦРУ и Пентагона в постсоветский период. Сборник статей международного авторского коллектива / пер. с англ. А. Верченкова; пер. с исп. Т. Владимирской. М. : АНО «Институт внешнеполитических исследований и инициатив», Кучково поле, 2014. С. 171.

¹⁶¹ http://www.kdb.kz/ru/analytics/macroeconomic_indicators/gnp/structure/dynamics_g

Горнодобывающая промышленность	16,1	15,1	18,7	17,9	19,5	18,2	17,2	16,5	15,7
Торговля	11,4	12,4	12,3	12,1	13,0	13,8	14,8	15,6	16,2
Строительство	9,8	9,4	8,1	7,9	7,7	6,3	6,3	5,9	6,1
Транспорт и связь	11,5	11,5	11,0	11,0	11,1	9,6	9,7	9,9	10,4
Прочие услуги	32,2	32,7	31,1	32,2	30,8	33,7	34,6	34,8	35,5

Доля сельского хозяйства и промышленности в ВВП Казахстана приобрела устойчивую динамику к сокращению.

Следование «демократическим» курсом, указанным Западом, чревато и еще одним последствием. Используя не всегда легальные средства, капитал стран «золотого миллиарда» активно «приобретает к рукам» наиболее ценные активы новых независимых государств. Показательна в этой связи ситуация, сложившаяся вокруг приватизации одного из наиболее состоятельных предприятий Литвы – нефтеперерабатывающего завода «Мажейко нафта». Свои претензии на приватизацию НПЗ заявила американская компания *Williams*. В результате приватизационной сделки литовский бюджет не только не получил ни одного цента, но вынужден был выделить определенную сумму.

По решению ЕС была запрещена деятельность Игналинской АЭС (2011 г.). Однако после формального закрытия атомной станции объявился японский концерн *Hitachi-GE Nuclear Energy* с планами строительства другой станции, аналогичной фукусимской. Население республики на референдуме отклонило планы строительства японского энергетического предприятия.

В 2013 г. концерн *Chevron* объявил о планах разведывательных работ для добычи в Литве сланцевого газа. Правящая верхушка страны для придания планам *Chevron* легального характера устроила пиар-акцию в одном из туристических комплексов, на которую были приглашены представители общественности. Однако, после того, как общественники

отказались поддержать инициативу по станции, представитель проекта Т.Хаселтон обругал их нецензурной бранью¹⁶².

Не менее курьезные случаи, связанные со «сливом» активов, характерны и российской действительности. Например, бурный протест общественности вызвала кампания по приватизации американско-финским концерном предприятия «Вологодское масло». За десять предшествующих «приватизации» лет в переоснащение «Вологодского масла» было инвестировано 3 млрд руб. Каждый год из полученного дохода предприятие выплачивало в бюджет налогов на сумму около 100 млн. руб. и получало чистой прибыли более 30 млн руб. По планам приватизации маслозавода в бюджет должно было поступить 973 млн. руб., что по нынешнему курсу рубля ничтожная сумма – 16,2 млн. долл. США¹⁶³.

В целом, доминирование на постсоветском пространстве западных финансовых институтов ставит под сомнение осуществление стратегии общественного развития, ориентированного на национальные интересы. Даже либерально настроенные эксперты понимают, что санкционная компания против России направлена, прежде всего, на инициирование недовольства населения политикой Президента В.В.Путина.

Согласно оценке академика С.Ю.Глазьева господствующее положение на российском финансовом рынке иностранных спекулянтов препятствует осуществлению монетарной политики, направленной на технологическую модернизацию России. Абсолютизация макроэкономических показателей и высокая ключевая ставка, превышающая уровень рентабельности в реальном секторе экономики, рекомендуемые Центробанком МВФ, полностью блокируют, по мнению академика, развитие экономики страны. «При наличии открытого рынка и открытого счета – движения капитала, – пишет С.Ю. Глазьев, – попытки управлять нашей денежной политикой при помощи

---

¹⁶² Муксинов Р. Литва: вместо процветания и демократии – исход населения и секретные тюрьмы ЦРУ // Убийство демократии: операции ЦРУ и Пентагона в постсоветский период. Сборник статей международного авторского коллектива / пер. с англ. А. Верченкова; пер. с исп. Т. Владимирской. М. : АНО «Институт внешнеполитических исследований и инициатив», Кучково поле, 2014. С. 102-103.

¹⁶³ России покажут кукиш с маслом // Московский комсомолец. 2016. 5-11 февраля.

процентной ставки не имеют никакого смысла и лишь демонстрируют недееспособность наших денежных властей, которые полностью потеряли управление макроэкономической сферой и кредитом, денежными потоками и курсом рубля»¹⁶⁴.

В-третьих, политически ангажированная процедура приватизации общенародной собственности, имеющая единственную цель – «вбить гвоздь в гроб социализма» (А.Чубайс), не принесла ожидаемых результатов. Ее итогом стала не цивилизованная рыночная экономика, а социальный разлом, агрегирующий богатство на одном небольшом полюсе и бедность значительного большинства населения. Социальное и имущественное неравенство, по оценке большинства обществоведов, является главным препятствием на пути демократического транзита постсоветских политических режимов¹⁶⁵.

Нижеприведенные данные, характеризующие децильный коэффициент, показывают уровень напряженности в социумах и их конфликтный потенциал.

Таблица 9

Децильный коэффициент стран СНГ

*(соотношение 10% богатого населения, 10% – бедного)*¹⁶⁶

Страна	По годам		
	2007	2008	2009
Россия	16,8	16,8	16,7
Казахстан	7,2	6,2	5,3
Белоруссия	5,9	5,9	5,6

¹⁶⁴ Глазьев С.Ю. О неотложных мерах по выводу российской экономики на территорию опережающего развития // Свободная мысль. 2015. № 6. С. 12.

¹⁶⁵ Ковалев В.А. Пессимизм интеллекта – оптимизм воли (об отношении интеллектуалов-патриотов к упущенным шансам и возможным перспективам демократии в России) // URL: <http://politanaliz.ru>art,cles523html>

¹⁶⁶ Отчет о научно-исследовательской работе. Анализ сопоставимости статистических характеристик стратегического развития государств – участников СНГ // URL: <http://1aya.ru/paper/art-208892.php>

Армения	10,1	9,0	9,4
Азербайджан	-	2,2	3,0
Киргизия	16,1	9,9	11,1
Молдавия	10,1	12,2	11,8
Украина	6,1	6,1	6,1

Приватизация природной ренты и бюджетных средств стала главным источником роста богатства олигархата постсоветских стран.

«Сегодня, – пишет советник президента России С.Ю. Глазьев¹⁶⁷, – противоречия между интересами народа и властвующей элитой потенциально антагонистические. Их приглушение за счет перераспределения природной ренты более не работает в силу как сокращения последней, так и действующей налоговой системы. Ее основная тяжесть приходится на труд (создаваемую им стоимость), в то время сверхприбыли от спекуляций, эксплуатации природных ресурсов, статусной ренты практически уводятся из-под налогообложения. Главной тягловой силой российского государства остается трудящееся население, степень эксплуатации которого в 2-3 раза превышает существующий в странах Запада уровень (рассчитываемый как объем производимой продукции на единицу заработной платы) и на него же приходится основная тяжесть налогообложения».

Аналогичные мысли высказывал и академик Д.Л. Львов¹⁶⁸.

Нераздельность собственности и власти, отчужденность большинства населения от национального богатства, обращение административного ресурса в накопление собственного капитала, определили низкую социализацию политического класса страны, обернувшуюся дефицитом легитимности и явление особого постсоветского феномена (по Дискину)

¹⁶⁷ Глазьев С.Ю. Экономика развития. М. : Экзамен, 2002. С. 156-160.

¹⁶⁸ Львов Д. Смерть достаточно близка, чтобы не страшиться жизни // Обозреватель-Observer. 2002. № 7-8. С. 8-14.

«институциональной», (по М.М.Мусину) «управленческой», (по С.Ю.Глазьеву) «статусной» ренты. По определению М.М. Мусина управленческая рента есть «совокупный доход управленцев за вычетом официально декларируемого вознаграждения»¹⁶⁹. Управленческая рента явилась материальной основой формирования особой социальной группы – статократии, в руках которой институты управления приобрели свойство инструмента обогащения или по М.М.Мусину «средства производства»¹⁷⁰.

На уровне экспертного сообщества культивируется мнение о том, что коррупция, легко устранимый посредством контроля и совершенствования законодательства, порок. Однако такой взгляд не соответствует глубине и сложности этого явления. «Подчеркивание и искусственное раздувание проблемы коррупции, - пишет М.М.Мусин, - выполняют идеологическую функцию: они смещают внимание общества с целостной проблемы институтов (под институтами понимаются устойчивые нормы и правила поведения людей, их традиции и представления) как источника все более возрастающей в своем объеме управленческой ренты на ее экстремальное и достаточно частное проявление – коррупцию, реализуемую чаще всего в форме дачи взятки»¹⁷¹.

Будирование компанейщины, в том числе имитирующей борьбу с коррупцией, всегда создает возможность расширения «управленческой сферы», а, значит, потенциал взимания управленческой ренты.

Исследования политологов показывают, что независимо от особенностей «режимного дизайна» и культурных традиций интересы статократии позиционируются вне пределов демократического процесса¹⁷². кроме того, статократия, как правило, обретает некоторую самодостаточность, обеспечивающую автономность от

---

¹⁶⁹ Мусин М.М. Бизнес в стиле распил. Куда уходят богатства Родины. Хищения, легализация, однодневки, обналчка (серия «АнтиКОРРУПЦИЯ»). М. : Книжный мир, 2012. С. 37.

¹⁷⁰ Мусин М.М. Бизнес в стиле распил. Куда уходят богатства Родины. Хищения, легализация, однодневки, обналчка (серия «АнтиКОРРУПЦИЯ»). М. : Книжный мир, 2012. С. 37-38.

¹⁷¹ Там же. С. 38-39.

¹⁷² См. например, Харитонова О.Г. Президентство и демократия: состояние дискуссии // Политическая наука. 2012. № 3. С. 199-2013.

персонифицированной власти главы государства и низкую транспарентность в отношении общественного контроля. Понимание опасности, исходящей от консолидированных интересов элитных сообществ, определило выработку системы мер по предотвращению доминирования кланов в Казахстане¹⁷³.

Являясь порождением постсоветских режимов, статократия, тем не менее не представляет собой их опору и в условиях сокращения потоков ренты, связанного, например, с понижением цены на нефть или девальвацией национальной валюты, способна к контрдействиям, ослабляющим их.

Вынужденная (в силу слабости режима) опора на элитные сообщества первых шагов суверенизации и необходимость «делиться» контролем над финансовыми потоками и природной рентой привела в настоящее время к репродуцированию практически повсеместно на постсоветском пространстве почти забытого явления кланов. Причем, если раньше о клановости говорили исключительно привязывая ее к пережиткам республик Средней Азии и Казахстана, то сегодня этот социальный анахронизм стал таким же обычным для российской действительности. Клановость утратила родоплеменные характеристики и приобрела содержание, связанное с интеграцией элитных групп вокруг иерархии, контролируемой или учреждаемой центрами дистрибуции¹⁷⁴.

Примером приватизации финансовых ресурсов конкретной группой бизнес интересов в современной России может служить так называемый «закон Ротенбергов» и принятие системы «Платон»¹⁷⁵.

Мировой системный кризис в значительной степени сократил жизнеспособность имплементированной в первый период независимости редистрибутивной системы взаимоотношений власти с элитой, увеличив конфликтный потенциал и частоту акций, связанных с перераспределением ренты.

---

¹⁷³ Агаев Г.Ш., Егоров В.Г. Механизмы купирования последствий политической конкуренции элит // Обозреватель-Observer. 2014. № 3. С. 29-40.

¹⁷⁴ Агаев Г.Ш. Внутриэтническая конкуренция и латентные сообщества в политическом процессе Казахстана : дисс. ... канд. полит. наук. М., 2015.

¹⁷⁵ Снегова М. Почему Россия не Сирия // Ведомости. 2016. № 4012. 10 февраля.

Например, после смерти Туркменбаши в стране резко обострилась борьба клановых сообществ за перераспределение доходов от углеводородов. На сегодня лишь пятая часть поступлений от их продажи направляется непосредственно в бюджет. Большая часть валютных поступлений от нефтегазового экспорта контролируется узким кругом ближайших соратников и родственников Г. Бердымухамедова¹⁷⁶.

Противоборство «сильных мира сего» явилось главной причиной неконституционного переворота в Украине 2014 года. В интервью на телевидении в марте этого года бывший руководитель СБУ генерал-майор А. Якименко указал: «Как Порошенко, так и Фирташ, и Пинчук финансировали Майдан. Они заложники данной ситуации, потому что весь бизнес, все их активы расположены за рубежом. И они выполняли команды Запада. Им не оставалось ничего другого, как поддержать Майдан, так как в противном случае они бы остались без своих активов. В данном случае они не думали о стране. Они думали о своих финансах»¹⁷⁷.

По данным мониторинга *Heritage Foundation* и *The Wall Street Journal* (США), с конца 2015 года олигархи Украины продолжают, как и при В. Януковиче, обогащаться благодаря непосредственной «смычке» с властными структурами¹⁷⁸. Именно этот аргумент выдвинул М.Саакашвили, объясняя свой уход с должности губернатора Одесской области.

Согласно социологическому исследованию, проведенному фондом «Демократическая инициатива» в 2015 году, более 70% граждан Украины считают основной причиной кризиса в стране «коррупционность власти»¹⁷⁹.

---

¹⁷⁶ Грозин А.В. Туркменистан: элита, текущая ситуация и перспективы. М. : Институт стран СНГ, 2013. С. 14.

¹⁷⁷ Попов Е. Экс-глава СБУ назвал тех, кто получил прибыль от бойни на Майдане // URL: <http://vesti.ru/doc.html?id=1368925>

¹⁷⁸ Репрессированная экономика // URL: <http://minfin.com.ua/2016/02/01/14372777>

¹⁷⁹ Кого украинцы винят в экономическом кризисе (опрос) // Finance UA // URL: <http://news.finance.ua/ru/news/-/358365/kogo-ukraintsy-vinyat-v-ekonomicheskom-krizise-opros>

Переворот на Украине хорошо иллюстрирует негативную роль элитных сообществ, способных на неконвенциональные действия в условиях, связанных с перераспределением ренты, включая апелляцию к акциям массовых протестных выступлений и даже вооруженных столкновений, направленных на деконструкцию, не обеспечивающего прежнее пополнение дохода, режима. С другой стороны, очевидность опасности, связанной с реализацией элитных амбиций, заставляет власть «разворачиваться» в сторону социализации.

Однако, зачастую дефицит легитимности власть пытается восполнить «коротким путем» внедрения доступных политтехнологий, интегрирующих социум вокруг желательной повестки, сглаживающей остроту действительных социальных проблем. Например, зачастую актуальная повестка подменяется критикой советского прошлого или «новым прочтением истории».

Так, на мероприятии подъема знамени Тюркского совета, в который входят Азербайджан, Казахстан, Турция и Киргизия, глава Казахстана Н.Назарбаев отметил: «Мы живем на родине всего тюркского народа. После того как в 1861 году был убит последний казахский хан, мы были колонией Российского царства, затем Советского Союза»¹⁸⁰.

Современные проблемы и неурядицы большинство постсоветских режимов относят на последствия «тоталитарного советского прошлого». На торжественном заседании в честь независимости республики бывший президент Узбекистана И. Каримов сказал: «Во времена бывшего тоталитарного режима кто в мире знал, что есть такая прекрасная страна, как Узбекистан, такая нация, как благородный узбекский народ?» Узбекский лидер не забыл упомянуть об «унижениях» и «обидах», о попрании «национальных чувств» и «обычаев» народа Узбекистана, напомнил, что в последние дни существования Советского Союза Узбекистан испытывал проблемы со снабжением мукой, которой оставалось только на одну неделю

---

¹⁸⁰ В Турции Назарбаев предложил объединить 200 млн тюрков // Казахстанформ. 2012. 13 октября.

и фактически находился на грани голода. В заключение И.Каримов обвинил «Центр» в превращении Узбекистана в сырьевой «придаток», в аграрную окраину хлопкового сырья¹⁸¹.

Другим «удобным» технологическим приемом стало обращение к национальному самосознанию населения. Национальная мобилизация в России обернулась регенерацией «имперских настроений», «войной» против мигрантов, а в бывших союзных республиках – имплементацией национальных государств, основанных на доминации титульных наций. Формирование независимой государственности на основе национальной мобилизации обусловило депривацию элементарных демократических норм, прав и свобод граждан.

Помимо нарушения прав граждан и утраты большинством представителей нетитульной нации прежнего социального статуса национальная мобилизация повсеместно вызвала отток русскоязычного населения, усугубивший и без того сложное положение многих отраслей экономики¹⁸².

Все же сыгравшая роль консолидирующего фактора на начальном этапе суверенизации коренизация социальной политики в настоящее время утрачивает актуальность. В значительной мере депривация национального фактора, как метода сплочения социума, связана с активным оттоком представителей не коренной национальности, являвшихся «разменной монетой» в прививке общественному сознанию опасности сепаратизма и ущерба обретенной независимости. Кроме того, буддирование национального вопроса, как показал опыт Украины, чревато конфликтами, особенно в приграничных территориях, таких как казахстанско-узбекские, киргизско-узбекские и т.д.

---

¹⁸¹ *Исман Каримов* о СССР и тоталитарном режиме // URL: <http://www.uznews.net/ru/politics/27431-islam-karimov-o-sssr-i-totalitarnom-rezhime>

¹⁸² *Мониторинг* миграционных настроений соотечественников, проживающих за рубежом. М. : МИД России, 2012.

Неурегулированность национальной проблемы лишает политическое руководство республик имиджевых оснований в продвижении декларируемого курса на демократизацию общества.

Однако, справедливости ради, следует заметить, что перемещение национального вопроса на периферию политической повестки связано главным образом с нарастающим в постсоветских социумах имущественным и социальным неравенством. Трансформация общественных отношений в формате либерально-демократической модели принесла блага узкому кругу граждан, лишив большинство даже тех гарантий, которые были обеспечены в советское время. На фоне кризиса этой модели, собственно в странах «бенефициарах», такое положение дел является, безусловно, дестабилизирующим социальную обстановку в новых независимых государствах. Большинство граждан постсоветских стран не связывают свою жизненную стратегию с западным культурным опытом.

Общая деидеологизация политических режимов ННГ, облакаемая отсылкой на мировой опыт демократизации, поддерживаемой исключительно элитными сообществами, ставшими собственниками основных ресурсов, связанных с финансовыми потоками и природной рентой, вступает в конфликт с общественными интересами и противоречит консолидации социумов, что, особенно в условиях мирового кризиса, способно привести к политической дестабилизации.

Курс либерализации и «западный» выбор все больше вступает в противоречие с интересами большинства населения и ведет к делигитимизации постсоветских политических режимов.

Наиболее опытные политики из руководства бывших союзных республик вполне осознают необходимость формирования «незападной» национальной идентичности и выработки стратегии общественного развития, способной консолидировать социум. Первым о необходимости определения национально адаптированного целеполагания заявил лидер Казахстана Нурсултан Назарбаев в своей статье «Социальная модернизация Казахстана:

Двадцать шагов к Обществу Всеобщего Труда». Общество, основанное на всеобщем потреблении, - заметил он, - не может служить социально привлекательным образцом. Эта модель общественного развития показала свою порочность. Современный тренд движения вперед должен быть направлен в сторону «к обществу всеобщего труда». «Поэтому выработка стимулов к честному труду, создание системы общественного поощрения трудовых достижений – один из краеугольных вопросов социальной модернизации в Казахстане. Об этом мне не раз говорили при встречах казахстанцы», – отметил глава Казахстана¹⁸³.

О необходимости формирования российской идентичности сказал на заседании Валдайского дискуссионного Клуба в 2013 г. Президент России В.В.Путин. «Для россиян, – сказал он, – для России вопросы "Кто мы?", "Кем мы хотим быть?" звучат в нашем обществе все громче и громче. Мы ушли от советской идеологии, вернуть ее невозможно. Приверженцы фундаментального консерватизма, идеализирующие Россию до 1917 года, похоже, так же далеки от реальности, как и сторонники западного ультралиберализма. Очевидно, что наше движение вперед невозможно без духовного, культурного, национального самоопределения, иначе мы не сможем противостоять внешним и внутренним вызовам, не сможем добиться успеха в условиях глобальной конкуренции. А сегодня мы видим новый виток такой конкуренции...

После 1991 года была иллюзия, что новая национальная идеология, идеология развития, родится как бы сама по себе...

Кроме того, отсутствие национальной идеи, основанной на национальной идентичности, было выгодно той квазиколониальной части элиты, которая предпочитала воровать и выводить капиталы и не связывала свое будущее со страной, где эти капиталы зарабатывались. Практика показала, что новая национальная идея не рождается и не развивается по

---

¹⁸³ Назарбаев Н.А. Социальная модернизация Казахстана: Двадцать шагов к Обществу Всеобщего Труда // URL: <http://newskaz.ru/society/20120710/3482268.html>

рыночным правилам. Самоустранение государства, общества не сработало, так же как и механическое копирование чужого опыта. Такие грубые заимствования, попытки извне цивилизовать Россию не были приняты абсолютным большинством нашего народа, потому что стремление к самостоятельности, к духовному, идеологическому, внешнеполитическому суверенитету – неотъемлемая часть нашего национального характера. К слову сказать, не срабатывает такой подход и во многих других странах. Прошло то время, когда готовые модели жизнеустройства можно было устанавливать в другом государстве просто, как компьютерную программу»¹⁸⁴.

Думается, что обозначение в 2016 году в качестве социального ориентира идеи патриотизма, без ясности цели стратегии, поступательного движения вперед вряд ли способно решить задачу складывания долговременного консенсуса общества и власти и стать опорой для укрепления режима. Видимо, осознавая это, В.Путин заметил: «Это связано с объединяющим началом – если мы хотим жить лучше, то нужно, чтобы страна была более привлекательной для всех граждан»¹⁸⁵.

Таким образом, «демократический транзит» как императив определения стратегии трансформации постсоветских политических режимов может состояться только на основе культурно адаптированного курса, учитывающего особенности исторического развития новых независимых государств. Механизм функционирования постсоветских режимов, стержневым элементом которого являлся консенсус власти и элитных сообществ, исчерпал свой конструктивный ресурс и нуждается в серьезной коррекции. Так же, как деактуализировались технологии, поддерживающие единство общества в первый период независимости. Национальная мобилизация, критика «колониального прошлого» больше не оказывают прежнего консолидирующего влияния.

---

¹⁸⁴ *Выступление* Владимира Путина на заседании клуба «Валдай» // URL: <http://www.rg.ru/2013/09/19/stenogramma-site.html>

¹⁸⁵ *Там же.*

Рост противоречий, связанных с системным кризисом западной цивилизации, и нарастание социальных проблем внутри постсоветских социумов, обусловленных социальным и имущественным неравенством, значительно ослабляют потенциал стабильности действующих политических режимов и актуализируют когнитивный и практический поиск стратегии достижения демократической перспективы. Безусловно, содержание этой стратегии должно позиционироваться в направлении социализации и целеполагания, отвечающего национальным интересам.

2.2. Адекватность либеральной демократии постсоветской политической модернизации

Нестабильность постсоветских политических режимов, обусловленная, прежде всего, отсутствием прочного материального основания, предполагает, во-первых, подверженность внешнему влиянию и, во-вторых, стремление предотвратить постоянно возникающую ситуацию вирулентности.

Однако потенциал воспроизводства режимов в прежнем статичном качестве весьма ограничен. Помимо политических технологий, дающих возможность временной консолидации постсоветских социумов (нациостроительство, будирование религиозного чувства др.), дополнительным средством поддержания устойчивости являются периодически возникающие внешнеполитические акции, отвлекающие население от назревших острых социальных проблем.

Так, для Азербайджана и Армении эпицентром внимания общественности и предметом политических манипуляций стал конфликт в Нагорном Карабахе, для Молдавии – Приднестровье, для Казахстана – буддируемая тема «китайской угрозы», для Таджикистана, Узбекистана и Туркмении – «опасность» продвижения исламского радикализма.

Однако как показала практика, ориентация на внешнеполитическую конъюнктуру в определении методов достижения стабильности не дает не только долгосрочного результата, но не приносит нужного эффекта даже в относительно близкой перспективе.

Так постепенный спад общественного одобрения российской власти, связанного с «крымской весной», отмечают политологи¹⁸⁶.

Очевидно, что долговременный потенциал стабильности режимов лежит в пределах эндогенного развития постсоветских обществ. При этом их трансформация с целеполаганием на «универсальную» западную модель демократии, несмотря на официальное декларирование, оказывается не адекватным. Попытки же объяснить низкую «укоренность» либеральной демократии в постсоветских странах национальной спецификой, пролонгирующей ее имплементацию, препятствуют актуализации стратегий, релевантных общественному развитию.

«Можно уверенно сказать, – пишет в диссертации Ш.Р. Ахмадов, – что в условиях демократического общества, как в странах СНГ, так и в Таджикистане, формируются твердые социально-политические предпосылки становления и развития демократического режима (имеется в виду порядок западного образца. – *Авт.*). Более того, исследуя теоретические проблемы особенностей становления демократического развития вообще и в Таджикистане в частности, можно заключить, что возникновение и становление демократического режима является закономерным процессом, для которого прежде всего необходимы прочные экономические, политические, социальные и духовно-идеологические предпосылки»¹⁸⁷.

Политологи из бывших союзных республик, как правило, строят логику анализа режимных трансформаций в рамках «непреодолимых» границ западной модели либеральной демократии.

---

¹⁸⁶ Яковлев А.А. Смысл и назначение воинственности // Россия в глобальной политике. 2015. Т. 13. № 6. С. 12-128, 133.

¹⁸⁷ Ахмадов Ш.Р. Демократический режим: специфики становления и развития : дисс. ... канд. полит. наук. Душанбе, 2011. С. 7.

Так, исследователь из Киргизии в сочинении, посвященном особенностям демократического «транзита» своей страны, пишет: «Кыргызстан и Казахстан по праву считаются наиболее демократическими странами в Центральной Азии, о чем свидетельствуют радикальные реформы в пользу демократизации общественной жизни страны, а также заявления зарубежных экспертов, политологов, государственных и общественных деятелей. Однако даже в Кыргызской Республике демократические завоевания пока не гарантированы от возвратных тенденций, так как глубина экономического кризиса и ряд внешних угроз оставляют возможности для введения экстренных жестких мер государственного управления»¹⁸⁸.

И только отдельные исследователи, описывая причины деструктивных результатов политического реформирования своих стран, задаются резонным вопросом: «Что мы собираемся строить и продолжаем строить сейчас? Демократию, которую мы провозгласили в Конституции? Логично задать вопрос: какую? Если мы знаем, что строим и с какой целью, то с необходимостью встает вопрос о том, кто должен строить эту самую демократию? На кого ложится историческая ответственность за содеянное? Третий судьбоносный вопрос, разворачивающий еще одну немаловажную причину наших катаклизмов сводится к вопросу: как?»¹⁸⁹.

Внимание исследователя в логике предыдущего посыла привлек другой вопрос: «Возможно ли построение либеральной демократии в суверенной Киргизии?»¹⁹⁰

Необходимо заметить, что мысль С. Хантингтона о проявлении глобализации демократического «транзита» в постсоветской политической реальности обернулась в действительности эффективным политтехнологическим инструментом. На переходное к западной демократии состояние относятся и продолжают относиться просчеты и промахи

---

¹⁸⁸ Садыркулов М.Ч. Особенности процесса политической демократизации в Кыргызстане : дисс. ... канд. полит. наук. Алматы, 2009. С. 5.

¹⁸⁹ Урманбетова Ш. Демократия в Кыргызстане «споткнулась» о национальную культуру // URL: <http://www.paruskg.info/2013/06/15/81719>

¹⁹⁰ Там же.

реформирования. Феномен «переходности» прочно укоренился в общественно-политическом дискурсе постсоветских государств. Положение недемократии или не полной демократии устраивает и те политические круги западного политического «класса», который инициирует их вектор развития по воспроизводству культурного опыта запада. Признать неадекватность демократического транзита (в соответствии с западной «лекалой»), значило бы развернуть когнитивный и практический поиск пути развития общества в русло национального культурного контекста. Кстати заметить, ориентация оппозиции действующим политическим режимам новых независимых государств на западный опыт демократии препятствует ее социализации и росту влияния. Так, общественное движение за демократию Азербайджана «Общественная палата» (ГДДОП)* выработала и предала публичной огласке в мае 2011 года «Дорожную карту перехода к демократии», в которой было декларировано: «Мы наметили меры, реализация которых позволила бы превратить Азербайджан в современное демократическое государство, пользующееся поддержкой как собственных граждан, так и международной общественности»¹⁹¹.

Ответной реакцией власти на опубликованный документ стало заявление заведующего общественно-политическим отделом администрации Президента Азербайджана Али Гасанова. Комментируя разработку ГДДОП «Дорожной карты», А.Гасанов заметил, что власти могут выстраивать диалог с «нормальной конструктивной частью общества», и выразил сомнения «в какой-либо пользе "Дорожной карты" и называющей себя "палатой" структуры с неясными целями и не имеющей социальной базы. Поэтому на них не стоит тратить времени»¹⁹².

---

* ГДДОП было учреждено в конце 2010 г. бывшими кандидатами в депутаты, несогласными с официально объявленными результатами парламентских выборов 7 ноября, как представительный орган, предлагающий альтернативные пути решения проблем.

¹⁹¹ В Азербайджане оппозиция разработала «Дорожную карту» перехода к демократии // URL: <http://www.kavkaz-uzel.ru/articles/186354>

¹⁹² Там же.

Многие политики и политологи искренне считают, что либеральная демократия является единственно возможным путем целеполагания общественного развития, позволяющим интегрировать в сферу публичной политики, допустить к принятию значимых решений если не всех граждан, то по крайней мере большинство¹⁹³. Вместе с тем обществоведы почти полностью единодушны в том, что ее формирование связано с протяженным процессом развития партикулярной культуры. Конкретно-исторические условия и практики способствовали становлению институтов, оказавших фундаментальное влияние на общественный процесс.

Исследуя условия генезиса и развития западной цивилизации, Н. Фергюсон выделяет шесть сформировавшихся системообразующих институтов, обусловивших «подлинный уровень культуры»:

1. *«Конкуренция.* Децентрализация политической и экономической жизни, явившаяся трамплином для национальных государств и для капитализма.

2. *Наука.* Способ познания, объяснения и преобразования природы, давший Западу, кроме прочего, подавляющее военное преимущество перед миром.

3. *Имущественные права.* Верховенство права как способ защиты собственников и мирного разрешения имущественных споров, легшее в основу наиболее устойчивой формы представительного правления.

4. *Медицина.* Область научной и практической деятельности, положительно повлиявшая на качество и продолжительность жизни сначала в западных странах, а затем в их колониальных владениях.

5. *Общество потребления.* Образ жизни, при котором производство, продажа и покупка потребительских товаров (одежда и так далее) играют в экономических процессах центральную роль.

---

¹⁹³ Лебедева Т.П. Либеральная демократия как ориентир для постсоветских преобразований // Полис. 2004. № 2.

Без общества потребления промышленная революция была бы невозможна.

б. Трудовая этика. Нравственная концепция и образ действия, возникшие отчасти в протестантизме, связывающем динамичное, потенциально нестабильное общество, созданное с помощью "приложений"»¹⁹⁴.

Иные социетальные основания фундировали институционализацию социального процесса на территориях, обозначаемых сегодня постсоветским пространством. Значимым институтом, препятствующим конкуренции в досоветский период у народов объединяемых Российской империей, была патриархальная (кровно-родственная) или территориально-соседская (поземельная-«мир») община¹⁹⁵, воспроизводящая эгалитарный порядок как средство сохранения традиционного социума¹⁹⁶.

Согласно исследованиям американского историка Л. Холмса, община оставалась определяющим институтом общественного устройства сельского населения даже после установления власти большевиков. Больше того: «Сельская Россия стала одной гигантской общиной»¹⁹⁷ после утверждения советской власти.

Институт частной собственности, о котором говорит Н.Фергюссон, в условиях общинного порядка имел вторичное значение. Община, являвшаяся гарантом жизненного цикла, в том числе в экстремальной ситуации, в которой могла оказаться любая семья мирян, играла более весомую роль, чем небольшая частная собственность общинника, заключенная в личном подворье и незатейливой домашней утвари.

Характеризуя общинное владение имуществом, К. Маркс писал, что ему свойственен «врожденный дуализм»: «к частной собственности (на

---

¹⁹⁴ Фергюссон Н. Цивилизация: чем Запад отличается от остального мира. М. : АСТ, 2014. С. 44-45.

¹⁹⁵ Шутов А.Ю., Топычканов А.В., Шокарев С.Ю. Земская идея в истории социально-политической мысли России: Антология. Т. 1-2. М. : Изд-во МГУ, 2014.

¹⁹⁶ Зырянов П.Н. Крестьянская община Европейской России 1907-1914 гг. М. : Наука, 1992.

¹⁹⁷ Холмс Л. Социальная история России. 1917-1941 гг. Р. на/Д. : Изд-во Ростовского университета, 1994. С. 53.

средства производства, продукты труда, дом, приусадебный участок) и к "общинной собственности на землю" (пашню, пастбищные и лесные угодья), который "допускает альтернативу: либо собственническое начало одержит в ней верх над началом коллективным, либо же последнее одержит верх над первым"». Разрешение противоборства двух альтернативных путей развития, по мнению К. Маркса, зависело от «исторической среды»¹⁹⁸.

Описание «исторической среды» социума, зависящего от орошения земель, представил академик Е. Варга в статье, опубликованной в журнале «Большевик» в 1928 году и репринтно воспроизведенной с комментариями в современном издании «Свободная мысль»¹⁹⁹. В частности, Е. Варга отметил, что потребность общественного управления водными ресурсами для рисовых чеков обусловила в Китае становление коллективистских начал. Очевидно, что историческая экстраполяция этого положения ученого на российскую досоветскую действительность имеет под собой вполне резонное основание. Естественные условия России и других стран, интегрированных в ее состав, в меньшей степени способствовали воспроизводству общинного строя, который продуцировал не конкуренцию, а коллективизм и сотрудничество.

Отмечая эту особенность российской реальности, К. Маркс, имея в виду «историческое положение» русской «сельской общины», которое «не имеет себе подобных», писал об особом направлении развития общества, базирующемся на коллективном производстве²⁰⁰. При этом Ф. Энгельс, не питавший пиетета к русской общине и российской действительности, утверждал, что сохранение общинного строя возможно «лишь до тех пор, пока имущественные различия между ее членами ничтожны» и что «капитализм открывает новые перспективы и новые надежды»²⁰¹. Сказанное Ф. Энгельсом красноречиво свидетельствует о особенности российского

---

¹⁹⁸ Маркс К. Письмо Вере Засулич 8 марта 1881 г. // Маркс К., Энгельс Ф. Избр. соч. : в 9 т. М. : Политиздат, 1987. Т. 6. С.71-72, 76, 79-80.

¹⁹⁹ Варга Е. Основные проблемы китайской революции // Свободная мысль. 2015. № 6. С. 185.

²⁰⁰ Маркс К. Письмо Вере Засулич 8 марта 1881 г. // Маркс К., Энгельс Ф. Избр. соч. : в 9 т. М. : Политиздат, 1987. Т. 6. С.59, 61.

²⁰¹ Энгельс Ф. Европейские рабочие в 1877 году // Маркс К., Энгельс Ф. Собр. соч. : в 50 т. Т. 19. С. 130.

этоса, в основании которого, в отличие от общества с установившимся капиталистическим порядком, не лежат приоритеты соперничества и конкуренции.

Народы, проживающие на постсоветском пространстве, и сегодня не являются сторонниками конкуренции в любом ее виде.

По материалам Левада-Центра, опубликованным Русской службой BBC 17 февраля 2016 года, 52% участников национального опроса граждан в России высказались за плановое хозяйство. О том, что такой результат опроса не отражает приверженность советскому прошлому, говорит тот факт, что собственно советскую общественную систему одобрили лишь 37% респондентов. «Плановое» предпочтение россиян видимо отражает нежелание соперничать за рабочие места, желание свободного доступа к социальным благам, стремление к стабильности, составляющей антиномию конкуренции²⁰². Неприятие электоральной конкуренции западного типа, обеспечивающей возможность принятия основополагающих решений лицам, группам и корпорациям, обладающим материальным эквивалентом социальной силы, характеризует тот факт, что чуть более десяти процентов российских граждан высказались за западную модель демократии (в два раза меньше, чем 20 лет назад)²⁰³.

Символично, что публикация результатов социологического опроса Левады-Центра совпало с обнародованием на том же электронном ресурсе новости о том, что фонд *Heritage Foundation* снизил рейтинг экономической свободы (конкуренции) России на 10 позиций²⁰⁴.

В Белоруссии политические соображения прежде всего открытие европейского направления сотрудничества и доступ к финансовым рынкам

---

²⁰² «Пятый этап»: мечтают ли россияне о плановой экономике? // URL: http://www.bbc.com/russian/society/2016/02/160217_5floor_planned_economy

²⁰³ «Пятый этап»: мечтают ли россияне о плановой экономике? // URL: http://www.bbc.com/russian/society/2016/02/160217_5floor_planned_economy

²⁰⁴ Россия опустилась на 10 позиций в рейтинге экономической свободы // URL: http://www.bbc.com/russian/society/2016/02/160201_russia_economy_ranking

Европы, обусловили поиск компромиссной приемлемой для западных партнеров модели реформирования экономики.

Составленный совместно с западными экспертами проект хозяйственных реформ был обнародован 4 ноября 2015 года на конференции «Экономика Беларуси: снова перед выбором» и предполагал шесть направлений. В числе выработанных рецептов говорилось об уменьшении участия государства в регулировании финансового рынка, о сокращении государственного сектора общественного хозяйства и развитии инициативы и конкуренции.

Однако, ссылаясь на общественные настроения, президент Белоруссии А.Г. Лукашенко в выступлении на инаугурации высказался категорически против осуществления таких реформ (по западному образцу). В частности, он посоветовал белорусам задаться вопросом, «нужны ли им такие реформы, которые были проведены в России и Украине». «Если кто-то ратует за реформы, то будьте честны и скажите, что надо сломать политический строй, государственное устройство Белоруссии, надо разделить, разрезать государственную народную собственность, а затем раздать». Президент Белоруссии также однозначно высказался против имплементации частной собственности на землю и передачи ее предпринимателям. Глава государства выразил уверенность, что Беларусь не сойдет с пути построения «социального государства и не будут делить то, что веками нажито народом»²⁰⁵.

Таким образом, даже политическая востребованность и конъюнктурные аргументы не смогли изменить позицию белорусского лидера, чутко улавливающего общественные настроения, имеющие исторические основания. При этом белорусское общество в большей степени склонно к западному культурному опыту.

Чувственность мышления, чуждое рациональности, сформировавшееся в традиционном обществе народов, объединенных одной

---

²⁰⁵ <http://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/2412294>

государственностью, по-прежнему является существенным фактором в постсоветской экзистенции. Даже культурная революция, осуществляемая в советское время, приобщившая к медицине и науке широкие массы граждан, не дала возможность окончательно укоренить рациональность как аксиологическую норму, безусловную жизненную установку населения бывших союзных республик.

«В массовом поведении людей и их мыслительной деятельности, – пишет исследователь из Татарстана М.И. Махмутов, – существуют определенные пропорции в соотношении рационального и иррационального. Например, национальному характеру немцев приписывают строгий рационализм. Представителям восточных народов больше, чем европейцам, свойственен иррационализм. Что касается особенностей русского менталитета, сформировавшегося исторически под воздействием российского образа жизни, то в нем четко выражены действия воли, непосредственного созерцания, интуиции, бессознательного и других иррациональных элементов мыслительной деятельности человека, определяющие и социальное поведение россиянина. В русской ментальности указанные элементы, возможно, преобладают больше, чем, например, в менталитете немцев или французов. Об этой иррациональности русской души и русского мышления немало сказано»²⁰⁶.

В работе казахстанского политолога С.Ш. Аязбековой отмечается: «Проблема этнической идентификации – одна из важнейших проблем социально-культурного развития Республики Казахстан в условиях ее государственного суверенитета, поскольку подлинная и полноценная государственная самостоятельность возможна не только с точки зрения экономической и политической независимости, но, прежде всего, как самобытность и уникальность духовной культуры».

---

²⁰⁶ Махмутов М.И. К вопросу об интеллектуальном потенциале россиян // URL: http://vml.antat.ru/files/Mahmutov/article_in_magazine/novitas%201999.pdf

Далее С.Ш. Аязбекова указывает, что восприятие казахами окружающего мира характеризуется «иррациональностью и космоцентричностью»²⁰⁷.

Таким образом, другая особенность западного культурного опыта, обусловившая развитие науки и медицины, не выглядит абсолютной национальному опыту народов постсоветских стран.

Специального внимания заслуживает ссылка Н. Фергюсона на важнейшее основание западной цивилизации, представленное институтом имущественных прав. Нередко устоявшийся правовой порядок, составляющий неотъемлемую часть либеральной демократии, представляется как культурное достояние Запада. Однако такое утверждение далеко от реальности. Культура и правовой порядок – суть явления несовпадающие, тем более не тождественные. Значительное количество фактов говорит о том, что представители Запада вне действия правового пространства собственного государства не демонстрируют пример безупречной культуры.

Достаточно напомнить поведение некоторых американских солдат, жертвами насилия которых ежегодно становятся сотни японок на Окинаве, или фривольности немецких туристов в Болгарии²⁰⁸. В исторической ретроспективе показательно в этой связи массовое уничтожение англичанами в концлагерях колонистов из Нидерландов во время Англо-бурской войны²⁰⁹.

В представлении европейцев, как и вообще представителей запада, правовое поле других государств, как правило, не является затруднением для реализации собственных эксклюзивных интересов.

Так, несмотря на официальный запрет для иностранцев принимать участие в политической пропаганде, представитель генерального секретаря Совета Европы в Армении Рояна Урумова провела конференцию «Профессионализм СМИ и освещение референдума конституционных

---

²⁰⁷ Аязбекова С.Ш. Картина мира этноса: Коркут-ата и философия музыки казахов. Астана, 2011. С. 4-5.

²⁰⁸ Поведение туристов разных национальностей // URL: <http://rest.Kuda.ua/10996>

²⁰⁹ Дрогозов И.Г. Англо-бурская война 1899-1902 гг. Минск : Харвест, 2004.

поправок». На вопрос представителей армянского журналистского сообщества относительно соответствия этого мероприятия законодательным нормам Армении представитель СЕ просто не отреагировала²¹⁰.

Эти и много других фактов говорят о том, что уважение закона, которое выдвигается в качестве главного культурного достояния Запада, на самом деле является, как и сама либеральная демократия, частью партикулярного опыта, обусловленного исторической спецификой.

Западный правовой порядок сформировался как неотъемлемый атрибут, сопровождающий еще один основополагающий институт – частную собственность, не функциональный вне «имущественных прав» (по Н. Фергюсону), обеспечивающих его абсолютность.

Приведенный этим автором фактический материал красноречиво свидетельствуют о том, что правовой порядок на Западе был воздвигнут «на костях» тех, кто пал от посягательств на собственность.

«В 1330-1479 годах четверть представителей английской знати, - пишет Н.Фергюсон, погибла насильственной смертью», а, например, в Оксфорде ежегодно совершалось более 100 убийств на 100 тыс. жителей (для сравнения: в современной Южной Африке гибнут 69 на 100 тыс. чел., в Колумбии – 53, на Ямайке – 34)»²¹¹.

Институт частной собственности, инициировавший правовой режим на Западе, в абсолютном виде не существовал и по сей день не сформировался в пределах постсоветских республик.

Так, в Узбекистане даже в сфере собственности личного жилья сохраняется административное регулирование государства. Правительством регламентируются даже статьи смет расходов ассоциаций владельцев жилья²¹².

---

²¹⁰ *Поведение европейцев необычно* // URL: <http://ru.alplus.am.3881.html>

²¹¹ *Фергюсон Н.* Цивилизация: чем Запад отличается от остального мира. М. : АСТ, 2014. С. 62.

²¹² *Мухитдинов А.Н.* Особенности становления демократии и института частной собственности в Республике Узбекистан // URL: http://mukhitdinov-an.blogspot.ru/2013/11/blog-post_285.html

Несмотря на почти четверть вековой путь либеральных реформ, институт частной собственности окончательно не укоренился в качестве абсолютного и в России.

Свидетельством этому могут стать события, связанные со сносом торговых точек и кафе около станций метро в Москве (в 2016 г.): Более 50% хозяев подлежащих сносу торговых павильонов в судебном порядке подтвердили законность своей собственности²¹³. Тем не менее снос сооружений состоялся, хотя и вызвал отрицательную реакцию общественности (рис. 2.).

Результаты общественного опроса

Вопрос: «Поддерживаете ли Вы снос частных торговых павильонов в Москве?»

Источник: <http://forum.ixbt.com/topic.cgi?id=54:57265-28>

Рис. 3. Данные интернет-опроса

Многие эксперты связывают акцию устранения торговых палаток не только с переделом собственности и потребностью наведения порядка, но с реальностью «структурных изменений российского государства», знаменующих «уход России торгашеской и возвращением России имперской».

«В либерально-прозападной среде, – пишет один из экспертов, – которая интересам народа предпочитает личное обогащение и собственную безответственность, это принято называть наступлением великодержавной тирании на права свободной личности.

²¹³ Гончарова Т. Как владельцам снесенных павильонов защитить права // Ведомости. 2016. № 34.

Но их недовольство бесплодно: Россия, вернувшись на международную арену, неизбежно должна была начать восстановление своего традиционного содержания, национальной идентичности. Пусть в мягких формах и постепенно, но это сейчас и происходит.

Ковши экскаваторов снесли не просто магазинчики, и даже не облик 90-х годов, плавно перетекший в 2000-е, а часть жизненных ценностей и установок российского общества постсоветских лет. Часть, может, не самую худшую (все же откровенный криминал и ельцинский олигархат нанесли куда больший вред), но также опутавшую Москву и Россию своими мелкотравчатыми интересами.

"Купи-продай" заменило собой "построй-создай", "бери от жизни все" – "отдай свою жизнь за других". Старички ворчали: всё везде продают, но нигде ничего не делают. Варварская деиндустриализация сопровождалась безудержным самостроем торговых ларьков, который Лужков все же, надо признаться, узаконивал, и правильно делал, чтобы хоть как-то контролировать»²¹⁴.

Безусловно, отсутствие правового порядка и всеобщности закона является основным препятствием продвижения на постсоветском пространстве либеральной модели демократии, основанной на абсолютизации прав, свобод и интересов личности. Попытки ее воспроизводства вне правового государства оборачиваются во всех новых независимых государствах (кроме стран Балтии) хаосом, граничащим с утратой суверенитета, увеличением потенциала «внешнего управления», созданием непреодолимых препятствий поступательного общественного развития. Криминал в условиях отсутствия правового порядка становится обыденным явлением жизни и контролирующим целые отрасли экономики и социальной сферы.

По утверждению эксперта Института стран СНГ А.В. Грозина, характеризующего реальность 90-х годов прошлого века, «налицо была

---

²¹⁴ Ковши русского экскаватора // URL: <http://www.vz.ru/opinions/2016/2/10/793479.print.html>

общая криминализация всего социально-психологического фона на постсоветском пространстве, тогда между "ментами" и "братвой" ни один предприниматель не мог пройти мимо. Это было очень сложно, практически невозможно, тогда необходимы были "крыши", откаты, все это делалось достаточно открыто, все всё знали, и на фоне общей деградации идеологии, нравственных ориентиров, потери установок, которые вбивались до этого десятилетиями, для многих стало вполне обыденным явлением не только соприкоснуться с миром криминала, но и работать с этим миром. Криминальное сообщество стало во многом не катакомбной, закрытой системой, о которой все знают, что она есть, но сталкиваются изредка. В крупных мегаполисах, в столицах постсоветских республик криминал в 90-е годы стал, что называется, на виду, он стал одним из факторов повседневной жизни, в первую очередь бизнеса»²¹⁵.

Далее, А.В. Грозин приводит факт преступного «синдиката» «Рыжего Алмаза» (Насенова Несипбая) в Казахстане, который «подмял под себя многие крупные коммерческие предприятия и группы в нефтяной, энергетической, финансовой, металлургической, торговой отраслях, а также в сфере игорного и развлекательного бизнеса»²¹⁶.

Согласно данным МВД России, в 2000 году ОПГ (организованные преступные группировки) контролировали 40% частных, 60% государственных предприятий и до 85% банковских финансов²¹⁷.

Причинами криминализации постсоветского пространства конца прошлого столетия Всемирный банк отметил:

- депривацию государственного аппарата и институциональный вакуум;
- передел общенародной собственности в интересах частных лиц;

---

²¹⁵ Грозин А.В. Либо это запаздывание, либо это движение с опережением графика // URL: <http://www.materik.ru/rubric/detail.php?id=16969&si>

²¹⁶ Там же.

²¹⁷ Захаров А.В. Коррупция в условиях системной трансформации на постсоветском пространстве // Проблемы современной экономики. 2006. № 3/4. С. 51.

– нереализованную необходимость в формировании новых институтов, законов, указов и реформировании государственного политического курса²¹⁸.

Практика и общественное целеполагание на тотальное потребление стимулирующие частную инициативу в хозяйственной сфере, также оказались не действенными в постсоветской реальности. Потребление в постсоветских странах, сохраняющее характерные черты, присущие традиционному обществу, служит населению, в основном, не фактором, инициирующим экономическую активность, но средством реализации материальных и духовных запросов граждан.

Навязанные стереотипами западной культуры потребности, опережающие доходы населения, ведут к социальным деструкциям.

Так, к настоящему моменту в России 38 млн человек имеют потребительские кредиты, а треть из них испытывает затруднения с их обслуживанием, 7,5 млн человек не обслуживают кредит более трех месяцев²¹⁹.

Неравенство в распределении благ и доходах не только не мотивирует экономическую активность, но, напротив, вызывает напряженность в обществе.

Исследования, осуществленные в России, в соответствии с программой академика В.М. Полтеровича, свидетельствуют о том, что люди готовы мириться с неравенством в росте доходов социальных групп населения только при условии, что таковое не будет превышать 20 процентных пунктов. Кроме того, чтобы мириться с такой «несправедливостью», люди должны получить компенсацию в виде увеличения дохода на 80 процентных пунктов. Такие данные вскрывают глубинные социальные стереотипы, ориентированные на выравнивание доходов, а не на углубление имущественной дифференциации.

---

²¹⁸ World Bank. 2000, Anticorruption in Transition. A Contribution to the Policy Debate. Washington, D.C.: World Bank.

²¹⁹ Медведев П.А. Закредитованность населения – угроза финансовой системе страны. Есть ли выход? Восьмая Международная научно-практическая конференция «Современная экономика: концепции и модели инновационного развития», Москва, 19-20 февраля 2016 г., РЭУ им. Г.В. Плеханова // Безформата.ru

«С чем же могут быть связаны подобные социальные установки? На наш взгляд, – формулирует вывод исследователь, – здесь можно выделить три причины.

Первая – продолжающееся действие эффекта начальных условий: сохранение у населения социалистического менталитета, отрицающего социальное неравенство.

Вторая – негативная реакция людей на происходящее на протяжении последних полутора десятилетий неправомерное и зачастую несправедливое расслоение населения по признаку «бедный-богатый».

Третья причина – специфическая ментальность россиян, предполагающая неприятие, т.е. отторжение чужого успеха, в том числе финансового.

Такая ментальность может быть охарактеризована как недовольство. Первая и третья причины тесно связаны между собой, но не сводимы друг к другу. Так, чувство недовольства может способствовать формированию стремления к выравниванию доходов, если недовольные оказываются на нижней ступени социальной иерархии, а может провоцировать дальнейшее расслоение, если недовольные оказываются на верхней ступени иерархии доходов. Нынешние ментальные установки населения в целом не соответствуют традиционной капиталистической экономике, которая априори предполагает неравенство доходов и жесткую социальную стратификацию.

Тем самым выявленные социальные предпочтения российских граждан могут стать серьезным тормозом для многих экономических начинаний частного бизнеса»²²⁰.

Эксперты постсоветских государств с выраженным авторитарным характером политических режимов отмечают, что потребление на самом деле является эффективным механизмом повышения «управляемости» общества.

---

²²⁰ *Отношение к неравенству доходов* // URL: <http://institutiones.com/general/179-2008-06-17-09-01-44.html>

«Пожалуй, единственная ценность, которую признает и даже культивирует авторитарная власть, – пишет белорусский политолог А. Лаврухин, – это ценность потребления... Кажется, здесь таится "мягкая угроза" "мягкому авторитаризму". Ведь потреблять означает не просто обладать благами, но управлять самим процессом потребления и – что самое важное! – интенсифицировать его: с каждым разом потреблять все больше и больше, а по возможности все лучше и лучше... И, поскольку общество потребления лишено каких бы то ни было регулятивных идей и моральных принципов, оно готово пойти на уступки. Поэтому призыв представителей оппозиционного движения к совести, достоинству и "ответственности перед будущим" тех, кто составляют сегодня "кооперацию потребителей"» по меньшей мере наивен и вызывает горькую улыбку»²²¹.

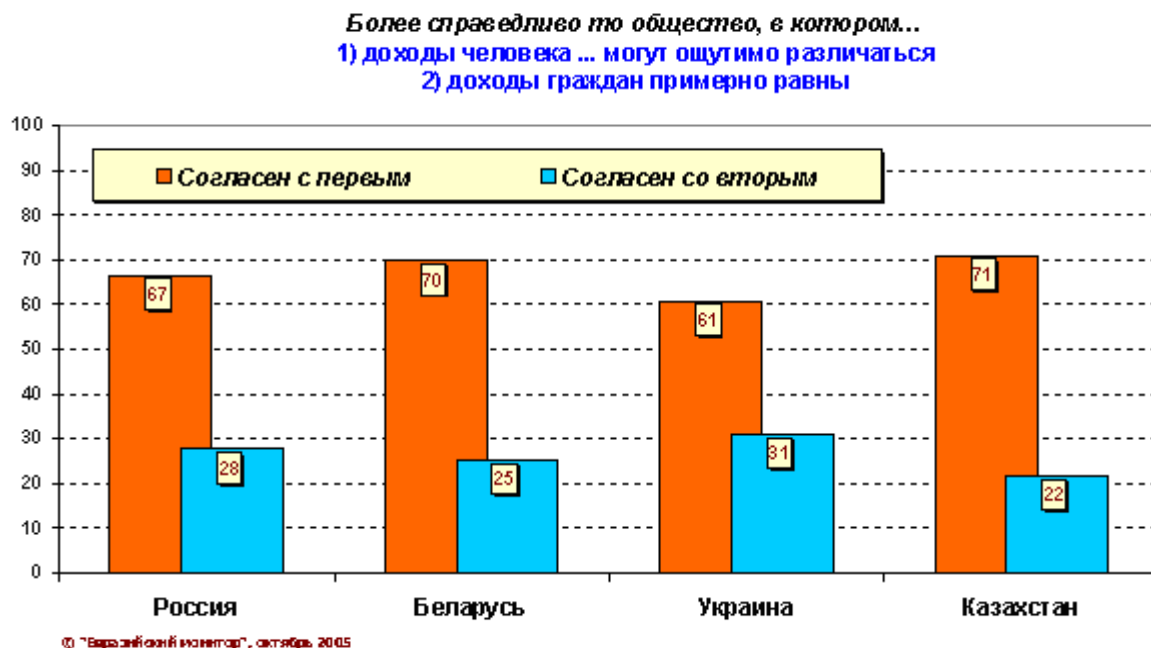
Вслед за М.Вебером в числе институтов, определивших либерально-демократический порядок, Н. Фергюсон назвал обусловленность трудовой инициативы нормами протестантизма, культивирующими бытовую аскетизм и предприимчивость в достижении земных благ. Такие нравственные принципы составляли антитезу жизненной позиции аристократии, считавшей «зарабатывание» денег уделом плебса и недостойным делом. Согласно взглядам Г. Гоббса о стратегиях достижения успеха, их реализация лежит через «войну всех против всех» и абсолютизацию индивидуальных интересов, что в конечном итоге и рождает «природную» ценность цивилизации – конкуренцию.

Несмотря на «общинность», характерную мироощущению населения стран постсоветского пространства, его содержание не сводится исключительно к эгалитаризму. Большинство граждан новых независимых государств (ННГ) признает правомерность имущественного неравенства, обусловленного отличиями в способностях индивидумов. Вместе с тем около трети населения ННГ считает справедливым равные доходы. Двойственность

---

²²¹ Лаврухин А. Общество потребления и дух авторитаризма // URL: <http://nmnby.eu/news/analytics/5862.html>

постсоветского общественного сознания (рис. 4) иллюстрируют замеры Евразийского мониторинга, предпринятые в 2005 году²²².

Рис. 4

Кажущаяся разнонаправленность векторов общественных настроений, сплетающаяся в непреодолимую антиномию, на самом деле является результатом многовекового опыта общинного миропорядка, в котором, несмотря на наличие более богатых и менее состоятельных «мирян», неизбежно присутствовало социальное равенство. Материальное превосходство не являлось основанием для превосходства социального. Сама община представляла собой гарант социального равенства ее членов. Даже в среднеазиатских социумах, и по сей день сохраняющих кровнородственные отношения, власть над сородичами основывалась на патернализме, а не на социальном превосходстве.

Община, как хранитель коллективного благосостояния, укоренила в общественном сознании императив, согласно которому материальное благополучие каждого обеспечивается общими усилиями. Такие

²²² Евразийский мониторинг (волна IV). Отчет 15 октября 2005 г. // URL: <http://www.eurasiamonitor.org/rus/research/event-120.html>

умонастроения четко следуют из результатов исследований Евразийского мониторинга.

Так, 36% принявших в опросе украинцев, 46% россиян, 52% белорусов, 55% казахстанцев считают, что люди должны сами нести ответственность за личное благосостояние и направлять на достижение успеха индивидуальную активность. Вместе с тем 55% опрошенных на Украине, 49% в России, 43% в Белоруссии, 41% в Казахстане полагают, что «государство должно нести больше ответственности за обеспечение граждан» (рис. 5)²²³.

- 1) Люди должны сами нести большую ответственность за то, чтобы себя обеспечить
2) Государство должно нести больше ответственности за обеспечение граждан

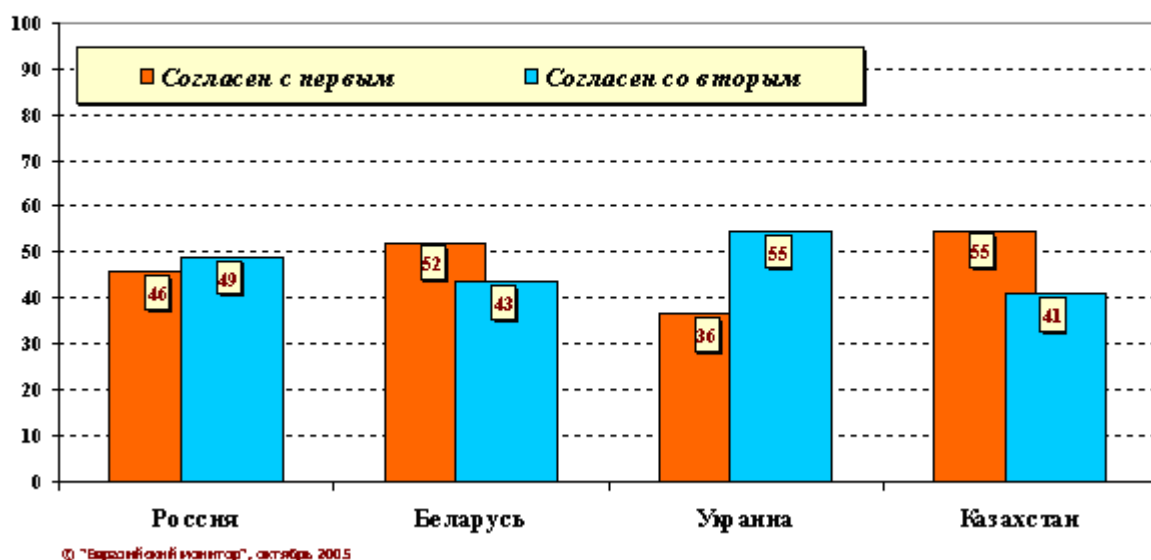

Рис. 5

Авторы отчета Евразийского мониторинга увидели неадекватность или по крайней мере «неожиданность» показателей, описывающих положительное отношение большинства населения постсоветских стран к конкуренции в экономике (рис. 6)²²⁴.

²²³ Евразийский мониторинг (волна IV). Отчет 15 октября 2005 г. // URL: <http://www.eurasiamonitor.org/rus/research/event-120.html>

²²⁴ Там же

Конкуренция ...

- 1) это хорошо, она стимулирует людей напряженно работать и развивать новые идеи
- 2) вредна, она пробуждает в людях их худшие черты

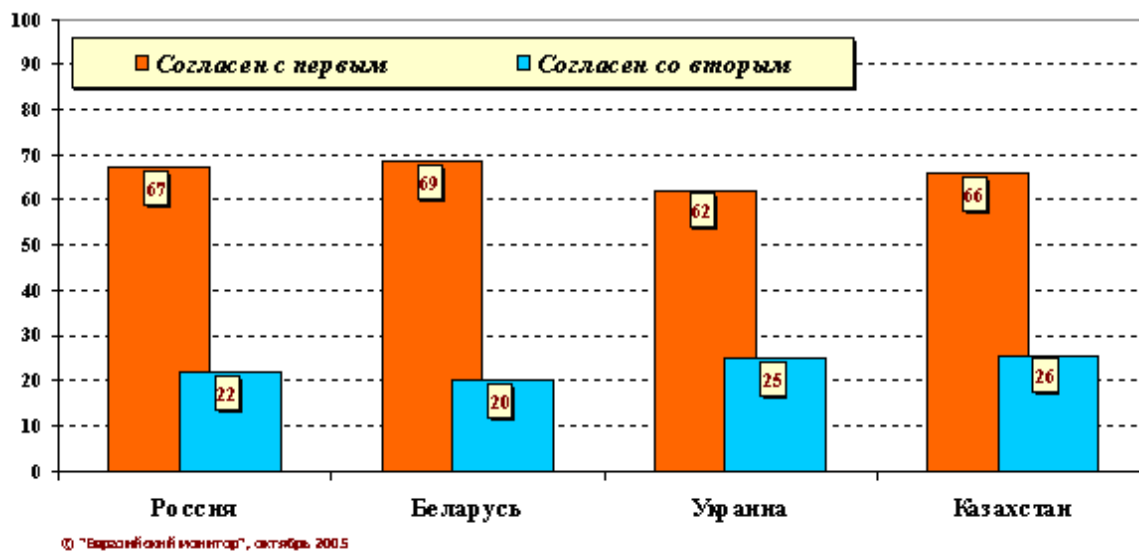

Рис. 6

Практически каждые два опрошенных из трех положительно относятся к конкуренции. Однако в представлении граждан постсоветских стран конкуренция артикулируется совсем не по Гоббсу, логика взглядов которого на абсолютизацию интересов индивидов завела ее современных апологетов в непреодолимый тупик детерминизма личного над общественным. Представление граждан новых независимых государств о конкуренции не предполагает депривацию коллективного. Так, либеральный порядок на Украине, судя по продвигаемому евроцентризму, не вызывает антагонизма. Однако результат «европеизации» страны, приведший к власти олигархат и инициировавший расхищение национального достояния, привел к Майдану и политическому перевороту. Одним словом, и в отношении к конкуренции у народа постсоветского пространства проявляется все тот же дуализм: индивидуальное, но не в ущерб общественному, конкуренция, но только в пределах, не позволяющих ущемлять интересы общества.

Адекватность экстраполяции материалов исследования десятилетней давности на современную действительность показывают недавние работы ученых.

Так, согласно материалам исследования аксиологических оснований российского общественного сознания, осуществленного в 2013 году коллективом ученых МГУ им. М.В. Ломоносова²²⁵, сопоставимые по уровню значимости оценки получили такие «ценностные ориентиры»: «частная собственность» – 62,6%, «индивидуальная инициатива» – 58,4% и «равенство» – 59,3%.

Таким образом, модель либеральной демократии в силу партикулярности исторических условий, ее породивших, в эпоху перехода к информационному обществу не может являться адекватным цивилизационным мейнстримом и стратегией развития для постсоветских стран. По словам бывшего руководителя Федеральной резервной системы США, ее материальная основа «либеральный рынок не работает, он неизбежно приводит к кризису»; «время либеральной рыночной экономики закончилось»²²⁶. Значительное число обществоведов солидарны с утверждением о том, что мир переживает «эпоху великого перелома», содержание которого предполагает смену «парадигм самой социальной эволюции человечества – сдвиг от доминанты закона конкуренции и механизма отбора к доминанте закона кооперации и механизма общественного интеллекта»²²⁷.

Анализ постсоветского контекста укоренения либеральной демократии убеждает в непродуктивности попыток регенерации условий, порождающих исторически особый западный тип общественного порядка.

По мнению министра иностранных дел России С.В. Лаврова, «сегодня очевидна несостоятельность популярной в 1990-е годы концепции "конца истории", авторство которой принадлежит известному американскому социологу и политическому исследователю Фрэнсису Фукуяме. Она

---

²²⁵ Шестопал Е.Б. Ценностные характеристики российского политического процесса и стратегия развития страны // Полис. 2014. № 2. С. 64-65.

²²⁶ *Откровение* от Бернанке // Спецназ России. 2010. № 4. С. 9.

²²⁷ Субетто А.И. Основания и императивы выходящего воспроизводства российской цивилизации в XXI веке: стратегический взгляд // Материалы III Международной научной конференции «Воспроизводство России в XXI веке: диалектика регулируемого развития». Москва, 3 марта 2016 г. Финансовый университет при Правительстве РФ.

предполагала, что бурное развитие глобализации знаменует собой окончательную победу либерально-капиталистической модели, а задача всех остальных заключается лишь в том, чтобы побыстрее к ней подстраиваться под руководством мудрых западных учителей»²²⁸.

Отсутствие условий, продуцирующих либерально-демократический порядок на постсоветском пространстве, не создает питательной почвы для укорененности его институтов.

Политические партии, исполняющие или долженствующие исполнять в политической системе Запада функцию институтов электоральной консолидации и агрегирования политических предпочтений, не пользуются в новых независимых государствах доверием населения²²⁹. Согласно данным 2013 года Национального института, Белоруссия, рейтинг доверия политическим партиям, исчисляемый от +1 (наивысший) до -1 (наименьший), оценивался в 1990 году -0,38, в 2008 году -0,23²³⁰.

По шкале «1 – очень плохо, 10 – отлично» доверие политическим партиям Киргизии в 2015 году составляло значение в 4,8²³¹.

По недавним данным (март 2016 г.), партии Украины являются институтом с самым низким уровнем доверия населения (рис. 7)²³².

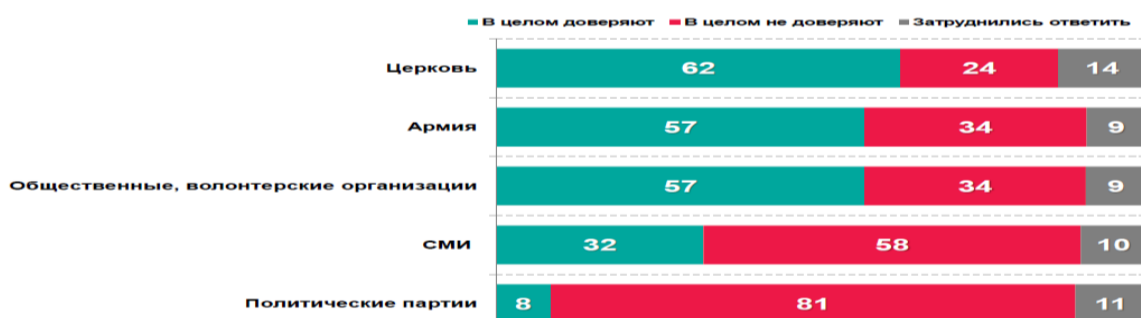

Рис. 7. Доверие институтам власти и общества, %

²²⁸ Лавров С.В. Историческая перспектива внешней политики России. Размышления на новом этапе международного развития // Россия в глобальной политике. 2016. № 2. С. 17.

²²⁹ Егоров В.Г., Морозов А.А. Партийный «постмодерн» // Мир и экономика. 2012. № 6.

²³⁰ Политические ценности граждан Беларуси // Минск: Институт белоруской гiсторыi i культуры, 2016.

²³¹ <http://rb.com.ua/rus/17>

²³² Политическая ситуация в Украине. Рейтинги партий и политиков // URL: <http://rb.com.ua/rus/19>

Главный институт представительной демократии – парламент на протяжении длительного периода также не пользуется доверием населения постсоветских стран. Законодательные собрания бывших союзных республик оцениваются гражданами как правило ниже, чем другие институты государственной власти (рис. 7)²³³.

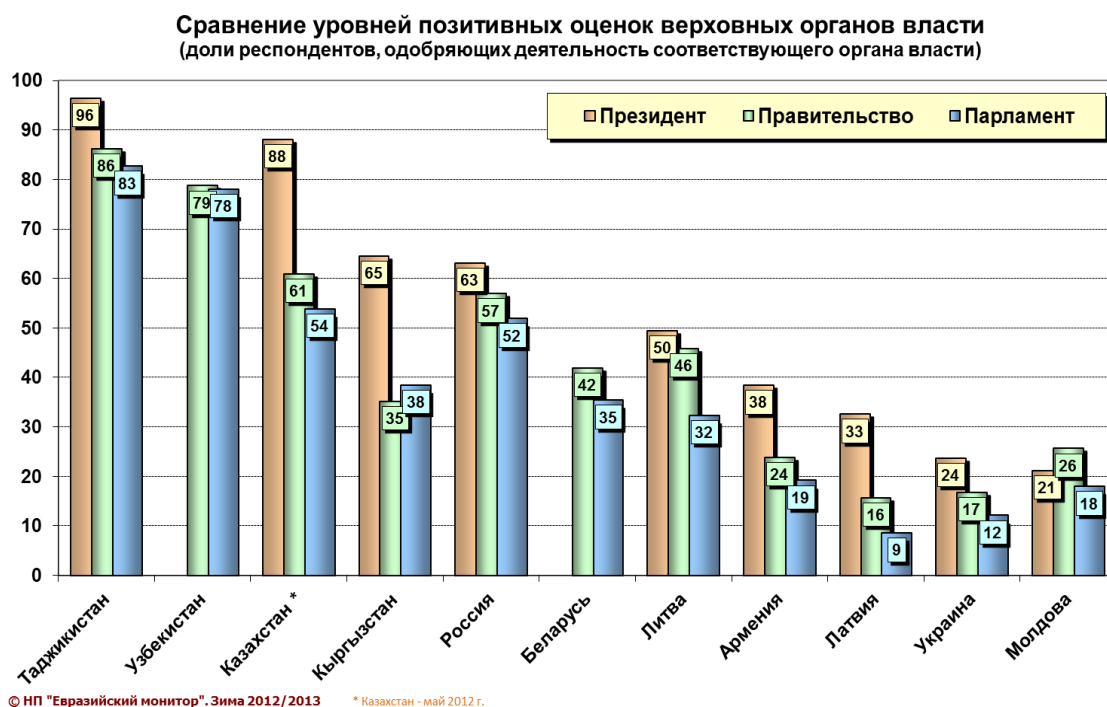
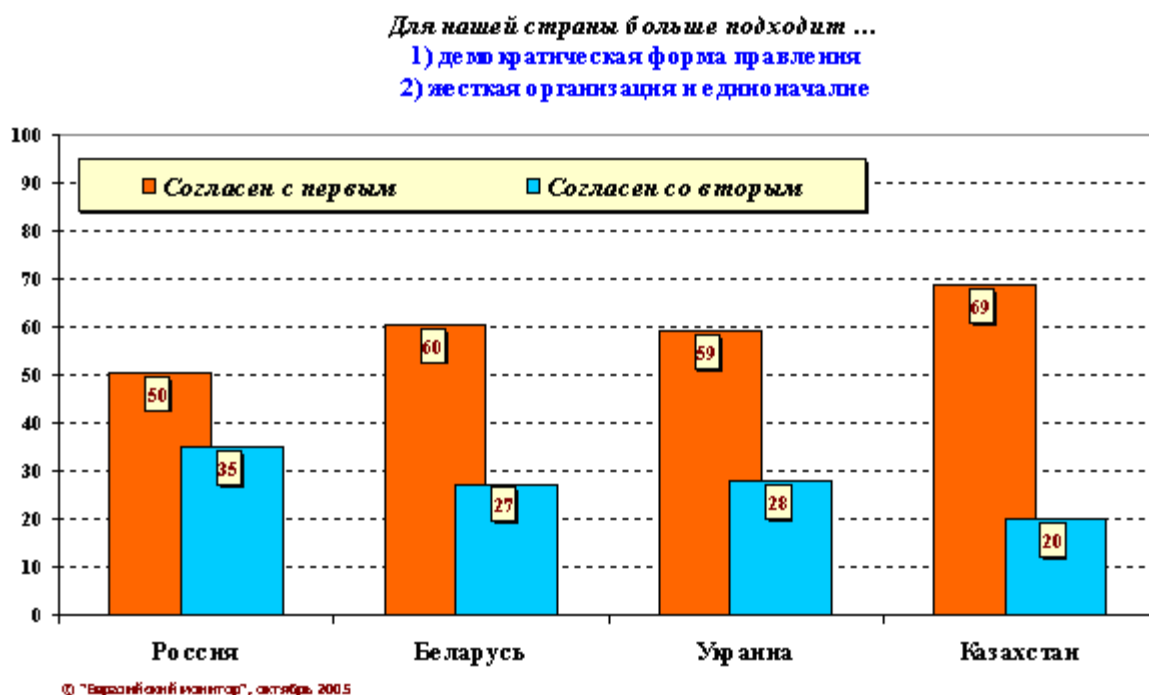

Рис. 8.

Низкая социализация институтов демократии, привнесенных из западного опыта, не означает, как это пытаются представить часть политологического сообщества, показателем доминирующей авторитарной характеристики социального кода населения новых независимых государств. Демократические ценности в странах «третьей волны» хантингтоновского транзита составляют, безусловно, стержневую черту этоса. Демократическая перспектива входит в число основных стратегий, обуславливающих будущее этих государств. По мнению большого числа

²³³ НП «Евразийский монитор». Зима 2012/2013. Основные результаты 1 марта 2013 г. С. 28.

респондентов, наиболее адекватной формой правления является демократия (рис. 9)²³⁴.

Рис. 9

Однако демократия в представлении граждан новых независимых государств – это не формальная процедура или институты с неочевидными признаками политического участия, но действительно народовластие, открывающее гражданам реальный доступ к принятию политических решений. Поэтому большинство населения стран постсоветского пространства, выражает определенное желание в достижении демократической перспективы посредством институтов, соответствующих национальному культурному опыту²³⁵.

Таким образом, научный и практический поиск осуществления режимной трансформации вообще и постсоветских в частности должен ориентироваться не в направлении «наезженной колеи» либеральной демократии, а по векторам, проходящим через культурную почву и

²³⁴ Евразийский мониторинг (волна IV). Отчет 15 октября 2005 г. // URL: <http://www.eurasiamonitor.org/rus/research/event-120.html>

²³⁵ *Общественное мнение* – 2012. М.; Левада-Центр. 2012. С. 25.

определяемым социальными основаниями, приобретенными историческим опытом.

Демократический процесс, понимаемый как практика, ориентированная на достижение «абсолютного» социального миропорядка посредством универсальных методов и инструментов его политического дизайна, не может и не должен представляться в качестве единственной парадигмы модернизации общества при переходе от авторитаризма к демократии. Вместе с тем транзитология не исчерпала свой когнитивный потенциал и релевантна, *во-первых*, определению демократического целеполагания и, *во-вторых*, выработке адекватного с точки зрения историко-культурного опыта трансформационного механизма.

2.3. Особенности модернизация постсоветских политических режимов

Модель модернизации политических режимов не может быть результатом умозаключений, но призвана агрегировать контент из реалий общественной практики.

Актуальными тенденциями демократического мейнстрима сегодня являются, *во-первых*, определение механизмов стабильного консенсуса «сложного» общества и власти на основе постоянного расширения политического участия и, *во-вторых*, эволюция демократической практики, обусловленная коммуникационной революцией.

Представительная система, относительно адекватная индустриальному миропорядку (ее недостатки отмечали уже идеологи европейского Просвещения), не отражает социальную «сложность», углубляющуюся по мере развития цивилизации. Конечно, это не означает, что продуцированные эпохой «восходящего» капитализма институты не способны к совершенствованию и абсолютно трансцендентны демократическому прогрессу.

Несмотря на общую низкую адаптивность в постсоветской политической реальности, заимствованные из западного культурного опыта институты выборов, политических партий как инструмента электоральной конкуренции и т.д. подвержены социализации через самовоспроизводство, обусловленное потребностями политической стабильности. Так, например, выборная кампания в Казахстане в парламент 2016 года отличалась широким участием общественных организаций, развернувшаяся в рамках реализуемого «Плана нации», знаменующего очередной этап демократизации страны²³⁶.

Свидетельством внутреннего потенциала развития электорального процесса стала предвыборная кампания 2016 года российской партии «Единая Россия», в ходе которой впервые используются элементы конкуренции при формировании партийных списков²³⁷.

Вместе с тем отдельные успешные «эксперименты» совсем не означают, что когнитивный и практический поиск направлений модернизации постсоветских политических режимов должен формироваться вокруг заданного либеральной демократией вектора. «И все же я предчувствую появление новой формы демократии, – пишет Брюс Макконнелл, – если ее можно так назвать, в частности, в Китае. Это не западная представительная парламентская демократия, основанная на ценностях эпохи Просвещения, прославляющих индивидуализм и принцип "Один человек – один голос"²³⁸. Но это и не диктатура пролетариата».

Основанием такого предположения стали подмеченные автором актуализировавшиеся особенности режимных трансформаций, в том числе происходящих на постсоветском пространстве, важнейшей средой которых

---

²³⁶ По темпам обновления политэлиты Казахстан является лидером в СНГ
[//http://www.inform.kz/eng/article/28842206](http://www.inform.kz/eng/article/28842206)

²³⁷ Предварительное голосование – это серьезный труд и опыт для участников // Единая Россия. Официальный сайт партии /er.ru/news/140797

²³⁸ Макконнелл Б. Сетевое общество и роль государства. Новые вызовы свободе и безопасности // Россия в глобальной политике. 2016. № 2. С. 134.

является значительно возросшая динамичность самих автократий, обусловленная поиском опоры в «сложном» социуме.

В книге Джина Шарпа «От диктатуры к демократии», изданной в 1993 году на более чем 30 языках мира²³⁹, больше похожей на инструкцию по ненасильственному свержению «незападных режимов», имеется замечание, полезное с точки зрения рефлексии процесса продвижения демократии. Ссылаясь на авторитет Н. Макиавелли, утверждавшего, что правитель, «...для которого все общество является врагом, не может чувствовать себя в безопасности; чем больше жестокость, тем слабее становится его режим». Джин Шарп отмечает зависимость между величиной политической власти и «широкой и надежной привычкой к подчинению среди людей». В представлении Д. Шарпа авторитарному режиму для обеспечения стабильности необходимо опираться «на активную поддержку по крайней мере значительной части населения»²⁴⁰.

Не требует специальной аргументации тот факт, что подчинение и управление структурированного, гетерогенного общества, каковым оно неизбежно становится вследствие естественной эволюции, требует качественно более совершенных методов или по крайней мере технологий, создающих видимость таковых, нежели однородного, гомогенного. Кроме того, открывающиеся и ранее недостижимые возможности социализации авторитарной власти, по мнению Брюса Макконнелла, обусловлены развитием коммуникаций.

Во-первых, имея в виду, что «в киберпространстве, как и в других областях, власть принадлежит корпорациям и государству»²⁴¹, власть получает действенный механизм регулирования его масштабов и контента. Во-вторых, контролируемое «киберпространство» становится действенным инструментом реализации политтехнологий, направленных на разворот

---

²³⁹ Шарп Д. От диктатуры к демократии. Концептуальные основы освобождения. Институт им. Альберта Эйнштейна. 1994 (на русск. яз.).

²⁴⁰ Шарп Д. Указ. соч. С. 22.

²⁴¹ Макконнелл Б. Сетевое общество и роль государства. Новые вызовы свободе и безопасности // Россия в глобальной политике. 2016. № 2. С. 136.

политических предпочтений «в нужное русло». В-третьих, и это главное, с точки зрения поиска парадигмы трансформации политические режимы эволюционируют в направлении нового качества «прагматично информационно-сетевого централизма; архитекторы которого вполне отдают себе отчет в том, что можно сделать гораздо больше, если народ с вами, а не против вас»²⁴².

Исходя из представления Бертрана де Жувенеля, который утверждал, что независимо от природы и политической идентичности власть всегда самодостаточна и функционально имманентна самосохранению²⁴³ в связи с коммуникационной революцией приобретает уникальные возможности, обеспечивающие стабильность, а именно, достоверное представление об общественной рефлексии государственной машины и, следовательно, своевременной ее коррекции. По сути данное предположение корреспондируется с концепцией «мониторинговой демократии» С.П. Перегудова и «превентивной демократии» В.П. Иноземцева²⁴⁴.

И наконец, особенностью современных режимных трансформаций «незападных» стран, давшая почву предположению Б. Макконнелла, стала очевидность структурной «почвенной» опосредованности, демократического транзита и необходимости учета исторического, культурного контекста демократизации. В случае со странами постсоветского пространства политическая традиция, детерминирующая когнитивный и практический процесс политического реформирования, состоит в доминировании персонифицированной вертикали власти обусловленной архитектурой, сложившейся на территории империи/Советского союза государственности.

Не подлежит сомнению, что игнорирование этой особенности в угоду конъюнктурным, политическим соображениям мешает конструктивному поиску оптимума модели демократического транзита.

---

²⁴² Макконнелл Б. Сетевое общество и роль государства. Новые вызовы свободе и безопасности // Россия в глобальной политике. 2016. № 2. С. 134.

²⁴³ См. Жувенель Б. Власть. Естественная история ее возрастания. М., 2011.

²⁴⁴ Концепции этих авторов изложены в статьях, опубликованных: Полис. 2012. № 6.

По поводу Китая, так же как постсоветское пространство имеющего исторически укорененную традицию централизованной власти, автор сингапурского чуда Ли Куан Ю заметил: «Китай не собирается становиться либеральной демократией; если он это сделает, он рухнет»²⁴⁵. При этом сингапурский политик указывает, что воспроизводство западной модели демократии, ведущей «к расхлябанности и беспорядку, т.е. к условиям, весьма неблагоприятным развитию», не может являться целеполаганием общественной стратегии незападных обществ. Таковой в его видении должно стать формирование порядка, «улучшающего жизненный уровень большинства народа плюс дающего максимум личных свобод, сравнимых со свободами в других обществах»²⁴⁶. ...«Реальный вопрос состоит в том, может ли политическая система любой страны, независимо от того, является ли она демократической или авторитарной, выработать консенсус в отношении политики, требуемой для обеспечения роста экономики и создания рабочих мест для всех, и может ли она обеспечить, чтобы эта основополагающая политика осуществлялась последовательно и без потерь»²⁴⁷.

Значение политической традиции централизма власти хорошо иллюстрирует эпизод, связанный с «железным канцлером» Бисмарком, считавшимся ее знатоком. В 1895 году, услышав от германского военного атташе в Петербурге характеристику императору Николаю II, что новый монарх «человек уюта», Бисмарк, всегда изучавший российскую действительность, высказался с сомнением по поводу стиля управления нового царя. В частности, он заметил: «Для русского крестьянина царь, батюшка должен оставаться полубожеством, даже почти Богом. Я знаю Россию и ее людей... Если отвратить шестьдесят миллионов русских от царя, они скоро начнут творить безумства». Попытка изменить это положение

---

²⁴⁵ *Question and answer session with Lee Kuan Yew at the International Institute for Strategic Studies, London, September 23, 2008.*

²⁴⁶ *Сингапурское чудо: Ли Куан Ю. М., 2016. С. 62-63.*

²⁴⁷ Там же. С. 109.

привела бы, по мнению бывшего канцлера, к тому, что самодержец неизбежно окажется перед «безбрежным морем»²⁴⁸.

Вместе с тем построение модели постсоветской режимной трансформации на основе признания статичности авторитарной власти было бы таким же заблуждением, как и игнорирование ее исторической обусловленности.

Однако часть исследователей и политологов из стран СНГ полагают, что традиция сильной вертикали персонифицированной власти, обуславливающей политический процесс на протяжении длительного исторического периода и сохраняющей значение доминирующего института современной политической системы большинства стран постсоветского пространства, является достаточным основанием для утверждения авторитаризма в качестве единственно возможного способа²⁴⁹ правления новых независимых государств.

Такая позиция уязвима как с точки зрения когнитивной перспективы поиска стратегии развития, так и с точки зрения практического воплощения в качестве адекватного ориентира политической трансформации.

Во-первых, большинство граждан бывших союзных республик видят в авторитаризме лишь «гарантию демократических прав и свобод против бюрократического и криминального произвола»²⁵⁰, но не порядок, определяющий естественное состояние социума.

Трудно не согласиться с характеристикой состояния российского общества 1990-х годов, которую многие оппоненты власти приводят в качестве альтернативы современному авторитарному режиму, данной В.В. Путиным в статье, опубликованной в феврале 2012 года в газете «Коммерсант» под названием «Демократия и качество государства».

---

²⁴⁸ Медяков А. «Наш Бисмарк»? Россия в политике и взглядах «железного канцлера» Германии // Российская история. 2015. № 6. С. 80.

²⁴⁹ См., например: Третьяков В.Т. Почему и как ничего не получается. Часть I, Часть II // Эксперт. 2013. № 2, 4.

²⁵⁰ Клямкин Н.М. Посткоммунистическая демократия и ее исторические особенности в России // Полис. 1993. № 2, с. 11

«Общество, – по словам В.В. Путина, – было воодушевлено идущим на глазах распадом советской однопартийной командно-административной системы» и «переходом к близкому, казалось, народовластию». Однако инициатива реформ была захвачена «местными и центральными олигархическими элитами, беззастенчиво использующими государство в своих интересах, делящими общенародное достояние». «В результате в 90-е годы под флагом воцарения демократии мы получили не современное государство, а подковерную борьбу кланов и множество полуфеодалных кормлений. Не новое качество жизни, а огромные социальные издержки. Не справедливое и свободное общество, а произвол самоназначенных «элит», откровенно пренебрегавших интересами простых людей»²⁵¹.

Во-вторых, демократические ценности, стремление к демократии остаются безусловными социетальными ориентирами большинства граждан новых независимых государств. Согласно данным института социологии РАН, степень остроты внутренних проблем России на ближайшие 5 лет в представлении граждан (по 10-бальной шкале) ранжируется следующим образом²⁵²:

1. Кризис управления, связанный с низким качеством работы государственных институтов – 8,2.
2. Коррупция – 7,3.
3. Несменяемость власти, отсутствие демократических механизмов ее обновления – 6,8.

В-третьих, неадекватность консервации авторитаризма прямо обусловлена целым набором его неконструктивных следствий, препятствующих развитию постсоветских социумов. Главное среди таковых, как показали результаты приведенного исследования, – отсутствие механизмов обновления власти. Проблема передачи власти в автократических режимах – центральный вопрос политической

---

²⁵¹ Путин В.В. Демократия и качество государства.

²⁵² Российское общество – 2020. Экспертный образ будущего. Аналитический отчет по итогам экспертного опроса (13.12.15). Институт социологии РАН. 2015. С. 26.

стабильности, так как связан с наличием института, фактически стоящего над властью, устанавливающего «механизм» ее сменяемости и фактически дезавуирующего сущностное качество авторитаризма. Отсутствие такого института ведет к продуцированию другого негативного следствия авторитарной власти, снижению эффективности управления, связанному с принятием решений узким кругом правящей элиты, иерархизированной по степени близости к «ядру» автократии. Помимо управленческих ошибок, неизбежно обусловленных субъективизмом при принятии решений, не прошедших «общественную экспертизу», такой порядок неизбежно порождает детерминирование сферы управления группами интересов, структурирующими правящую элиту по клановому принципу. Именно поэтому порядок, при котором управленческие решения выведены за пределы публичной сферы, многие исследователи называют «хищническим», основная функция которого заключается в оптимизации «разности между мобилизованными в его распоряжение и использованными на действительные общественные нужды средствами»²⁵³. Вероятность ошибочных решений и возможность использования в групповых интересах средств, централизуемых в бюджете, подтверждают данные Минэкономразвития России, характеризующие механизм госзаказа в 2015 году. По оценкам мониторинга, непосредственные решения президента и правительства определили 44% закупок у единственного поставщика на сумму 504 млрд руб., что на 87,3 млрд руб. больше, чем в предыдущем, 2014 году²⁵⁴.

Сказанное не позволяет согласиться с теми, кто считает авторитаризм культурной особенностью народов, интегрированных постсоветским пространством, подлежащих принятию как данности, сохраняющих свое незыблемое значение в наши дни. Вместе с тем было бы другой неприемлемой крайностью попытаться оспорить исторически сложившуюся

---

²⁵³ *Заостровцев А.* Новая институциональная экономика о развитии и стагнации // Пути модернизации: траектории, развилки и тупики: Сборная статей. СПб., 2010, с.30

²⁵⁴ *Ведомости.* 2016. № 58 (4047). С. 1-2.

доминанту централизма и вертикали исполнительной власти, опосредующую современные общественные практики и поведенческие стратегии, дополняющие весомость аргументам сторонникам абсолютизации авторитаризма.

Многовековая специфика формирования государственности бывших союзных республик, определившая верховенство интересов государства над общественными, безусловно, требует учета этой реальности в выстраивании модернизационных стратегий. Тем более что государство, построенное по средствам жестких скрепов централизованной власти и подчинившее своим потребностям все стороны общественной жизни, в значительной мере компенсировало и продолжает компенсировать отсутствие правового порядка. Изъятие этого стержневого элемента государственной архитектуры неизбежно приведет к непредсказуемым последствиям, клановой, криминальной, корпоративной, групповой и др. конкуренции за обладание рентой.

Отсутствие правового порядка в бывших союзных республиках признают и представители власти. Так, Д.А. Медведев по этому поводу высказался вполне определенно: «Россия, без преувеличения, это страна правового нигилизма... таким уровнем пренебрежения к праву не может «похвастаться» ни одна другая европейская страна. И это явление, уходящее в нашу седую древность»²⁵⁵.

При этом следует пояснить, что упование на постепенное вхождение стран постсоветского пространства в правовое поле при наличии власти с выраженными признаками авторитаризма лишено оснований, так как «автократия, согласно определению, это общество, где одна персона (или клика) выше закона»²⁵⁶. Уже в настоящее время большинство новых независимых государств выполнили «самую простую» работу создания на

---

²⁵⁵ *Медведев Д.А.* // http://medvedev2008.ru/performance_2008_01_22.html

²⁵⁶ *Mc Guire V., Olsen M.* The Economics of Autocracy and Majority Rule: The Invisible Hand find the Use of Force // *Journal of Economic Literature*. 1996. Vol. 34. № 1. P. 93.

основе международного опыта достаточно совершенной законодательной базы, однако путь к верховенству закона от этого не стал короче.

Разъясняя смысл либеральной демократии, состоящий из двух не всегда совпадающих компонентов: конституционального либерализма («господство права и защита личности» или «совокупность свобод») и демократии («избрание представителей власти посредством всеобщего избирательного права»), Ф. Закария и М. Платтнер указали, что порядок, обеспечивающий права граждан (либерализм), является обязательным условием демократического процесса. «Если демократия не охраняет свободу и закон, – пишет Ф. Закария, – то такая демократия является слабым утешением»²⁵⁷. По мнению исследователя, «лучшим выражением "западной модели" служит не массовый плебисцит, а беспристрастный суд»²⁵⁸. Становлению западной демократии предшествовал длительный период становления правового порядка, но не наоборот. «Конституционный либерализм привел к демократии, но демократия, по-видимому, не приводит к конституционному либерализму»²⁵⁹.

Следуя логике упомянутых политологов, в постсоветской политической реальности, где «вертикаль власти» является единственным гарантом правового порядка, его субъектность в демократическом процессе является объективной. С таким положением согласуется другое указание Ф. Закарии относительно оценки социальной сущности постсоветских режимов. «Экономические, гражданские и религиозные свободы, – пишет он, – составляют основу независимости и достоинства человека. Если правительство, ограничившее демократию, постоянно расширяет эти свободы, то его не следует называть диктатурой»²⁶⁰. Кстати заметить, что по ИРУП (индексу развития человеческого потенциала), отражающему именно

---

²⁵⁷ Закария Ф. Возникновение нелиберальных демократий // Логос. 2004. № 2 (42). С. 68.

²⁵⁸ Там же. С. 59.

²⁵⁹ Там же. С. 68.

²⁶⁰ Там же. С. 69.

эту сторону социальных показателей, например, Россия с 2011 по 2012 год поднялась сразу на 11 позиций²⁶¹.

Статья другого интеллектуала, Марка Платтнера, содержит еще два важных с точки зрения освещаемой проблемы замечания. Во-первых, М. Платтнер утверждает, что «недемократические формы правления (переходные к демократии. – *Авт.*) могут быть легитимными, если они существуют с согласия народа (сколько угодно длительный исторический период. – *Авт.*)», и, во-вторых, режимы, обеспечивающие права и свободы граждан, «содержат в себе семена своей собственной демократизации»²⁶².

Кроме того, учитывая ментальные свойства населения государств постсоветского пространства, исторически сформировавшиеся в общинной среде, следует признать адекватной только политическое устройство, обеспечивающее социальное равенство граждан, понимаемое не утрированно как имущественный эголитаризм, а как равные права и свободы и возможности влиять на принятие судьбоносных решений. Именно такой смысл вкладывают в понятие демократизации россияне и подавляющее большинство бывших граждан Союза. Согласно данным исследовательской группы ЦИРКОН, 52% россиян под демократией понимают такой порядок, при котором все граждане независимо от социального статуса имеют равные права и свободы, и 35% полагают, что демократия – это режим, обеспечивающий подотчетность власти народу²⁶³.

Выступая на Международной конференции «Устойчивость современных политических систем» в Санкт-Петербурге, организованной 29 января 2016 г. Российским обществом политологов, Эрик Земмур (Париж) высказал точку зрения, согласно которой существует некая корреляционная зависимость между уровнем политической власти и демократией. При этом

---

²⁶¹ *Коммерсант*. Власть. 2014. № 5. С. 9.

²⁶² *Платтнер М.* От либерализма к либеральной демократии // *Апология*2005. № 1 (1). С. 3.

²⁶³ *Россияне о демократии*. Пресс-релиз. 15 ноября 2010 года. Исследовательская группа ЦИРКОН.

он отметил прямую обусловленность социального равенства сильной политической властью и, напротив, демократии ее слабостью²⁶⁴.

Безусловно, классовый, буржуазный характер демократии (выражаясь терминами забытой учебной дисциплины научного коммунизма) антиномичен архитектуре общественного устройства, воспроизводящего социальное равенство и уж тем более открывающего возможность широким массам участвовать в принятии политических решений.

Современные политологи вполне определенно высказываются на этот счет. Так, по мнению представителя институциональной школы Г.В. Голосова, демократические институты («правила игры») действуют «в интересах не всякого правящего класса, а нормального, который в капиталистическом обществе часто называют национальной буржуазией»²⁶⁵. В условиях деформированного «ублюдочного», «кумовского», «трофейного» и др. капитализма, генерированного посткоммунизмом, единственным гарантом другой, «не буржуазной» демократии является избыточная государственная власть.

Таким образом, логика когнитивного поиска механизма демократической режимной трансформации постсоветских республик требует обратиться к факторам и условиям, способным инициировать качественные изменения властных структур, обеспечивающих их «дрейф» из «сумеречной зоны» в сторону демократии.

Как показывает практика постсоветских политических режимов, для этих целей малопригодны традиционные средства, прочно вошедшие в инструментарий транзитологии. В частности, не оправдал ожиданий демократов «консенсус», или «соглашение», элит. В западной модели либеральной демократии, где «открытые, честные и конкурентные» выборы обеспечивают переход власти от одной элитной корпорации к другой, передача власти через консенсус элит – вполне работающая демократическая

---

²⁶⁴ Земмур Эрик. Ценности и политические системы // Материалы международной конференции «Устойчивость современных политических систем. СПб., 2016.

²⁶⁵ Голосов Г.В. Демократия в России: инструкция по сборке. СПб., 2012. С. 18.

практика, хотя и не имеющая, вопреки мнению апологетов западного партикулярного опыта, к общественному контролю за властью никакого отношения²⁶⁶.

С точки зрения демократических ценностей, разделяемых гражданами постсоветских государств, консенсус элит не имеет никакого смысла, так как их стратегии ориентированы в направления, не совпадающие с интересами общества.

О глубоком размежевании «массы – элита» сказано достаточно. Так, например, А. Яковлев пишет о состоянии российского социума: «Линия внутреннего напряжения связана с конфликтом «массы – элиты». Он обусловлен социальным неравенством и тем, что российская элита слишком долго не выполняла свои базовые социальные функции, связанные с формированием системы ценностей для общества. Демонстративное потребление и общий цинизм элит в 1990-е годы предопределили глубокое недоверие общества к бизнесу и государству, а также сильные перераспределительные настроения»²⁶⁷.

Анализ сущностных качеств постсоветской элиты, делающих невозможным ее лидерство в демократическом процессе, дал в вышедшей в 2016 году книге М. Делягин. Важнейшим признаком постсоветской элиты является ее органическая встроенность в структуры финансовой олигархии, оторвавшейся в буквальном смысле от национальных интересов. Активы, аккумулирующие материальный ресурс элиты, в большей части конвертируемы в мировой резервной валюте и «контролируются конкурентами (национального. – *Авт.*) общества»²⁶⁸. Собственная страна в представлении «офшорной аристократии» – «"трофейное пространство", вместе с населением подлежащее переработке в имущество, расположенное в фешенебельных странах, или же в пусть и временное, но осязаемое уважение

---

²⁶⁶ Там же. С. 27.

²⁶⁷ Яковлев А. Смысл и назначение воинственности. Что защищает Россия в рамках своей политики // Россия в глобальной политике. Том 13. 2015. № 6. Ноябрь – декабрь. С.132.

²⁶⁸ Делягин М.Г. Светочи тьмы. Физиология либерального клана. От Гайдара и Березовского до Собчака и Навального. М., 2016. С. 735.

со стороны представителей этих стран». Сознание элиты, сформированное предпочтениями «стратегических конкурентов» чужеродно ощущениям «большинства сограждан».

«Отрываясь от общества, элита не просто утрачивает эффективность, – пишет М.Г. Делягин, – но и перестает выполнять свои функции, оправдывающие ее существование. Подвергающаяся форсированной перестройке сознания элита мыслит по-другому, чем ведомое ею общество, исповедует иные ценности, по-другому воспринимает мир и иначе реагирует на него.

Это уничтожает сам смысл формальной демократии (и, в частности, лишает смысла ее институты), так как идеи и представления, рождаемые обществом (не говоря уже о его мнениях и интересах), уже не диффундируют вверх по социальным капиллярам, не воспринимаются элитой и перестают влиять на развитие общества через изменение ее поведения»²⁶⁹.

Важную особенность постсоветских элит в связи со спецификой их генезиса отметил Г.В. Голосов. «Залоговые аукционы» и неблагоприятное приобретение некогда «общенародной» собственности обусловили зависимое положение «новой буржуазии» по отношению к власти, которой принадлежит право обеспечить легитимность «нелигитимной приватизации». Статус предпринимательской верхушки постсоветских республик предполагал скорее не обладание собственностью, а ее ответственное (перед государством) хранение. Поэтому, продолжает мысль Г.В. Голосов, «крупная буржуазия, таким образом, не стала национальным правящим классом в двух смыслах: во-первых, она не национальна, поскольку ее основные материальные интересы связаны с зарубежными активами, а во-вторых, она не правит»²⁷⁰.

---

²⁶⁹ Делягин М.Г. Светочи тьмы. Физиология либерального клана. От Гайдара и Березовского до Собчака и Навального. М., 2016. С. 736, 738, 739, 741-742.

²⁷⁰ Голосов Г.В. Демократия и Россия: инструкция по сборке. СПб., 2012. С. 19.

«Неадекватность качеству и состоянию» «политико-административной элиты задачам преобразования» Я.А. Пляйс считает «главной причиной» «затянувшегося транзита»²⁷¹.

Специфику постсоветского правящего класса как важной составляющей элитного сообщества, активно влияющей на ход и содержание политических преобразований, отмечает Н.С. Розов. По его мнению, неукорененность этого элитного сегмента и его нежелание двигаться в направлении демократического транзита усугубляются тем, что государственный бюджет формируется не за счет налогов из реального сектора экономики, а за счет сырьевого сектора. В таких условиях правящая элита не заинтересована в публичности сферы принятия решений и становится «непроницаемой» к общественным интересам²⁷².

Неспособность правящей элиты новых независимых государств к консолидации, необходимой для продвижения демократии, считает Н.С. Розов, обусловлена ее местом в «неопатримониальных режимах». «Высокая стабильность жестких авторитарных и тоталитарных режимов, – пишет он, – объясняется монополизацией главных политических ресурсов правящей группой, а также сплоченностью, солидарностью элит, которая обычно обеспечивается страхом их членов «выпасть из обоймы», благоприятными условиями ренты, личной харизмой правителя, геополитическим престижем, заслуга обеспечения которого приписывается лидеру, эффектом «принудительной коалиции» – уверенностью, что каждый отступник будет подавлен соединенными усилиями тех, кто сохранил лояльность»²⁷³.

Неэффективность управления государством правящей элитой воспроизводится «при различных правителях» (Украина, Киргизия), а попытки изменить ситуацию «наталкиваются на сильное сопротивление»,

---

²⁷¹ Пляйс Я.А. Почему России нужна новая элита? // Обозреватель-Observer. 2015. № 2. С.57.

²⁷² Розов Н.С. Неопатримониальные режимы: разнообразие, динамика и перспективы демократизации // Полис. 2016. № 1. С. 145.

²⁷³ Там же. С. 148.

т.к. ее целеполаганием является участие в распоряжении рентой в обмен на лояльность властному центру, а не решение управленческих задач²⁷⁴.

Значительная часть исследователей постсоветской политической реальности отмечают, что элитные сообщества новых независимых государств не являются носителями либеральной идеологии, а лишь воспроизводят «квазилиберализм», заключающийся «в свободе его носителей не подчиняться желаниям и настроениям большинства»²⁷⁵.

Постсоветская элита не только не способна инициировать демократический транзит, но, напротив, в силу своих родовых качеств препятствует этому процессу, в том числе оказывая действия, направленные на поддержание статус-кво авторитарной власти²⁷⁶.

Исследователь высших чиновников постсоветской исполнительной власти Ю. Хаски обратил внимание на их отличие от советских руководящих кадров. По его утверждению, советские управленцы «пытались мобилизовать общество», а современные заинтересованы в поддержании его инертного состояния²⁷⁷.

Положение элитных сообществ, поставленное в зависимость от результатов конкуренции в доступе к статусной ренте, предполагает: во-первых, волатильность ее лояльности к центральной власти, а во-вторых, угрозу стабильности режима, связанную с конъюнктурой стоимости источника природной ренты²⁷⁸. Мало того, опора центральной власти на элиту, традиционно вызывавшая отторжение общества, олицетворяющего персону первого руководителя государства с носителем интересов народа, вносит деструктивный компонент в процесс ее социализации. Так, по данным Левада-Центра, почти 50% российского населения на протяжении последних трех лет отрицательно относится к тому, что президент «связан с крупным

---

²⁷⁴ Гельман В.Я. Порочный круг «недостойного управления» // Ведомости. № 86 (4075). 2016.

²⁷⁵ Черняховский С.Ф. Самозванцы либерализма. Идеология «золотой рыбки» // Свободная мысль. 2015. № 5 (1653). С. 79.

²⁷⁶ Гельман В.Я. Из огня да в полымя: российская политика после СССР. СПб., 2013. С. 25.

²⁷⁷ Hus Key E. Elite Recruitment and State-Society Relations in Technocratic Authoritarian Regimes: The Russian Case // Communist and Post-Communist Studies. 2010. Vol. 43. № 4. P. 363-372. DOI: <http://dx.doi.org/10.1016/j.postcomstud.2010.10.004>.

²⁷⁸ Ратленд П. Постсоветские элиты России // Полис. 2016. № 3. с.69.

капиталом», «с коррумпированными политиками» и отчужден «от интересов народа»²⁷⁹.

Таблица 10

Что вам не нравится в Президенте России?	Ответы респондентов по годам, %						
	1999	2002	2007	2011	2014	2015	2016
Он связан с крупным капиталом	-	-	-	9	19	21	17
Он связан с коррумпированными политиками	2	7	4	6	18	19	17
Ему чужды интересы народа	3	3	6	6	9	7	11
Он не справляется с руководством страной	3	5	3	5	4	4	6
У него нет четкой политической линии	5	13	4	4	3	8	5
Все его действия рассчитаны лишь на повышение собственной популярности	5	10	4	5	6	5	5
Это недальновидный политик	2	3	3	3	2	2	3
Он не способен к компромиссам	3	2	2	2	1	2	3
Он не пользуется уважением среди окружающих меня людей	2	3	2	4	3	3	2
Это слишком жесткий политик	6	3	2	3	4	2	2
У него нет ярких политических качеств	8	7	3	3	1	2	2
Это слабый, нерешительный человек	1	4	2	2	2	2	1
Он не способен вести за собой людей	4	2	1	2	2	1	1
Это внешне несимпатичный человек	5	3	1	2	1	1	1
Это беспринципный человек	1	1	1	1	1	1	1
Он связан с Ельциным и его окружением	16	29	12	-	-	-	-
Он опирается только на генералов и спецслужбы	-	9	6	-	-	-	-
Другое	4	3	6	5	3	6	4
Все нравится, затрудняюсь ответить	53	42	62	58	49	51	53

Прочерк – вопрос не задавался.

Видимо, учитывая деактуализацию «соглашения элит» в процессе перехода общества от авторитаризма к демократии, британский политолог Арчи Браун сместил акцент в «демократическом транзите» на «инклюзивное и коллективное лидерство». При этом ясно представленный (на материале Чили и Бразилии) «консенсус со стороны политиков, приверженных демократическим ценностям», не сопровождается внятной артикуляцией А. Брауном феномена «коллективного лидера» как субъекта модернизационного процесса²⁸⁰.

²⁷⁹ Коммерсант. Власть. 18 мая 2016 г. С. 14. <http://www.kommersant.ru/doc/2986899>

²⁸⁰ Браун А. Политическое лидерство и политическая активность // Полис. 2016. № 1. С. 110.

Если лидерство обеспечивается действующим президентом (как в приводимом автором примере Бразилии и ее президента Фернанду Энрики Кордезу), то такая трактовка движущих сил перехода от авторитаризма к демократии вполне вписывается в обосновываемую модель «конвервативной модернизации» постсоветских политических режимов²⁸¹. Кроме того, ведущий научный сотрудник ЦЭМИ РАН, профессор университета «Мемориал» (Канада) А. Олейник, выражая точку зрения, разделяемую многими политологами, утверждает, что «для продвижения демократических правил игры (на постсоветском пространстве. – *Авт.*) требуется переход оппозиционных сил к модели работы без явно выраженных лидеров»²⁸².

Неадекватность постсоветской элиты потребностям модернизации и ее контрпродуктивная социальная позиция актуализируют проблему определения и генерирования субъекта современных социальных трансформаций, совпадающих с демократическим трендом и придания на этой основе большей динамичности общественно-политическим системам новых независимых государств.

В связи с определением акторов модернизационного процесса важно заметить, что эффективность «одного центра власти» зависит от двух функциональных характеристик: во-первых, «успевать воспринимать и реагировать на ключевую информацию, отражающую события»²⁸³, т.е. респонсивности или чувствительности «к нуждам членов общества, занимающих нижние ступени социальной иерархии»²⁸⁴; во-вторых, «сравнительно эффективно корректировать нарушения, которые допускает его бюрократия»²⁸⁵. Логично предположить, что эволюция центральной власти в направлении, обеспечивающем указанные функции, не только гарантирует собственную стабильность, но и позволяет привлечь к принятию

---

²⁸¹ Там же. С. 111.

²⁸² Олейник А. Оппозиция без лидерства // Ведомости. 2016. № 79 (4068).

²⁸³ Любимов И. Плюсы горизонтали // Ведомости. 2016. № 87 (4078).

²⁸⁴ Дискин И.Е., Федоров В.В. Респонсивность современной российской политической системы // Мониторинг общественного мнения. 2010. № 6 (100.Ноябрь – декабрь. С. 4.

²⁸⁵ Любимов И. Указ. соч.

решений широкие массы, что в конечном итоге приводит к результату, в большей степени, чем западные представительные институты, отвечающему смыслу и ценностям демократического порядка.

Для характеристики первой из отмеченных функций «одного центра власти», например российского, вполне применимы исследования его респонсивности 2010 года. Авторы мониторинга И.Е. Дискин и В.В. Федоров отмечают, что благодаря развитию коммуникаций «представители практически всех социальных групп оценивают уровень информированности властей о проблемах населения как достаточный». «Результаты исследования убедительно показали, что респонсивные способности современного российского государства достаточно высоки. С мнением, что власти прислушиваются к взглядам и запросам населения, согласно относительное большинство опрошенных. Данные опросов населения подтверждают, что действия президента и правительства отражают или в значительной степени отражают интересы большинства населения. Об этом же свидетельствует высокий уровень совпадения проблем, наиболее значимых для малообеспеченных, массовых слоев населения (пенсионеры, бюджетники, рабочие): доходы, цены, занятость и приоритеты действий власти, сосредоточившей в ходе кризиса 2008-2009 годов свои усилия на решении приоритетных для этих групп населения проблем»²⁸⁶.

Президент Казахстана Н.А. Назарбаев неоднократно отмечал, что основным ориентиром при принятии важных политических решений является общественное мнение и «интересы народа». В выступлении на VII внеочередном съезде Республиканской партии «Отан», который прошел 15 июня 2004 года в Астане, он заявил: «Все эти годы построение современного демократического государства было нашей стратегической целью, к которой мы шаг за шагом уверенно движемся. Реальностью в Казахстане стал политический плюрализм, многопартийность.

---

²⁸⁶ Дискин И.Е., Федоров В.В. Респонсивность современной российской политической системы // Мониторинг общественного мнения. 2010. № 6 (100). С. 7, 8.

Сформированы крупные и обладающие реальным влиянием политические партии, повышены их роль и влияние в избирательном процессе... Эффективно действует двухпалатный Парламент, в котором представлены самые различные политические партии, в том числе и оппозиционные... В стране созданы и активно действуют институты гражданского общества. Это, прежде всего, более 4,5 тысячи неправительственных организаций... Но самое главное – за годы реформ мы раскрепостили гражданскую инициативу людей. У нас активно формируется средний класс – основной носитель либеральных ценностей, оплот демократии. Это тоже конкретный результат последовательных политических реформ²⁸⁷.

Даже если считать признание авторитарными правителями гражданской инициативы и общественного мнения в качестве важного источника формирования политической повестки «демократическим камуфляжем», то сама артикуляция этого положения говорит о том, что власть осознает необходимость укрепления собственной легитимности через учет общественных интересов. С расширением коммуникационных возможностей открываются новые перспективы в диалоге общества и власти, что, во-первых, заставляет последнюю неизбежно предпринимать шаги в направлении демократизации и, во-вторых, восполняет дефицит ее легитимности по мере движения по пути демократических преобразований.

Контраргументом сказанному являются утверждения «скептиков либералов», которые вслед за Е.Г. Ясиным утверждают, что поддержка населения «делает режим легитимным, даже при свертывании демократических институтов»²⁸⁸ и тем самым консервирует авторитаризм. Однако такая позиция вряд ли может быть признана объективной.

Тем более что, как отмечал Г. О'Доннелл, большинство граждан поставторитарных стран, не вполне разделяя демократические ценности (в их западной артикуляции), все же являются сторонниками «антиавторитарных

---

²⁸⁷ Нурсултан Назарбаев – о новом этапе демократизации казахстанского общества // Номад. 2004. 16 июня (<http://www.nomad/su/?a=3-200406160022/>)

²⁸⁸ Ясин Е.Г. Приживется ли демократия в России? М. : Новое издательство. 2006. С. 297.

позиций»²⁸⁹. Позволим себе воспроизвести цитату из «трактата о первоосновах правления» Томаса Пейна, который утверждал, что «пока народ можно убедить в том, что у него нет никаких прав, или что права принадлежат только определенному классу людей, или что правительство существует для себя, авторитетно править им не составляет труда. Невежество, в котором он пребывает, и суеверия, которых он придерживается, создают для этого все условия. но когда невежество, а вместе с ним и суеверия уйдут, когда народ осознает весь обман, когда он поймет, что все существующие в мире богатства, помимо тех, что сотворены самой природой, создаются ремесленниками и земледельцами, когда он ощутит свою полезность и свои права, им уже больше нельзя будет править, как прежде»²⁹⁰.

Исследования «Евразийского монитора» свидетельствуют о наличии корреляции уровня социальной адаптации и оценки деятельности президента постсоветских независимых государств, отражающей зависимость состоятельности центра власти и общественного самочувствия. Причем, как показывают нижеприведенные данные опроса, указанная казуальность прослеживается в наименьшей степени в тех странах, которые признаются Freedom House наиболее свободными:

---

²⁸⁹ G.O'Donell. *Transitions, Continuities, and Paradoxes*, In: Sc.Mainwaring, G.O'Donell and A.Valenzuela (Eds.), *Issues in Democratic Consolidation: The New South American Democracies in Comparative Perspective*, Notre Dame, 1992. P. 20.

²⁹⁰ Пейн Т. *Избранные сочинения*. М., 1959, с.234.

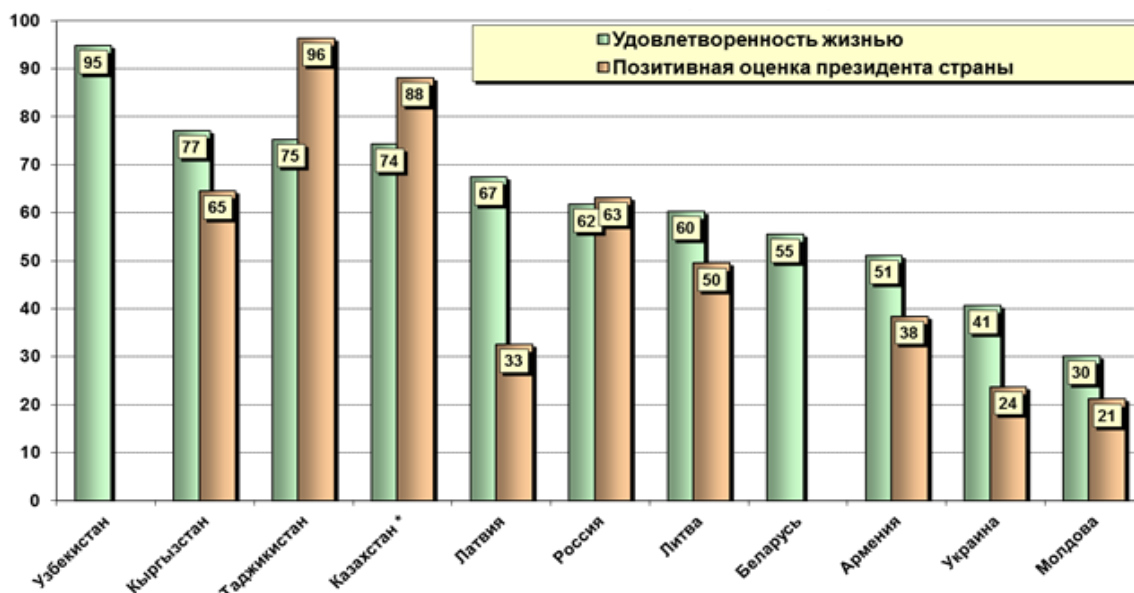
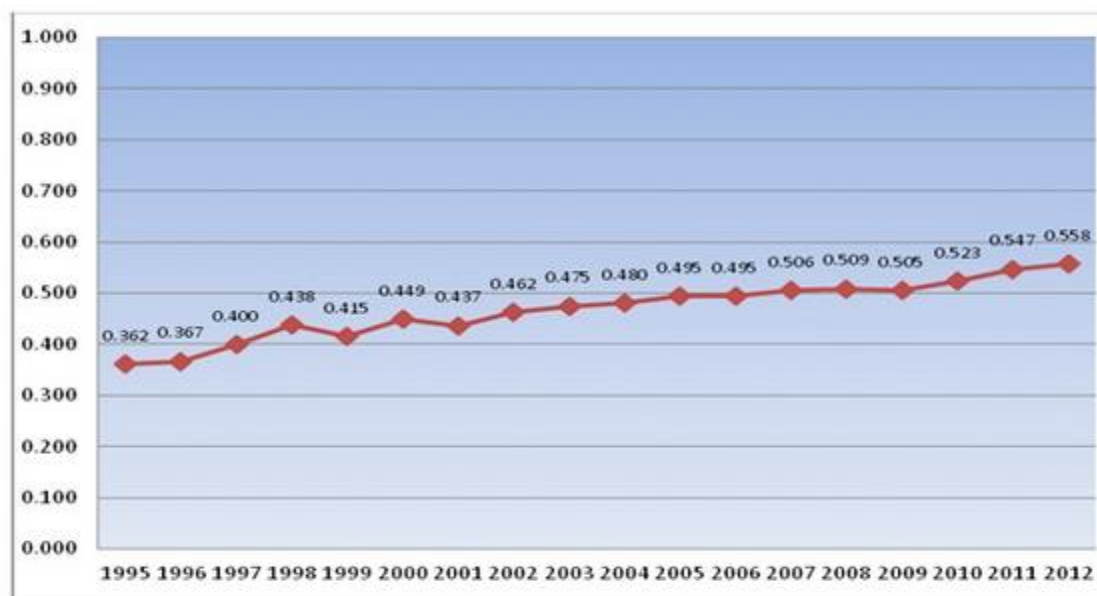

Рис. 10. Сравнение уровней социальной адаптации²⁹¹ и позитивной оценки деятельности президента страны

Согласно результатам исследования, основанного на методологии Центра европейских исследований и сопоставлении нескольких объективных показателей, уровень демократии в Армении неуклонно повышается²⁹².

Источник: <http://ru.aravot.am/wp-content/uploads/sites/2/2016/02/QIP-Shot-Screen-011.jpg>

Рис.11. Индекс уровня демократии Армении (1995-2012 гг.)

²⁹¹ НП «Евразийский монитор». Зима 2012/13. С. 29.

²⁹² Индекс уровня демократии в Армении: исследование АИМОБ (<http://ru.aravot.am/2016/02/22/201169/>)

В отличие от позиции «скептиков» в значительной степени опосредованной приверженностью западному культурному опыту представляется более взвешенной позиция, высказанная Н.А. Барановым. По поводу перспективы постсоветских политических трансформаций он пишет: «Вертикаль власти отодвигает демократию, но в результате повышения уровня жизни у российских граждан, формирующих гражданское общество, все в большей степени будет возникать потребность во влиянии на политические процессы, что в конечном итоге может стать гарантией формирования демократических политических институтов»²⁹³.

Итак, переход к информационному обществу сопровождается развитием коммуникаций и новыми возможностями интерактивного взаимодействия общества и власти, последняя обретает субъектность в процессе политической модернизации, открывающей демократическую перспективу развития.

Как уже отмечалось, утверждение демократического вектора эволюции власти, основанной на централизованной вертикали, определяется ее способностью корректировать деятельность административно-чиновничьего аппарата, обладающего потенцией к извлечению «статусной ренты». Как показал опыт постсоветского развития, центральная власть сама, во многом продуцирующая порядок, основанный на статусных привилегиях, неспособна справиться с задачей эффективного контроля за разрастающимся административным аппаратом. Доказательством тому может служить хотя бы пример личного вмешательства Президента РФ в дела небольшого рыбзавода на одном из островов Курильского архипелага или в целом характер вопросов, поступающих в его адрес на ежегодных пресс-конференциях.

Отечественные и зарубежные исследователи единодушны в том, что основная роль в постсоветском демократическом транзите принадлежит

---

²⁹³ Баранов Н.А. Институализация России: особенности национальной идеи // Политэкс. 2007. Т. 3. № 4. С. 81.

гражданскому обществу²⁹⁴. Во-первых, потому что механизмы прямой демократии, олицетворяющие подлинное народовластие, пока несовершенны²⁹⁵, а во-вторых, гражданское общество в условиях депривации традиционных политических институтов консолидации общественных политических предпочтений (политических партий) становится единственным связующим механизмом народа и власти, инициирующим демократические преобразования.

Однако одни исследователи полагают, что коммунистический тоталитарный режим в советский период подавил даже зачаточные формы гражданственности²⁹⁶, другие говорят о зачаточности современных «структур гражданского общества»²⁹⁷ и, наконец, третьи утверждают, что «демократия в России не может быть построена «снизу», поэтому демократические политические институты должны создаваться «сверху»²⁹⁸.

Однако, как показала практика, созданные государством неправительственные структуры точно так же, как и инспирированные извне, обладают весьма ограниченным потенциалом влияния на демократический процесс. В этой связи представляется, что демократический транзит способны обеспечить прежде всего структуры гражданской солидарности, нарождающиеся вне государственной инициативы. Бесспорно утверждение, что «в посткоммунистических "обществах транзита" не оформились еще до конца массовые групповые интересы, составляющие базовое основание гражданских отношений. Отсутствие таких четко структурированных массовых интересов, следовательно, и ясно выраженной социальной идентификации каждого индивида, препятствует формированию

---

²⁹⁴ *Обязательным* условием перехода от либерализации режима к обретению им институциональных качеств демократии Ф.Шмиттер считает «мобилизацию структур» гражданского общества // Шмиттер Ф. Процесс демократического транзита и консолидации демократии // Полис. 2000. № 3. С. 32.

²⁹⁵ *Симонов К.* Зачем нужны референдумы // Ведомости. 2016. № 115 (4104).

²⁹⁶ *S.M.Terry.* Thinking about Post-Communist Transitions. How Different are They? "Slavic Review", Vol. 52. № 2. 1993. P. 336.

²⁹⁷ *Вайнштейн Г.И.* Закономерности и проблемы посткоммунистических трансформаций // Политические институты на рубеже тысячелетий. Дубна. 2001. С. 162.

²⁹⁸ *Баранов Н.А.* Институализация в России: особенности национальной модели // Политэкс. 2007. Т. 3. № 4. С. 75.

гражданских объединений и эффективным групповым действиям. Институциональная модернизация государства здесь значительно опередила модернизацию общества»²⁹⁹.

Вместе с тем, несмотря на медленные темпы формирования, гражданское общество становится неотъемлемой частью постсоветской реальности и дезавуирует аргументы тех, кто утверждает, что этот социальный феномен – продукт исключительно западной цивилизации, не имеющий оснований в культурном опыте народов постСССР (термин В. Гельмана). Например, в России сегмент «неполитического гражданского активизма» составляет 34%³⁰⁰, а слой граждан, включенных в политическое участие, охватывает пятую часть населения³⁰¹. Причем следует отметить, что подавляющее большинство (79-81%) «участвующих в деятельности неполитических общественных организаций, в той или иной форме включены в политическую жизнь страны»³⁰². Судя по результатам опроса, количественные данные, характеризующие развитие гражданского общества Белоруссии, находятся приблизительно в том же диапазонном масштабе³⁰³.

Актуальным показателем влияния гражданского общества на политическую повестку стали регулярные кампании по сбору подписей в Интернете. Собранные 150 тыс. голосов граждан стали решающими в принятии решения об отставке в России омбудсмена Павла Астахова; почти миллион россиян проголосовали за роспуск национальной сборной по футболу; более полумиллионная российская аудитория высказалась против законодательной инициативы депутата Государственной думы Яровой³⁰⁴.

---

²⁹⁹ *Линецкий А.В.* Институты гражданского общества в общественных трансформациях. Теория и практика посткоммунистических стран // Политэкс. 2007. Т. 3. № 4. С. 124.

³⁰⁰ *Петухов В.В., Бараиш Р.Э., Седова Н.Н., Петухов Р.В.* Гражданский активизм в России: мотивация, ценности и формы участия // Власть. 2014. № 9. С. 13.

³⁰¹ *Железнова М.* Территория пессимизма // Ведомости. 2016. № 127 (4116).

³⁰² *Петухов В.В., Бараиш Р.Э., Седова Н.Н., Петухов Р.В.* Гражданский активизм в России: мотивация, ценности и формы участия // Власть. 2014. № 9. С. 14.

³⁰³ *Политические ценности граждан Беларуси* // Институт белорусской истории и культуры. Минск, 2014. С. 11.

³⁰⁴ *Аптекарь П., Сеницын А.* Страна петиций // Ведомости. 2016. № 125 (4114); *Крашенинников Ф.* В Интернете врать не будут // Ведомости. 2016. № 126 (4115).

Однако важной с точки зрения определения основных силовых направляющих консервативной модернизации является не только и не столько констатация поступательного развития постсоветского гражданского общества, сколько выявление особенностей генезиса и сущностных качеств, вытекающих из его природы.

Как отмечал, например, Фрэнсис Фукуяма, основу гражданской солидарности на Западе составляет индивидуализм, который определяет развитие гражданского общества по направляющей «индивидуальное-общественное». «Если говорить немного упрощенно, – пишет он, – "то мы появляемся на свет не как сверхсоциализированные члены общества", а скорее как изолированные индивиды с багажом эгоистичных желаний и предпочтений. Однако во многих случаях мы можем удовлетворить эти предпочтения более эффективно, если будем сотрудничать с другими людьми, и в результате приходим к созданию норм сотрудничества, управляющих взаимодействием членов общества»³⁰⁵.

Из этой основополагающей характеристики следует другая черта западного гражданского общества, а именно наличие в его социетальных скрепах «достаточного поля, где главенствует частная жизнь, легитимная по своему собственному праву и огражденная от необоснованного вмешательства государства»³⁰⁶.

Отмеченный фундаментальный признак западного гражданского общества как нельзя более отчетливо проявляется в общественно-политическом процессе США. Неслучайно американский уровень местного самоуправления демонстрирует значительно больший демократизм, нежели уровень федеральный³⁰⁷. Другим важным признаком западного гражданского общества, прямо вытекающим из его сущности, является агрегирование среднего класса.

---

³⁰⁵ Фукуяма Ф. Великий разрыв. М., 2008. С. 207.

³⁰⁶ Линецкий А.В. Институты гражданского общества в общественных трансформациях: теория и практика посткоммунистических стран // Политэкс. 2007. Т. 3. № 4. С. 123.

³⁰⁷ Закария Ф. Возникновение нелиберальных демократий // Логос. 2004. № 2 (12). С. 67-68.

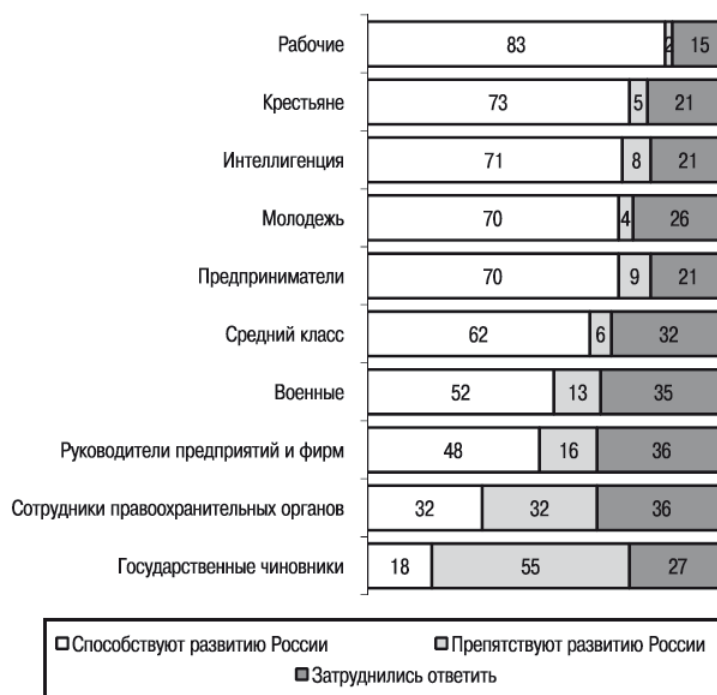
Иной солидарности в обществе, где абсолютизируются интересы индивида, кроме солидарности «собственников», трудно представить. Формирование среднего класса значительная часть политологов считает необходимым условием постсоветского демократического транзита. «Иными словами, – пишет Е. Мачкув, – требуется создать... "класс" владельцев собственности в надежде, что возникшее в результате членения общества на богатых и бедных относительно быстро приведет к формированию мелких и средних коммерческих предприятий и среднего класса. Думается, что успех посткоммунистической демократизации будет во многом зависеть от того, как скоро это произойдет»³⁰⁸. Однако практика посткоммунистического общественного развития дает основание сомневаться в высказанном утверждении.

В марте – апреле 2010 года Институт социологии РАН провел исследование, целью которого стал ответ на вопрос: «Готово ли российское общество к модернизации?»³⁰⁹ Согласно опубликованным результатам исследования, по мнению россиян, средний класс обладает значительно меньшим потенциалом в модернизации страны, нежели рабочие, крестьяне, интеллигенция и молодежь.

---

³⁰⁸ Мачкув Е. Преобразование коммунистического тоталитаризма и посткоммунистическая трансформация; проблемы, концепции, периодизация // Полис. 2000. № 4. С. 46.

³⁰⁹ Готово ли российское общество к модернизации? / под ред. М.К. Горшкова, Р. Крумма, Н.Е. Тихоновой. М. : Весь мир, 2010.

Рис. 11. Доля населения, оценивающего различные социальные группы как способствующие или препятствующие развитию России, %³¹⁰

Те, кого принято относить к среднему классу в постсоветской реальности, составляют социальную базу потенциальных эмигрантов. В 2015 году из России уехали на постоянное место жительства в другие страны 2000 долларовых миллионеров (2% от общего числа). В международном рейтинге оттока состоятельных собственников за 2003-2013 годы Россия стала пятой, потеряв за этот период 14 000 миллионеров³¹¹.

Причина указанного несовпадения основных сущностных характеристик западного и формирующегося на постсоветском пространстве гражданского общества коренится в отличии ценностных ориентиров его генезиса. В отличие от западного, гражданское общество постСССР выстраивается в соответствии с традиционно-общинной архитектурой миропорядка: «от общественного к индивидуальному». Гражданскую

³¹⁰ Там же. С. 128.

³¹¹ Железнова М. Финансовые мигранты // Ведомости. 2016. № 64 (4053).

консолидацию финансируют не индивидуальные, а «соборные» предпочтения. Согласно данным опроса целевых групп (проявляющих гражданскую активность), организованного Институтом стран СНГ в 2013-2014 годах в России, Казахстане и Армении, большая часть участников общественных движений, волонтеров, благотворителей и др. руководствуется далеко не индивидуальными интересами, а желанием проявить «гражданскую позицию»³¹².

Таблица 11

Причина участия в гражданской акции	Россия (2014 г.), %	Казахстан (2013 г.), %	Армения (2013 г.), %
Личные выгоды, связанные с возможностью перспективы карьерного роста	—	1,1	1,2
Признание в коллективе	14,1	11,5	7,4
Апробация собственных лидерских качеств	1,1	2,1	1,2
Возможность приобретения профессиональных навыков	—	—	—
Административное распоряжение	2,1	1,9	3,1
Стимулирование предпочтениями в учебе	1,2	1,1	1,4
Ощущение сопричастности с общественными потребностями	61,3	51,7	47,4
Желание проявить гражданскую позицию	78,8	61,4	52,3

Аккумуляция смыслов, инициирующая гражданскую консолидацию в плоскости общественных интересов обуславливает, во-первых, непростой путь становления гражданского общества, так как формирование ценностей солидарности сложноструктурированного социума настолько же сложно, насколько сложна выработка национальной идеологии;

³¹² Егоров В.Г., Абрамов А.В., Федорченко С.Н. Сравнительная политология постсоветского пространства. М., 2015. С. 365.

во-вторых, включенность структур гражданского общества в политический процесс и его активную позицию в диалоге с властью.

Иначе говоря, трудно формируемые институты гражданского общества изначально обретают политическую субъектность и непосредственно влияют на ход и направления модернизации, становясь трансляторами и в известной степени проводниками общественных интересов.

Таким образом, целеполаганием консервативной модернизации является политический порядок, в котором сохраняется доминирующее положение централизованной власти, постоянно испытывающей (для создания условий сохранения стабильности) необходимость в социализации и расширении политического участия. Катализатором поступательного движения власти в этом направлении являются нарождающиеся институты гражданского общества. Нельзя не согласиться с тем, что «граждане добровольно подчиняются решениям государственных институтов, когда считают их действия справедливыми. Гарантией принятия этих решений как справедливых является наличие работоспособных промежуточных звеньев между гражданами и государством – институтов гражданского общества, а не просто факт выборности власти. Только при этих условиях критерии справедливости официальной власти могут быть увязаны с критериями справедливости, принятыми в повседневной жизни большинством граждан. Поэтому посредничество институтов гражданского общества между гражданами и государством обеспечивает не только "трансляцию" неформальных норм на уровень норм официального права, но и их универсализацию, то есть принятие их как справедливых членами общества»³¹³.

Релевантность моделей демократии, отражающих национальный культурный опыт, отметил еще О. Шпенглер. «Английский инстинкт, – писал он, – привел к решению: власть принадлежит личности. Свободная борьба

---

³¹³ *Линецкий А.В.* Институты гражданского общества в общественных трансформациях: теория и практика посткоммунистических стран // Политэкс. 2007. Т. 3. № 4. С. 127.

индивидуальностей, торжество сильного, либерализм, первенство. Не нужно больше государства... Французский инстинкт решает: власть не принадлежит никому. Никакого подчинения и, следовательно, никакого порядка. Не государство, а ничто: равенство всех, идеальный анархизм, на практике (1799, 1851, 1871, 1918) жизнеспособность целого сохраняется только благодаря деспотизму генералов или президентов.

И то и другое называется демократией, но в совершенно разном значении этого слова³¹⁴». В отличие от английского и французского, «немецкий, точнее прусский инстинкт говорит: власть принадлежит целому. Отдельное лицо ему служит. Целое суверенно. Король – только первый слуга своего государства (Фридрих Великий). Каждому отводится предназначенное ему место. Приказывают и повинуются. Все это начиная с XVIII века и есть авторитарный социализм, по своему существу чуждый либерализму и антидемократичный, поскольку речь идет об английском либерализме и французской демократии³¹⁵».

Консервативный путь политической модернизации постсоветских режимов отнюдь не находка современного научного и практического поиска. Необходимость учета историко-культурного контекста, выраженного избыточной централизацией власти, при переходе к демократии видел, например, И. Ильин, сам ставший жертвой тоталитарного режима. По его мнению, попытка ускоренного внедрения западных демократических институтов неизбежно «разложит государство на систему маленьких и бессильных общинок, сделает невозможным единение и правопорядок, даст преобладание дурному количеству над творческим качеством, захлебнется в волнах демагогии и смуты и очнется под пятой у тирана». Для свободной России он полагал приемлемым политический порядок, представляющий собой: «сочетание из "учреждения" и "корпорации", которое соответствовало бы русским, национальным и историческим данным,

---

³¹⁴ Шпенглер О.. Пруссачество и социализм. М., 2002. С. 27.

³¹⁵ Там же. С. 26.

начиная от наличного в России по-революционного правосознания и кончая национальной территорией»³¹⁶.

Осознавая пагубность для постсоветской трансформации демократических институтов западного образца, И. Ильин пророчески заявлял, что «прежде, чем русский народ будет в состоянии произвести осмысленные и не погибельные политические выборы» «его может повести только национальная патриотическая, отнюдь не тоталитарная, но авторитарная – воспитывающая и возрождающая – диктатура... организующая новую неформальную демократию, а потому демократическая диктатура; – не демагогическая, "сулящая" и развращающая, а государственная, упорядочивающая и воспитывающая; не угашающая свободу, а приучающая к подлинной свободе»³¹⁷.

Идеи И. Ильина не только нашли отклик в отечественном интеллектуальном сообществе, но и получили развитие во взглядах современных западных политологов. В частности, Ф. Закария таким образом оценивает режим нынешнего президента России: «Путин выступает в роли настоящего реформатора, но никто не поднимает вопроса в связи с его впечатляющим усилением власти, особенно по отношению к Думе и губернаторам областей, двум другим основным источникам политической власти в России. В действительности он создал избираемую автократию и теперь проводит либеральную реформу. Идея состоит в следующем: желание иметь демократию позволяет создать суперпрезидента, мягкого автократа, который сможет затем предложить реальную демократию»³¹⁸.

В то же время признание необходимости использования сильной централизованной власти при переходе к народовластию совсем не означает абсолютизацию авторитаризма и придание последнему характера незыблемой стратегии общественного развития. Суть консервативной

---

³¹⁶ Ильин. И. О грядущей России. Избранные статьи. М., 1993. С. 26.

³¹⁷ Там же. С. 187.

³¹⁸ Закария Ф. Неизбежная демократия пять лет спустя: судьба демократии в двадцать первом веке // Логос. 2004. № 2 (42). С. 77.

модернизации заключается в ориентации на формирование посредством этой особенности политического ландшафта, предполагающего широкое политическое участие. Смысл сказанного хорошо воспроизводят мысли Н. Бердяева. «Вся русская история и вечный конфликт инстинкта государственного могущества с инстинктом свободолюбия и правдолюбия, – писал он, – породили глубокую противоречивость национального характера народа, выражающуюся в том, что он является в одно и то же время "государственно-деспотическим" и "анархически-свободолюбивым"»³¹⁹.

Основаниями верификации консервативной модернизации может служить, во-первых, неубывающее доверие населения постсоветских стран институту президентства. Положительные оценки гражданами деятельности президентов отмечаются с завидным постоянством исследовательскими центрами, в том числе представляющими далеко не дружественные структуры. Например, удельный вес сторонников «наличия сильного лидера, которому не приходится беспокоиться по поводу парламента и выборов», в Белоруссии с 2000 по 2008 год увеличился с 33,5% до 61,6%³²⁰. Переизбрание В.В. Путина на новый президентский срок готовы поддержать 70% россиян (2012 – 40%)³²¹. Во-вторых, практический опыт функционирования демократических режимов, включающих конструкт персонифицированного центра власти, опирающегося на участие и поддержку народа или присутствие в политических системах типичных черт последнего.

Самым актуальным для постсоветской модернизации является пример политического устройства древнерусского государства периода политической раздробленности (вторая половина XI – первая половина XIII вв.) Архитектура политической системы отдельных княжеств/земель строилась на основе доминирующего органа прямой демократии – вече и

---

³¹⁹ Бердяев Н.А. Истоки и смысл русского коммунизма. М., 1990. С. 15.

³²⁰ Политические ценности граждан Беларуси. Институт белорусской истории и культуры. М., 2014. С. 8.

³²¹ Число готовых проголосовать за Путина россияне достигло максимума за четыре года/<https://news.mail.ru/society/250228271/>

центральной княжеской власти, стабильность которой³²² целиком зависела от доверия народа.

Президент США Ф. Рузвельт, «натолкнувшись на сопротивление законодательной и судебной ветвей» власти, практиковал «хождения в народ» – частые встречи с массовыми аудиториями простых американцев, поддержка которых позволяла ему представлять себя и свои предложения в качестве «гласа народа». Политологи С. Милкис и М. Нельсон усматривают в стиле руководства Рузвельта особый политический порядок, «означающий установление активных прямых контактов с гражданами в целях склонить их на свою сторону в споре с другими ветвями власти»³²³.

В опоре на общественность видел источник укрепления легитимности своей власти генерал де Голль³²⁴.

Определенно представляя невозможность внедрения в странах с глубокими традициями западного демократического опыта, архитектор «сингапурского чуда» Ли Куан Ю руководствовался представлениями политического устройства, которое является адекватным в качестве ориентира модернизации стран постсоветского пространства. По поводу видения направлений политической трансформации «незападных стран» он сказал: «Необходимо поддерживать постоянный контакт с народом не только для того, чтобы знать их жалобы, но и для того, чтобы руководить ими и организовывать их, прививать им общественные качества, которые будут полезны при строительстве общества»³²⁵. И далее по теме: «Политический же лидер должен обрисовать свое видение будущего перед своим народом, а затем перевести это видение в политику, которая, как он должен убедить

---

³²² См.: *Фроянов И.Я.* Киевская Русь. Очерки социально-политической истории. Л., 1980.

³²³ *Согрин В.В.* США в XX-XXI веках. Либерализм. Демократия. Империя. М., 2015. С. 62-63.

³²⁴ См.: *Молчанов Н.Н.* Генерал де Голль. М., 1972.

³²⁵ *Ли Куан Ю.* Речь в Национальном центре отдыха. Сингапур. 25 апреля 1960 года // Lee Kuan Yew. Speech given at the National Recreation Center. Singapore. April 25. 1960.

народ, заслуживает того, чтобы тот ее поддержал, а в конечном счете убедил бы оказать ему поддержку в претворении этой политики в жизнь»³²⁶.

Архитектура политического режима, основанного на прямом диалоге централизованной власти с обществом, в целом совпадает с общецивилизационным трендом постепенного смещения акцента демократической парадигмы от представительной к непосредственной демократии³²⁷. Таким образом, перспектива консервативной модернизации постсоветских политических режимов основывается не только на признании структурной обусловленности демократического транзита, вызывающем неприятие у сторонников функционального подхода к оценке его предпосылок, но, прежде всего, на учете объективных изменений, связанных с развитием коммуникаций, во-первых, значительно повысившим информационный потенциал власти в укреплении собственной стабильности и, во-вторых, генерировавший «техническую» возможность активного внедрения в политический процесс непосредственной демократии, поднимающей на качественно более совершенный уровень политическое участие.

---

³²⁶ Ли Куан Ю. Политическое руководство в новых обществах : Речь в Торговой палате Сингапура, Гонконг, 8 декабря 2000 года // Lee Kuan Yew “Political Leadership in New Societies”, speech given at the Singapore Chamber of Commerce, Hong Kong. December 8, 2000.

³²⁷ Шульман Е. Будущее государства и государство будущего // Ведомости. 2016. № 312 (4021).

Заключение

Демократическая трансформация постсоветских политических режимов в рамках транзита, обусловленного западной моделью либеральной демократии, очевидно, демонстрирует свою нерелевантность.

Актуализация научного и практического поиска направлений политической модернизации стран постсоветского пространства связана прежде всего с проявившимися признаками депривации западной демократии, олицетворявшей в представлении значительной части политологического сообщества и официальных кругов трансатлантического истеблишмента целеполагание планетарного мейнстрима «конца истории».

Социальная эволюция, результирующая в том числе в новый уровень сложности общественной организации, неизбежно заострила противоречие между абсолютизацией либеральной аксиоматики прав и интересов личности и меньшинства и их представительства через традиционные институты демократии (в том числе конкурентные выборы).

Перспектива совершенствования процедурной демократии (по Шумпетеру) может реально означать лишь повышение уровня транспарентности и конкурентности передачи власти от одного элитного сообщества другому, но не имеет ничего общего с демократической «первоприродой» народовластия.

Одним словом, представительство «сложного социума» становится неразрешимой задачей демократического процесса, требующего по крайней мере научного поиска направлений его модернизации, в том числе за счет внедрения элементов, механизмов, инструментов все более актуализирующейся непосредственной демократии. Именно в прямом диалоге общества и власти, на наш взгляд, коренится стратегия демократической трансформации политических режимов (включая постсоветские).

Думается, конструктивный вектор определения позиции в дискурсе точек зрения относительно факторов, фундирующих демократический транзит (структурных или процедурных), лежит в пространстве их консенсуса. Вряд ли справедливо искать первопричину успеха/неудачи демократических преобразований исключительно в деятельности акторов или функциональности институтов транзита, хотя, безусловно, последние являются важным условием движения к демократии.

Контрпродуктивна и другая крайность, возлагающая « всю ответственность » за демократические преобразования на структурные: социально-экономические; историко-культурные предпосылки. Однако в нашем представлении учет таковых необходим прежде всего не для объяснений успеха или « отката третьей волны » демократии, а для выработки адекватного механизма (инструмента) продвижения демократического процесса.

Историко-культурным основанием архитектуры постсоветских политических режимов явилась особенность процесса формирования государственности, в которую были интегрированы народы бывших союзных республик.

Без учета многовекового опыта политического развития политики любая презентация режимной архитектуры и направлений ее эволюции выглядит метафизической перцепцией (*une vue L'esprit*). В постсоветской социально-политической реальности отсутствуют условия усвоения западного культурного опыта, продуцировавшего либеральную демократию.

Основным цивилизационным достоянием западного мира, породившим современное политическое устройство, является правовой порядок, замещаемый в традиционных обществах народов постСССР обычным правом, этическими нормами, религиозными постулатами и централизованным чиновничье-бюрократическим управлением. Неслучайно утрата ценностных и идеологических ориентиров с развалом СССР повсеместно привела к хаосу.

Однако следует заметить, что верховенство закона не культурное завоевание или качество, изначально присущее ментальности представителей Запада, но закономерное следствие многовекового процесса становления института частной собственности, окончательно не сформировавшегося в новых независимых государствах по сей день.

В условиях правового нигилизма единственным эффективным гарантом прав и свобод граждан после первых неудач «внедрения» демократического порядка стал исторически доминирующий институт персонифицированной централизованной власти.

Справедливо заметить, что постсоветские «центры власти», в отличие от элитных сообществ, являются наиболее динамичными субъектами модернизационного процесса, так как, во-первых, облечены (через процедуру прямых выборов) доверием народа и, во-вторых, в силу естественной природы власти, стремящейся к стабильности, мотивированы к социализации.

Новые возможности агрегирования властью общественных запросов актуализируются развитием процессов, ведущих к революции в коммуникациях. При этом роль диалоговых площадок общества и власти в демократической модели, сохраняющей доминанту централизованной власти, выполняют нарождающиеся институты гражданского общества (возможно, с развитием механизмов непосредственной демократии их арсенал значительно пополнится).

Отличие генезиса и направлений функционирования постсоветского гражданского общества от западного, особые качественные характеристики, как то: значительное присутствие в политической сфере, приоритет консолидации на основе общественных, а не индивидуальных интересов – позволяет считать его релевантным выше обозначенной социальной функции коммуникатора в диалоге общества и власти.

Таким образом, постсоветская модель модернизации не является результатом исключительно теоретических умозаключений или апологией

идеологических предпочтений, но обусловленным культурно-историческим опытом и актуальными цивилизационными трендами, направлением демократической трансформации постсоветских политических режимов.

Список использованной литературы и источников

1. Источники

- 1.1. Готово ли российское общество к модернизации? / под ред. М.К. Горшкова, Р. Крумма, Н.Е. Тихоновой. – М. : Весь мир, 2010.
- 1.2. Гражданское общество Армении. Консолидированные организации гражданского общества. Ереван, 2014//<http://www.civicus.org/images/civicus-Armenia-Policy-Brief.pdf>
- 1.3. Двадцать лет реформы глазами россиян (опыт многолетних социологических замеров). Аналитический доклад //http://www.isras.ru/analytical_report_twenty_years_reports.html
- 1.4. Евразийский монитор (волна IV). – Отчет // <http://www.eurasiamonitor.org/rus/research/event-120.html>
- 1.5. Земская идея в истории социально-политической мысли России. М., 2014.
- 1.6. Индекс уровня демократии в Армении: исследование АИМОБ//<http://ru.aravot.am/2016/02/22/201169/>
- 1.7. Интеграционный барометр ЕАБР-2015 (четвертая волна измерений). – СПб. : ЦИИ ЕАБР, 2015.
- 1.8. Исследовательский проект «Восприятие молодежью новых независимых государств истории советского и постсоветского периодов». Апрель – май 2009 год. Краткий аналитический отчет. М., 2009. С. 42.
- 1.9. Мониторинг общественного мнения. 2010-2014.
- 1.10. Мониторинг миграционных настроений соотечественников, проживающих за рубежом. – М. : МИД РФ, 2012.
- 1.11. Мониторинг социальных настроений населения стран постсоветского пространства. 2004-2012. Основные результаты. 01.03.2013. Евразийский мониторинг.
- 1.12. Народное хозяйство СССР в 1990 г. Госкомстат. – М. : Финансы и статистика, 1991.
- 1.13. Общественное мнение. 2012. Ежегодник. М., 2012. Левада-Центр.

- 1.14. Общественное мнение. 2013. Ежегодник. М., 2014. Левада-Центр.
- 1.15. Общественное мнение. 2014. Ежегодник, М., 2015. Левада-Центр.
- 1.16. Общественное мнение. 2015. Ежегодник. М., 2016. Левада-Центр.
- 1.17. Отношение к неравенству доходов//<http://institutions.com/general/179-2008-06-17-09-01-44.html>
- 1.18. Отчет о научно-исследовательской работе. Анализ сопоставимости статистических характеристик стратегического развития государств – участников СНГ. Публичный отчет. Счетная палата РФ. Государственное научное учреждение. Государственный НИИ Системного анализа Счетной палаты РФ (НИИ СП)//<http://1aya.ru/paper/art-208892.php>
- 1.19. Политическая ситуация в Украине. Рейтинги партий и политиков//<http://rb.com.ua/rus/>
- 1.20. Политические ценности граждан Белоруссии//Институт белоруской гiсторii i культуры. Минск, 2014.
- 1.21. Пути совершенствования деятельности, мнение наблюдателей от СНГ на выборах в государствах – участниках Содружества. Минск, 2010.
- 1.22. Российское общество – 2020. Экспертный образ будущего. Аналитический отчет по итогам экспертного опроса (13.12.15.) Институт социологии РАН. 2015.
- 1.23. Россияне о демократии. Пресс-релиз 15 ноября 2010 года. Исследовательская группа ЦИРКОН.
- 1.24. Россияне о распаде СССР//http://www.Levada.ru/old/14-01-2014/rossiyane-o-raspade_SSSR
- 1.25. Юбилейные даты 2011 года: Research&Branding Group.2011

2. Электронные источники информации

- 2.1. <http://www.delfi.lv/reporter/news/withness/latvijskaya-ekonomika>
- 2.2. <http://www.uznews.net/ru/politics>
- 2.3. <http://www.kdb.kz/ru/analytics>

- 2.4. <http://news.finance.ua>
- 2.5. <http://vesti.ru>
- 2.6. <http://minfin.com.ua>
- 2.7. <http://www.kavkaz-uzel.ru>
- 2.8. <http://www.bbc.com/russian/news>
- 2.9. <http://www.civicus.org>
- 2.10. <http://www.eurasiamonitor.org/rus/>
- 2.11. <http://www.inform.kz/eng/>
- 2.12. <http://www.er.ru>
- 2.13. http://www.azerbaijans.com/content_ Авторитарность versus демократия? Семинар «Новые независимые государства: вступая во второе десятилетие» (11.10.2005) [Электронный ресурс] / Режим доступа: <http://www.carnegie.ru/ru/news/reports/55529.htm?search=undefined&open=6239&isFound=-1> Дата доступа: 16.01.2007.

3. Литература

- 3.1. *Абрамов А.В., Егоров В.Г., Федорченко С.Н.* Сравнительная политология постсоветского пространства. М., 2015.
- 3.2. *Агаев Г.Ш.* Внутриэтническая конкуренция и латентные сообщества в политическом процессе Казахстана. Диссертация на соискание.
- 3.3. *Агаев Г.Ш., Егоров В.Г.* Механизмы купирования последствий политической конкуренции элит// Обозреватель-Observer. – 2014. – № 3 (290). – С. 29-40.
- 3.4. *Алексеева Т.А.* Демократия как идея и процесс. // Вопросы философии. – 1996. – № 6. – С.16-35.
- 3.5. *Алмонд Г.* Гражданская культура и стабильность демократии // Полис. – 1992. – № 4. – С. 122-134.
- 3.6. *Антонович Н.А.* Политические трансформации: парадигмы изучения и ключевые исследовательские проблемы // Социология. – 2007. – № 2. – С. 34-47.

- 3.7. *Аптекарь П., Сеницын А.* Страна петиций// Ведомости. – 2016. – № 125 (4114).
- 3.8. *Арон. Р.* Демократия и тоталитаризм. М., 1993.
- 3.9. *Арон. Р.* Эссе о свободах: «универсальной и единственной формулы свободы не существует» // Полис. – 1996. – № 1. – С. 128-137.
- 3.10. *Ачкасов В.А.* Легитимация власти в постсоциалистическом российском обществе. – М. : Аспект Пресс, 1996.
- 3.11. *Ачкасов В.А.* Россия, как разрушающееся традиционное общество // Полис. – 2001. – № 3. – С. 83-92.
- 3.12. *Ачкасов В.А.* Институты западной представительной демократии в сравнительной перспективе. – М. : ИВЭ-СЭП : Знание, 2006.
- 3.13. *Ачкасов В.А.* Транзитология – научная теория или идеологический конструкт? // Полис. – 2015. – № 1. – С.30-37.
- 3.14. *Ахмадов Ш.Д.* Демократический режим: специфика становления и развития : дис. ... канд. полит. наук. Душанбе, 2011.
- 3.15. *Баранов Н.А.* Институализация в России: особенности национальной модели // Политэкс. – 2007. – Т. 3. – № 4. – С. 68-86.
- 3.16. *Баранов Н.А.* Влияние консервативных тенденций на формирование политической системы России // Обозреватель-Observer. – № 3. – 2016. – С. 6-19.
- 3.17. *Бодрийяр Жан.* Общество потребления. – М., 2006 – 247 с.
- 3.18. *Браун А.* Политическое лидерство и политическая власть // Полис. – 2016. – № 1. – С. 104-120.
- 3.19. *Бурматов В.В.* Политическая коммуникация в России: запрос на новый институциональный порядок. Государственное управление. Электронный вестник. Выпуск № 33. Август 2012 г.
3. 20. *Вайнштейн Г.И.* Закономерности и проблемы посткоммунистических трансформаций // Политические институты на рубеже тысячелетий. – Дубна. – 2001. – С. 136-170.

3.21. *Вайнштейн Г.И.* Российский транзит и проблема типологического разнообразия «глобальной демократизации» // Политические институты на рубеже тысячелетий. Дубна, 2001.

3.22. *Варга Е.* Основные проблемы китайской революции // Свободная мысль – 2015. – № 6. – С. 181-208.

3.23. *Васович В.* Переход к демократии в посткоммунистических странах // Вестник Московского университета. – 1998. – Сер. 18. – № 2. – С. 13-19.

3.24. *Вебер А.Б.* Социальная справедливость и развитие // Свободная мысль. – 2015. – № 5 (1653). – С. 95-108.

3.25. *Воспроизводство* России в XXI веке: диалектика регулируемого развития. К 80-летию выхода в свет книги Дж.М. Кейнса «Общая теория занятости, процента и денег». – М. : Финансовый университет, 2016. – 740 с.

3.26. *Гаджиев В.С.* Перспективы демократии в век информационной революции // Власть. – 2014. – № 8. – С. 19-27.

3.27. *Гельман В.Я.* Возвращение Левиафана? Политика децентрализации современной России // Полис. – 2006. – № 2. – С. 90-107.

3.28. *Гельман В.Я.* Модернизация, институты и «порочный круг» постсоветского неопатримониализма. Препринт М-41/15.– СПб. : Изд-во Европейского университета в Санкт-Петербурге. – 2015. – 44 с. Доступ: http://eu.spb.ru/images/M_center/M_41_15.pdf (проверено:04.10.2015)

3.29. *Гельман В.Я.* Постсоветские политические трансформации. наброски к теории // Полис. – 2001. – № 2. – С. 6-18.

3.30. *Гельман В.Я.* Из огня да в полымя: российская политика после СССР. СПб., 2013.

3.31. *Гельман В.Я.* Порочный круг «недостойного правления» // Ведомости – 2016. – № 86 (4075).

3.32. *Глазьев С.Ю.* Запредельное неравенство // Завтра. – 2015.– 24 августа.

- 3.33. *Голосов Г.В.* Демократия в России: инструкция по сборке. СПб., 2012.
- 3.34. *Голосов Г.В.* Сравнительная политология. Новосибирск, 1995.
- 3.35. *Грозин А.В.* «Либо это запаздывание, либо это движение с опережением графика // <http://www.materik.ru/rubric/detail.php2ID=16969ssi>
- 3.36. *Гудков Л.Д.* Негативная идентичность. Статьи 1997-2002. М. : Новое литературное обозрение, 2004. – 816 с.
- 3.37. *Даймонд Л.* Прошла ли «третья волна» демократизации?//Полис. – 1999 – № 1. – С. 10-25.
- 3.38. *Даль Р.* Полиархия: участие и оппозиция. М., 2010.
- 3.39. *Данилов А.Н.* Постсоветские трансформации: уроки для будущего. // Социология. – 2005. – № 4. – С. 19-27.
- 3.40. *Дахин В.Н.* Политические проблемы постсоветского пространства // Куда идет Россия? Социальная трансформация постсоветского пространства / под общей ред. Т.И. Заславской. – М. : Аспект пресс, 2006.
- 3.41. *Деягин М.Г.* Светочи тьмы. Физиология либерального клана. От Гайдара и Березовского до Собчака и Навального. М., 2016.
- 3.42. *Дискин И.Е., Федоров В.В.* Респонсивность современной российской политической системы // Мониторинг общественного мнения. – 2010. – № 6 (100) ноябрь – декабрь. – С. 4-11.
- 3.43. *О'Донелл Г.* Делегативная демократия // Антология. Пределы власти/ <http://old.russ.ru/antolog/predely/2-3/dem01.htm>
- 3.44. *Дроговоз И.Г.* Англо-бурская война 1899-1902 гг. Минск, 2004.
- 3.45. *Егоров В.Г., Абрамов А.В.* Аксиологический контекст политической модернизации России // Вестник российской нации. – 2014. – № 5. – С. 122-137.
- 3.46. *Егоров В.Г., Савина О.В.* Общая культурно-цивилизационная основа – фактор реинтеграции постсоветского сообщества // Обозреватель-Observer. – 2012. – № 12 (275). – С. 42-52.

- 3.47. *Егоров В.Г., Морозов А.А.* Партология. М. Дюверже и актуальные проблемы российского партогенеза // *Обозреватель*. – 2012. – № 5. – С. 88-99.
- 3.48. *Егоров В.Г., Морозов А.А.* Особенности современного российского партогенеза // 13 часть. – 2012. – № 6. – С. 22-25.
- 3.49. *Егоров В.Г., Морозов А.А.* Партийный «постмодерн» // *Мир и политика*. – 2012. – № 6. – С. 14-21.
- 3.50. *Егоров В.Г., Абрамов А.В., Федорченко С.Н.* Сравнительная политология постсоветского пространства. М, 2015.
- 3.51. *Елизаров В.* От авторитаризма к демократии: две модели демократизации // *Pro et Contra*. – 1998. – Т. 3. – № 3. – С. 98-109.
- 3.52. *Елизаров В.П.* Элитистская теория демократии и современный российский политический процесс // *Полис*. – 1999. – № 1. – С. 72-78.
- 3.53. *Елисеев С.М.* Выйти из «бермудского треугольника»: о методологии исследования посткоммунистических трансформаций // *Полис*. – 2002. – № 6. – С. 71-82.
- 3.54. *Железнова М.* Территория пессимизма // *Ведомости*. – 2016. – № 127 (4116).
- 3.55. *Жувенель Б.* Власть. Естественная история ее возрастания. М., 2011.
- 3.56. *Зайцева Т.И.* В защиту русского либерализма // *Полис*. – 2006. – № 1. – С. 181-185.
- 3.57. *Закария Ф.* Возникновение нелиберальных демократий // *Логос*. – 2004. – № 2 (42). – С. 55-70.
- 3.58. *Закария Ф.* Нелиберальная демократия: пять лет спустя: судьба демократии в двадцать первом веке // *Логос*. – 2004. – № 2 (42). – С. 71-78.
- 3.59. *Захаров А.В.* Коррупция в условиях системной трансформации на постсоветском пространстве // *Проблемы современной экономики*. – 2006. – № 3/4 (19/20). – С. 49-52.
- 3.60. *Зырянов П.Н.* Крестьянская община Европейской России 1907-1914 гг. – М. – 1992. – 256 с.

- 3.61. *Идеи* модернизации в политической науке и политической практике // Политическая наука. – 2012. – № 2.
- 3.62. *Ильин И.* О грядущем России. Избранные статьи. М., 1993.
- 3.63. *Иноземцев В.П.* Превентивная демократия: понятие, предпосылки возникновения, шансы для России // Полис. – 2012. – № 6. – С. 78-83.
- 3.64. *Иноземцев В.П.* За пределами экономического общества. М., 1998.
- 3.65. *Ионин Л.Г.* Адепт консерватизма. М., 2010.
- 3.66. *Капустин Б.Г.* Конец «транзитологии» (о теоретическом осмыслении посткоммунистического десятилетия) // Полис. – 2001. – № 4. – С. 6-11.
- 3.67. *Кирдина С.Г.* Институциональные матрицы и развитие России. Введение в Х-У теорию. М. ; СПб., 2014.
- 3.68. *Клямкин И.М.* Посткоммунистическая демократия и ее исторические особенности в России // Полис. – 1993. – № 2. – С. 6-25.
- 3.69. *Ковалев В.А.* Демократизация и неравенство // Политическая наука. – 2004. – № 4. – С. 11-32.
- 3.70. *Ковалев В.А.* Пессимизм интеллекта – оптимизм воли (об отношении интеллектуалов-патриотов к упущенным шансам и возможным перспективам демократии в России)//<http://politanaliz.ru>articles 523.html>
- 3.71. *Ковш* русского экскаватора // Взгляд. – 2016. – 2 окт.
- 3.72. *Консерватизм* в России и мире: ВЗ4. / под ред. А.Ю. Минакова. Воронеж, 2004.
- 3.73. *Косолапов Н.А.* Общесистемные интересы вместо национальных // Россия в глобальной политике. – 2016. – № 2. – С. 34-54.
- 3.74. *Крашенинников Ф.* В Интернете врать не будут // Ведомости. – 2016. – № 126 (4115).
- 3.75. *Лавров С.В.* Историческая перспектива внешней политики России // Россия в глобальной политике. – 2016. – № 2. – С. 8-21.
- 3.76. *Лаврухин А.* Общество потребления и дух авторитаризма//<http://nmnby.eu/news/analytics/5862.html>

- 3.77. *Лебедева Т.П.* Либеральная демократия как ориентир для постсоветских преобразований // *Полис*. – 2004. – № 2. – С. 76-84.
- 3.78. *Линецкий А.В.* Институты гражданского общества в общественных трансформациях: теория и практика посткоммунистических стран // *Политэкс*. – 2007. – Т. 3. – № 4. – С. 123-135.
- 3.79. *Любимов И.* Плюсы горизонтали // *Ведомости*. 2016. – № 89 (4078).
- 3.80. *Макаренко Б., Мельвиль А.* Как и почему «зависают» демократические транзиты? Посткоммунистические уроки // *Демократия в российском зеркале*. М. : Изд-во МГИМО-Университет, 2013. – С. 429-476.
- 3.81. *Макконелл Брюс.* Сетевое общество и роль государства. Новые вызовы свободе и безопасности // *Россия в глобальной политике*. – 2016. – № 2. – С. 130-142.
- 3.82. *Макферсон К.Б.* Жизнь и времена либеральной демократии. М., 2011.
- 3.83. *Малаканова О.А.* Модели демократизации в посткоммунистических странах: сравнительный анализ. М., 2002.
- 3.84. *Маркс К.* Письмо Вере Засулич 8 марта 1881 г. // *К. Маркс, Ф. Энгельс. Избранные сочинения*. М., 1887.
- 3.85. *Мартьянов В.С.* Политический проект модерна. От мироэкономики к мирополитике: стратегия России в глобализирующемся мире. М., 2010.
- 3.86. *Мачкув Е.* Преобразование посткоммунистического тоталитаризма и посткоммунистическая системная трансформация: проблемы, концепция, периодизация // *Полис*. – 2000 – № 4. – С. 38-59.
- 3.87. *Медушевский А.Н.* Демократизация и авторитаризм: российский конституционализм в сравнительной перспективе. – М. : РОССПЭН, 1998.
- 3.88. *Медушевский А.Н.* К критике консервативной политической романтики в постсоветской России // *Российская история*. – 2012. – № 1. – С. 3-16.

- 3.89. *Мельвиль А.Ю.* О траекториях посткоммунистических трансформаций // *Полис.* – 2004. – № 2. – С. 64-79.
- 3.90. *Мельвиль А.Ю.* Демократический транзит // *Политология. Лексикон* / под ред. А.И.Соловьева. М., 2007.
- 3.91. *Мельвиль А.Ю., Стукал Д.К., Миронюк М.Г.* Факторы режимных трансформаций и типы государственной состоятельности в посткоммунистических странах. Высшая школа экономики. Препринт WD14/2011/04Серия WP14. М., 2011.
- 3.92. *Мельвиль А.Ю., Стукал Д.К., Миронюк М.Г.* Траектории режимных трансформаций и типы государственной состоятельности // *Полис.* – 2012. – № 2. – С. 8-30.
- 3.93. *Мельвиль А.Ю.* Опыт теоретико-методологического синтеза структурного и процедурного подходов к демократическим транзитам//<http://www.politnauka.org/library/dem/melvil.php>
- 3.94. *Меркель В.* Формальные и неформальные институты в дефектных демократиях // *Полис.* – 2002. – № 1. – С. 6-17; (II) № 2. – С. 20-29.
- 3.95. *Мизес Л.* Социализм. Экономический и социологический анализ. М., 1994.
- 3.96. *Миллер А.* От демократии XIX века – к демократии XXI: каков следующий шаг? // *Демократия и модернизация: к дискуссии о вызовах XXI века.* М., 2010, с.92-97.
- 3.97. *Мирский Г.И.* Авторитаризм и демократия: две модели? // *Полис.* – 1996. – № 5. – С. 136-144.
- 3.98. *Митева Л.Д.* Особенности консолидации демократии в странах Центральной и Восточной Европы. Материалы круглого стола // *Полис.* – 1999. – № 3. – С. 41-49.
- 3.99. *Михалева Г.* Режимные переходы: основные концепции // *Отечественные записки.* – 2013. – № 6. – С. 1-10.
- 3.100. *Мусин М.М.* Бизнес в стиле распил. Куда уходят богатства родины. М., 2012.

- 3.101. *Мухитдинов А.Н.* Особенности становления демократии и института частной собственности в Республике Узбекистан//
- 3.102. *Общее и особенное в политическом развитии России и других стран СНГ. Пути российского посткоммунизма. Очерки / под ред. М. Липмана, А. Рябова. М. : Московский центр Карнеги, 2007.*
- 3.103. *Олейник А.* Оппозиция без лидера // Ведомости. – 2016. – № 79 (4068).
- 3.104. *Опыт общественно-политических трансформаций на постсоциалистическом пространстве: круглый стол российских и польских ученых // Вестник московского университета (Сер. 12. Политические науки). – 2005. – № 2. – С. 14-21.*
- 3.105. *Опыт* российского либерализма. Антология. М., 1997.
- 3.106. *Павленко В.Б.* Перепутье российского либерализма // Обозреватель-Observer. – 2004. – № 5. – С. 28-34.
- 3.107. *Пастухов В.Б.* Перспективы посткоммунистического консерватизма и президентские выборы (конспект ситуации) // Полис. – 1996. – № 2. – С. 75-83.
- 3.108. *Перегудов С.П.* Концепция «мониторинговой демократии» в поисках альтернативных моделей политического развития // Полис. – 2012. – № 6. – С. 42-47.
- 3.109. *Петухов В.В., Барааш Р.Э., Седова Н.Н., Петухов Р.В.* Гражданский активизм в России: мотивация, ценности и формы участия // Власть. – 2014. – № 9. – С. 11-18.
- 3.110. *Платтнер М.* От либерализма к либеральной демократии // Апология. – 2005. – № 11 (1). – С. 3-9.
- 3.111. *Пляйс Я.А.* Политическая модернизация в России. Исторический опыт и современные проблемы // Обозреватель-Observer. – 2002. – № 1. – С. 32-38.

- 3.112. *Пляйс Я.А.* Политическая модернизация в России. Реформирование России в 90-е годы XX века // *Обозреватель- Observer*. – 2002. – № 2. – С. 30-37.
- 3.113. *Пляйс Я.А.* Российская государственность между прошлым и будущим // *Обозреватель-Observer*. – 2009. – № 6. – С. 35-43.
- 3.114. *Пляйс Я.А.* Проблемы политической модернизации, социальной революции и народовластия в России // *Observer*. – 2009. – № 5. – С. 18-28.
- 3.115. *Пляйс Я.А.* Почему России нужна новая элита // *Обозреватель-Observer*. – 2015. – № 2. – С. 57-67.
- 3.116. *Пути модернизации: траектория, развилки и тупики* : Сборник статей / под ред. В.Гельмана и О.Маргания. СПб., 2010.
- 3.117. *Ратленд П.* Постсоветские элиты России // *Полис*. – 2016. – № 3.
- 3.118. *Репников А.В.* Консервативные концепции переустройства России. М., 2007.
- 3.119. *Розов Н.С.* Колея и перевал: макросоциологические основания стратегий России в XXI веке. – М. : РОССПЭН, 2011. – 735 с.
- 3.120. *Розов Н.С.* Теория трансформации политических режимов и природа неопатримониализма // *Полис*. – 2015. – № 6. – С. 157-172.
DOI:<http://dx.doi.org/10.17976/jpps/2015.06.15>
- 3.121. *Розов Н.С.* Неопатримониальные режимы: разнообразие, динамика и перспективы демократизации // *Полис*. – 2016. – № 1. – С.139-156.
- 3.122. *Рубцов А.* Драма вертикали // *Ведомости*. – 2016. – № 77 (4066).
- 3.123. *Садыркулов М.Ч.* Особенности процесса политической демократизации в Кыргызстане : дис. ... канд. полит. наук. Алматы, 2000.
- 3.124. *Симонов К.* Зачем нужны референдумы // *Ведомости*. – 2016. – № 115 (4104).
- 3.125. *Сингапурское чудо*: Ли Куан Ю. М., 2016.
- 3.126. *Снегова М.* Почему Россия не Сирия // *Ведомости*. – № 4012. 10.02.2016.

- 3.127. *Согрин В.В.* США в XX-XXI веках. Либерализм. Демократия. Империя. М., 2015.
- 3.128. *Сокольский И.Б.* Консерватизм: идея или метод? // Полис. – 1998. – № 4. – С. 52-61.
- 3.129. *Субетто А.И.* Основания и перспективы восходящего воспроизводства российской цивилизации в XXI веке: стратегический взгляд : Материалы III Международной научной конференции «Воспроизводство России в XXI веке: диалектика регулируемого развития». 3 марта 2016 года в Финансовом университете при правительстве РФ, г. Москва.
- 3.130. *Суздальцев А.И.* Постсоветское пространство: уходящая реальность // Мир вокруг России: 2017 – контуры недалекого будущего//<http://www.polit.ru>
- 3.131. *Тилли Ч.* Демократия. М., 2007.
- 3.132. *Третьяков В.Т.* Почему у нас ничего не получается? Ч. 1-2 // Эксперт. – 2013. – № 2, 4.
- 3.133. *Убийство демократии: операции ЦРУ и Пентагона в постсоветский период / сб. ст. международного авторского коллектива.* М., 2014. 480 с.
- 3.134. *Урманбетова Ш.* Демократия в Кыргызстане «споткнулась» о национальную культуру//<http://www.paruskg.info/2013/06/15/81719>
- 3.135. *Фергюсон Н.* Цивилизация: чем Запад отличается от остального мира. М., 2014. 544 с.
- 3.136. *Фисун А.А.* К переосмыслению постсоветской политики: неопатримониальная интерпретация // Политическая концептология. – 2010. – № 4. – С. 158-187.
- 3.137. *Фроянов И.Я.* Киевская Русь: главные черты социально-экономического строя. СПб., 1999.
- 3.138. *Фукуяма Ф.* Великий разрыв. М., 2008.

- 3.139. *Ханалиев Н.У.* Политические режимы национальных республик Северо-Кавказского Федерального округа: факторы формирования и системные характеристики : дис. ... канд. полит. наук. М., 2015.
- 3.140. *Хантингтон С.* Третья волна. Демократизация в конце XX века. – М. : РОССПЭН, 2003.
- 3.141. *Харитонова О.Г.* Недемократические политические режимы // Политическая наука. – 2012. – № 3. – С. 9-30.
- 3.142. *Харитонова О.Г.* Президентство и демократия: состояние дискуссии // Политическая наука. – 2013. – № 3. – С. 199-213.
- 3.143. *Холмс Л.* Социальная история России. 1917-1941. Ростов н/Д, 1994.
- 3.144. *Цыганков А.П.* Современные политические режимы: структура, типология, динамика. М., 1995
- 3.145. *Чеботарев А.Е.* Политическая мысль суверенного Казахстана: динамика, идеи, оценки. – Астана-Алматы, 2015.
- 3.146. *Черняховский С.Ф.* Самозванцы либерализма. Идеология «золотой рыбки» // Свободная мысль. – 2015. – № 5 (1653). – С. 69-81.
- 3.147. *Честнейшин Н.В.* Консерватизм и либерализм: тождество и различие // Полис. – 2006. – № 4. – С. 168-173.
- 3.148. *Шарп Д.* От диктатуры к демократии. Концептуальные основы освобождения // Einstein@igc.org
- 3.149. *Швидко В.* Япония: в поисках путей консервативного обновления // Год планеты. Экономика. Политика. Безопасность. Ежегодный выпуск / Институт экономики и международных отношений им. Е.М. Примакова. С. 207-215.
- 3.150. *Шестопал Е.Б.* Ценностные характеристики российского политического процесса и стратегия развития страны // Полис. – 2014. – № 2. – С. 59-68.
- 3.151. *Шириняниц А.А.* Нигилизм или консерватизм? (Русская интеллигенция в истории политики и мысли). М., 2011.

3.152. *Шмиттер Ф.* Будущее демократии: можно ли рассматривать его через призму масштаба? // Логос. – 2004. – № 2. – С. 7-14.

3.153. *Шмиттер Ф.* Неокорпоратизм // Полис. – 1997. – № 2. – С. 14-20.

3.154. *Шмиттер Ф.* Процесс демократического транзита и консолидация демократии // Полис. – 1999. – № 3. – С. 28-35.

3.155. *Шмиттер Ф.* Размышления о гражданском обществе и консолидации демократии // Полис. – 1996. – № 5. – С. 11-19.

3.156. *Шмиттер Ф.* Угрозы и дилеммы демократии // Век XX и мир. – 1994. – № 7-8.

3.157. *Шмиттер Ф., Карл Т.* Что есть демократия... и чем она не является // Диалог. – 1993. – № 2. – С. 14-27.

3.158. *Штоль В.В.* Постсоветские государства: поиски самоидентификации и издержки независимости // Обозреватель-Observer. – 2012. – № 12. – С. 29-41.

3.159. *Шумпетер И.* Капитализм, социализм, демократия. М., 1995.

3.160. *Эйзенштадт Ш.Н.* Парадокс демократических режимов: хрупкость и изменчивость // Полис. – 2002. – № 2, 3.

3.161. *Яковлев А.А.* Смысл и назначение воинственности // Россия в глобальной политике. – 2015. – Т. 13. – № 6. – С. 119-134.

4. Литература на иностранных языках

4.1. *Bitar S., Lowenthal A.F.* Democratic Transitions : Conversations with World Leaders. – Baltimore : Johns Hopkins University Press, 2015. – 468 p.

4.2. *Fukuyama F.* The end of History // The National Interest (Summer 1989).

4.3. *Geddes B.* Paradigms and Sand Castles: Theory Building and Research Design in Comparative Politics. Ann Arbor, MI : University of Michigan Press, 2003.

4.4. *Hale H. E.* Patronal Politics: Eurasian Regime Dynamics in Comparative Perspective. Cambridge : Cambridge University Press, 2014. P. 2-17.

4.5. *Hale H.* Regime Cycles: Democracy, Autocracy and Revolution in Post-Soviet Eurasia // *World Politics*. – 2005. – Vol. 58. – № 1. – P. 133-165.

4.6. *Huntington S.* How Countries Democratize *Political Science Quarterly*. 1991-92. Vol. 106, № 4.

4.7. *Karl T.* The Hybrid Regimes of Central America // *Journal of Democracy* (6) 3, 1995.

4.8. *Linz J., Stepan A.* Problem of Democratic Transition and Consolidation: Southern Europe, South America and Post-Communists Europe. Baltimore, 1996.

4.9. *Lipset S.* Political Man. The Social Basis of Politics. Baltimore, 1981.

4.10. *Luhmann N.* Die soziologische Beobachtung des Rechts. – Frankfurt : Metzner, 1986.

4.11. *Mc Guire V., Olson M.* The Economics of Autocracy and Majority Rule: The Invisible Hand and the Use of Force // *Journal of Economic Literature*. – 1996. – Vol. 34. – № 1.

4.12. *Merkel W.* Systemtransformation. Opladen : Leske + Budrich, 1999.

4.13. *Moor B.* Sozial Ursprünge von Diktatur und Demokratie. Frankfurt am M., 1969.

4.14. *O'Donnel G., Schmitter Ph.* Transition from Authoritarian Rule. Tentative Conclusions about Uncertain Democracies. Baltimore, 1986.

4.15. *Parsons T.* Das Problem der Strukturwandels: eine theoretische Skizze ZapfW. (Hrsg.) Theorien des sozialen Wandels. Koln : Berlin, 1969.

4.16. *Rose R., Mishler W., Munro N.* Popular Support for an Undemocratic Regime : The Changing Views of Russians. Cambridge : Cambridge University Press, 2011.

4.17. *Przeworski A.* Democracy and the Market. Political and Economic Reforms in Eastern Europe and Latin America. Cambridge : Cambridge University Press, 1991.

4.18. *Przeworski A., Limongi F.* Modernization, Theories and Facts. // *World Politics* (January), 1997.

- 4.19. *Przeworski A.* Some Problems in the Study of the Transition to the Democracy // O'Donnel G., Schmitter Ph., Whitehead L. (eds.) *Transition from Authoritarian Rule : Comparative Perspectives* (47-63), 1986.
- 4.20. *Ruschemeyer D., Stephens E., Stephens J.* *Capitalist Development & Democracy* // Cambridge, 1992.
- 4.21. *Schmitter P.C.* 1996. Neo-Corporatism and the Consolidation of Neo-Democracy / Paper presented at “The Challenges of Theory Symposium”. Moscow, June 17-21, 1996.
- 4.22. *Schmitter P.C., Karl T.L.* The Conceptual Travels of Transitologists and Consolidologists: How Far to the East Should They Attempt to Go? // *Slavic Review* – 1994.– Vol. 53 – № 1.
- 4.23. *Vanhanen T.* *Strategies of Democratization*, Washington, 1992.
- 4.24. *World Bank* 2-000 *Anticorruption in Transition. A Contribution to the Policy. Debate.* Washington.D.C. : World Bank.
- 4.25. *Way L.* *Authoritarian State Building and the Sources of Regime Competitiveness in the Fourth Wave : The Cases of Belarus, Moldova, Russia and Ukraine* // *World Politics.* – 2005. – Vol. 57. – № 2. – P. 231-261.
- 4.26. *Huskey E.* *Elite Recruitment and State-Society Relations in Technocratic Authoritarian Regimes : The Russian Case* // *Communist and Post-Communist Studies.* – 2010. – Vol. 43. – № 4. – P. 363-372.
- 4.27. *S.M.Terry.* *Thinking about Post-Communist Transitions: How Different Are They?* // *Slavic Review.* – 1993. – Vol. 52. – № 2. – P. 333-337.
- 4.28. *Schmitter Ph.C., Karl T.L.* *Conceptual Travels of Transitologists and Consolidologists: How Far East Should They Attempt to Go?* // *Slavic Review.* – 1994. – Vol. 53. – № 1 Spring. – P. 173-185; *Karl T.L., Schmitter Ph.C.* *From an Iron Curtain to a Paper Curtain: Grounding Transitologists or Students of Postcommunism?* // *Slavic Review.* – Winter 1995. – Vol. 54. – P. 965-978.
- 4.29. *Bunce V.* *Should Transitologists Be Grounded?* // *Slavic Review.* – 1995. – Vol. 54. – № 1. – P. 111-127; *Idem: Comparing East and South* // *Journal of Democracy.* – 1995. – Vol. 6. – № 3 July. – P. 87-100; *Idem: Regional*

Differences in Democratization: The East Versus the South // *Post-Soviet Affairs*//
1998. – Vol. 14. – № 3. – P. 187-211.

4.30. *Tokes R.L.* Transitology: Global Dreams and Post-Communist
Realities // *Central Europe Review*. – 2000. – Vol. 2. – № 10, 13 March.